

Эльвира Барякина

Ж. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

(вторая часть дилогии «Женщина с большой буквы Ж»)

*Что бы ты ни думал о себе:
«я могу» или «я не могу», —
в любом случае ты окажешься прав.*

— *Генри Форд*

АФИША

8 января 2007 г.

Мама долго не брала трубку. Наконец отозвалась:

— Ну дайте штаны-то надеть!

Обычно связь между Нижним Новгородом и Голливудом отличная, но на этот раз я едва понимала, что мама говорит. Впрочем, набор вопросов у нее стандартный: «Как здоровье?», «Что ты кушаешь?» и «А мы с отцом поругались, представляешь?»

Я ответила, что положено, и перешла к основной части:

— Мам, а у меня новый парень. Вернее, дяденька.

Мама была в шоке.

— Откуда?

— Он адвокат...

— Твой? Ты еще что-то натворила? Ох, лучше бы в тебя судья влюбился — оно б надежнее было.

Мама всегда боится, что я влипну в какую-нибудь историю. Это еще с детства пошло. Помню, она привела меня, шестилетнюю, в парикмахерскую:

— Какую мы хотим прическу? — спросила тетя с ножницами.

Я достала юбилейный рубль с изображением Ленина.

— Как у него!

Парикмахерше сделалось дурно.

Я была непростым ребенком. Кто после ссоры с бабушкой поехал в морг и попросил сторожа позвонить ей и сказать, где я нахожусь?

Кто доводил Татьяну Юрьевну — прекрасную женщину и педагога? Она утверждала, что я пишу, как курица лапой.

— Неправда ваша! — спорила я. — Хотите докажу?

И доставала из портфеля желтую курячью ногу.

Маме было сложно поверить в то, что нормальный принц способен влюбиться в перезревшую красотку — к тому же с тремя с половиной разводами за плечами.

— Неужели его не смущает твое прошлое? — спросила она.

— Подумаешь! У меня было всего четыре ошибки молодости, а у некоторых — по восемь-девять.

— И он ходит к тебе на свидания?

— Почти каждый день.

— Странный какой... У него ж небось работа, дела... Ты сама-то его любишь?

— Ага.

— За что?

— За фантазию.

Это правда. Пол думает о людях лучше, чем они того заслуживают. Он работает в фирме, специализирующейся на голливудских звездах. Звезды, как известно, состоят из газа, причем не всегда приятного, а Пол этого не замечает: у него все хорошие.

— Он полюбил меня за болтливость, — нахвасталась я. — Говорит, что меня очень интересно слушать.

— Доча! Так он не адвокат! — испугалась мама. — Он следователь! Его специально к тебе подослали, чтобы ты ему про своих сокамерниц рассказывала! А я-то думаю: кто это тебе из тюрьмы разрешил звонить? Что он тебе пообещал? Условно-досрочное?

Я медленно положила трубку. Это была не моя мама.

А моя мама выслушала новость спокойно:

— Запомни одно, — сказала она, — большинству людей нужна не сама любовь, а символы любви — кому норковая шуба, кому секс по субботам. Так вот — не следуйте за большинством, и все у вас будет нормально.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

9 января 2007 г.

Меня зовут Мардж Тенш. Мне 41 год — время собирать камни и складывать их за пазуху.

Я оглядываюсь назад — эмиграция в Америку, свое литературное агентство, мопс Ронский-Понский — нечто среднее между домашним любимцем и домашним паразитом.

Полжизни проведено замужем: что ни супруг, то *личность*: Трус, Балбес, Бывалый и д'Артаньян.

Первый, Димочка Кегельбан, все страдал от несправедливости — с какой стати он должен кормить и оберегать жену? Он что — рыжий, что ли? Став голубым, Дима навсегда избавился от этой проблемы.

Второй муж, Лука, был военным фотокорреспондентом. Ему жизнь была не мила, если он чего-нибудь не штурмовал — за это я его разлюбила. Луку грохнули в Багдаде — при исполнении служебных обязанностей. Так из бывшей жены я стала бывшей вдовой.

Третий муж, Макс, оказался нефтяным вице-королем. Сначала нам было весело, а потом мы друг другу надоели.

Четвертого, Зэка, привел режиссер Кевин — моя большая внебрачная любовь. Он утверждал, что Зэк — будущий секс-символ Голливуда, и потому его надо хватать, пока дают. Мы с мальчиком поженились, и в результате ему досталась грин-карта, мне — двадцатилетний супруг, а Кевину досталось по рогам.

Зэк учил меня жизни, я помогала ему материально — у нас была почти любовь. Но тут появился Пол, и теперь мы каждый день изменяем моему мужу. Впрочем Зэку наплевать — он давно сбежал от меня. Говорят, у него все хорошо: он без пяти минут звезда...

— Точно. Самая недалекая из них, — ерничает Пол.

Зэк — единственный человек, которого он терпеть не может.

Сначала я жаловалась на судьбу втихомолку, а потом решила, что люди должны знать о моих страданиях. Завела дневник в «Живом журнале» — <http://agent-marge.livejournal.com>, — и всё всем растрепала. Откровенничать я могла сколько угодно: никто из моих героев все равно по-русски не читает. Разве что мама, да сестра. Но Леля не признает моего творчества по техническим причинам — от него совесть просыпается. А маме можно доверять: она по-английски знает только «fuck you».

Я думала, что пишу либретто мыльной оперы, а оказалось — книгу. Отправила ее в издательство «Олимп». Женя Ларина, редактор, посмотрела: «Берем. Срочно пишите второй том».

Я пишу. Тема у меня благодатная — учебник жизни. А учебники, как известно, — самый ходовой товар. Я даже аннотацию для второго тома придумала:

ДАНО:

Литературный агент Мардж Тенш — 1 шт.

Адвокат Пол Вардлоу — 1 шт.

Историческая встреча — 1 шт.

Доисторические тараканы в башке — 2х

НАЙТИ: Что из этого получится.

Решение обещает быть любопытным, учитывая, что по математике у меня стоял «тройк», а с логикой я не то что на «вы», а на «ваше величество».

ЮРИДИЧЕСКИЙ БИЗНЕС

11 января 2007 г.

В офисе Пола красуется лозунг:

*Подчиненные вид должны иметь бравый и придурковатый,
дабы умствованием своим не смущать начальство.*

— Петр I, русский царь

Это моя работа — целый месяц вышивала крестиком по канве, потом вставила в рамочку и подарила.

Шкафы черные, кресла красные, на столе пара наручников — чтобы клиенты развлекались, пока Пол решает их вопросы. Приковывать себя к офисной мебели — интереснейшее занятие.

Секретарша у Пола — прекрасная дева с таким бюстом, что печатать она может только вслепую. Блондинка по убеждению, настоящая женщина.

— Мистер Вардлоу, а сходите, пожалуйста, со мной в туалет.

— А сама — никак?

Выясняется, что Эммануэль (так зовут секретаршу) пролила в раковину бутылку жидкого мыла: пена вздыбилась до потолка и начала заваливаться на унитаз.

— Что делать-то? — ужасается Эммануэль.

И так во всем: факсы у нее отправляются не адресату, а за тумбочку, а диски копируются на ксероксе.

Я вспоминаю старую истину о том, что первоклассные руководители подбирают себе первоклассных сотрудников; а люди второго сорта предпочитают, чтобы их окружали люди третьего сорта.

— Зачем ты ее держишь? — спрашиваю я Пола.

А он смеется.

— Эммануэль — отличный профессионал. Она как никто умеет общаться с прессой.

Журналисты — это бич адвокатских контор, работающих на Голливуд. Репортерам нужно писать про звезд и они целыми днями названивают «Картеру и

партнерам», чтобы выяснить, кто с кем, когда и почему. Функция Эммануэль — вежливо тупить в телефон:

— Да, мистер Вардлоу уехал. Я записала ваши координаты. Да, он их получил, но не перезвонил, потому что он мой почерк не разбирает.

При личных встречах она еще более эффективна. Завидев ее, репортеры впадают в столбняк: мужчины — от восхищения, женщины — от классовой ненависти.

«Картер и партнеры» работает по принципу «добрый полицейский — злой полицейский». Пол — добрый. А Картер проходит у журналистов под кличкой «Бешеная Козывка». Ему, собственно, за злобность и платят — по 400 долларов в час. Доброта Пола стоит дешевле — всего 380 баксов.

Рабочий день. Звонок: клиент зашел в пляжный магазин и увидел свою статуэтку с башкой на пружинке. Если голову снять, то ею можно точить карандаши. Стружки падают в пустое пространство черепной коробки.

— Кто это сделал?! — вопил клиент.

Продавец отводит глаза в сторону.

— Китайцы.

— Засужу!!!

Картер пишет иск, Пол отпаивает звезду минералкой и рассказывает успокаивающие анекдоты.

И так целый день: то А. с кокаином поймают, то В. налоги не заплатит.

— И охота тебе нервы на них тратить? — спрашиваю я Пола.

Он только улыбается.

— Я всегда мечтал в цирке работать.

— Клоуном?

— Монтером страшного оборудования. Приятно, когда от тебя зависит жизнь любимцев публики.

ЮНОСТЬ

12 января 2007 г.

Пол родился в Ираке в семье английского инженера, который помимо основной работы шпионил в пользу королевы Елизаветы. После иракской революции отца перевели в Нигерию, потом в Гану, так что Пол и его старший брат Эрни все детство колесили по Западной Африке. Только в 1964 году семейство Вардлоу перебралось в Англию — мальчикам нужно было получать образование.

Полу там не понравилось. В школе на него посмотрели как на дикаря, когда он вытащил из ранца связку амулетов, подаренных черной няней.

— Это от удара копьем, это для отпугивания злых духов, а это для того, чтобы быть великим воином, не знающим соперников.

Увидев сушеные кости неизвестного происхождения, учительница чуть в обморок не грохнулась.

— Не трогай эту гадость! — завопила она и выкинула амулеты в мусор. — На них бог весть какая инфекция может водиться!

Пола выставили перед классом.

— Суеверие, мальчик, это большой грех. Если ты хочешь чем-то отличиться перед своими товарищами, ты должен демонстрировать им отличные знания и примерную дисциплину.

На следующий день школу огласил дикий вопль. Учительница полезла в стол за карандашом и обнаружила там мохнатого паука размером с крысу.

Пол клялся, что он тут ни при чем — это все разгневанные духи, но ему мало кто верил.

Первые годы учебы дались ему особенно тяжело: из-за врожденной дислексии он научился читать только к третьему классу. При этом у Пола была феноменальная память на все, что не касалось букв.

— Странный мальчик, — говорил директор. — Теоретически он мог бы стать лучшим учеником школы, но он делает по пять ошибок в слове из четырех букв.

Природа где берет, там и дает. Пол настолько хорошо умел рассказывать, что старшекласники звали его с собой подглядывать за женской раздевалкой. Его ставили к замочной скважине и велели описывать, что он видит. Один раз их застукал учитель физкультуры, но не только не отругал, но и остался послушать.

Пол решил, что ему суждено стать великим актером. Кто-то сказал, что он похож на Ричарда Беймера¹, и, вырвавшись из колледжа, Пол отправился покорять Голливуд.

Штаты поразили и подавили его. Бывают страны-заводы, бывают страны-фермы. Америка была огромной лабораторией, в которой постоянно создавалось что-то новое. Пол влюбился с первого взгляда.

Однако Голливуду не требовался еще один Ричард Беймер, и Пол пошел озвучивать фильмы: чихать, сморкаться и давить задом скрипучую скамейку. Время от времени ему попадалась халтура — сниматься на обложки любовных романов. Я видела одну: Пол в рубаше с кружевами хватал за плечи томную блондинку.

— Они меня на табуретку поставили, — усмехался он. — Девушка была на голову выше.

Платили центы, жить приходилось в одной комнате с двумя собутыльниками. В конце концов Пол плюнул на все и записался в армию.

Несколько лет он самоотверженно боролся с коммунизмом и фиделькастризмом. Вернулся — покрытый загаром и славой: в армии он спас друга от военного трибунала. Того обвинили в краже, которой он не совершал.

— Тебе не в солдаты, а в адвокаты надо, — пробурчал на прощание капитан. — Демобилизуешься — поступи в юридическую школу.

Пол все еще считал себя «великим воином, не знающим соперников», поэтому сразу замахнулся на Гарвард. Экзаменационные оценки у него были на 10 процентов выше проходного балла. Однако приемная комиссия все равно отклонила его заявление. Гарвард специализировался на будущих конгрессменах и его не интересовали лузеры-актеры.

¹ Ричард Беймер (р. 1938) — американский актер, режиссер, сценарист и композитор. Стал известным после роли в фильме «Вестсайдская история».

Это был удар. С утра до вечера Пол подавал клюшки игрокам в гольф. Однажды ему пришлось работать с профессором психологии из Калифорнийского университета.

— Что-то ты, братец, невесел, — заметил тот.

Пол нахмурился.

— А чему радоваться? В актеры не взяли, в Гарвард не приняли. Рожей не подошел ни туда, ни сюда.

— Не было этого, — подумав, сказал профессор.

— То есть как?

— А вот так — не было и все.

— Но я же помню!

— Это тебе только кажется. Прошное — это то, что мы думаем о себе *сейчас*.

Хочешь чего-то добиться — выбирай такую биографию, которая поможет тебе в жизни. А неприятностям скажи: «Не было этого».

Пол решил, что у него папа — личный друг президента. Себя он тоже придумал заново и на месте угрюмого паренька-иммигранта появился совсем другой человек: свободный, великодушный и уверенный в себе.

Пол начал по-другому одеваться и по-другому разговаривать. Бросив работу в гольф-клубе, устроился помощником адвоката. Теперь ему не платили щедрых чаевых, но зато никто не смотрел на него как на слугу. Начальник говорил про Пола: «Этот мерзавец далеко пойдет».

На следующий год Пол вновь подал заявление в Гарвардскую юридическую школу. На этот раз его приняли. Нагрузки были жуткие, и Полу пришлось придумать себе нечеловеческую работоспособность.

Когда его пригласили в крупную адвокатскую контору Лос-Анджелеса, он был на седьмом небе от счастья. Но вскоре выяснилось, что там совершенно не перед кем выпендриваться престижным дипломом — у каждого сотрудника был свой, ничуть не хуже. Серьезных заданий Полу не давали, к денежным клиентам не подпускали.

Все изменилось, когда ему подпихнули дело садовницы одного из ведущих телепродюсеров страны. Хозяин по пьяни ударил ее, да еще пригрозил свернуть шею, если она пожалуется на него.

Пол и его клиентка явились на суд в ортопедических воротниках.

— Это на всякий случай, — объяснил Пол судье. — А то мало ли: вдруг ответчик впервые в жизни сдержит слово?

Он отсудил 350 тысяч компенсации. Голливудская богема страшно возмутилась действиями Пола и... хлынула к нему в офис. Хорошего адвоката следовало заранее перетянуть на свою сторону.

Вскоре Бешеная Козьявка Картер пригласил его в свою фирму партнером.

— А сейчас кем ты себя считаешь? — спросила я Пола.

Он на мгновение задумался.

— Наверное, спасателем-любителем.

Пару дней назад Пол взялся за дело мексиканского парнишки — его по ошибке приговорили к десяти годам. Денег на адвоката у него не было, от штата дали какого-то халтурщика. Парень решил искать правду сам, но ему неизменно отказывали.

Пол показал мне его жалобу:

«Дорогой прокурор! Разуйте глаза: вы безвинно посадили меня в тюрьму. Это несправедливо. Не будьте гадом — примите меры!»

Пол поклялся, что вытащит страдальца на волю.

— Он верит в высшую справедливость — это так трогательно.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

15 января 2007 г.

Вот уже почти десять лет я занимаюсь литагентским бизнесом. Сажу дома — получаю предложения от авторов по имейлу, отделяю агнцев от козлиц и продаю их издателям. За это мне положен процент.

Сегодня писатель из Оклахомы прислал роман о русской мафии. Эта тема — неисчерпаемый кладень вдохновения для провинциальных авторов. Русская мафия крадет президентских дочек, производит тоннами героин и ест христианских младенцев на завтрак. А создание водородной бомбы — это наша национальная забава.

Надо написать товарищу, что я тоже из русской мафии. Так что пусть ждет гостей — строгих молодых людей с удостоверениями ФСБ во внутренних карманах. С клеветниками у нас разговор короткий — мы им устраиваем «бэля смьерт»: топим в тазике со снегом.

GLAMOUR

19 января 2007 г.

Моему племяннику Джошу Подкопски 22 года и он считает себя гениальным художником. До недавнего времени он рисовал только похотливых стариков и моего мопса Ронского-Понского, но после армии понял, что его настоящее призвание — это женщины.

— Ты на акушера решил выучиться? — с надеждой спросила мама.

Однако тратить время на учебу Джошу не хотелось. Его ждали великие дела.

— Кому везет на бабки, не везет на баб, — сказал он и отправился рисовать эротическое полотно «Трое в лодке, не считая собаки».

Девушки почему-то не интересовались его искусством. Даже герл-френд Сарочка и та променяла его на преуспевающего асфальтоукладчика.

— Дура-девка, — обиделся Джош. — Я ее женственность воспеваю! Боготворил чуть ли не каждый день... А с этим асфальтоукладчиком что она делать будет? На катке кататься?

Под кроватью у Джоша накопилось три десятка полотен, но никто не хотел их покупать.

— Настоящего художника начинают ценить только после смерти, — утешал себя Джош.

Надо было устраиваться на работу. Ближе всего к дому была бензоколонка, и Джош подрядился сидеть за кассой. Душа его просила любви, особенно физической, но на него не обращали внимания даже старушки.

— Хочешь, чтобы в тебя влюблялись — научись осуществлять женские мечты, — посоветовала я ему.

И тут Джоша осенило. Он накатав объявление: «Гламурный фотограф ищет девушек славянской внешности для эротической фотосессии в Голливуде» и разместил его на русском интернете.

Две недели ему на почту приходили шикарные снимки обнаженных красавиц.

— Я для них — мечта! — хвастался Джош.

Он вступил в игривую переписку с несколькими претендентками, но вскоре выяснил, что за ними надо ехать в Воронеж, Читу и поселок Шаблыкино Орловской области. А на это денег у гламурного фотографа не было.

— Теть, найди мне миллионершу! — страдал Джош. — Но только симпатичную.

Я обещалась внимательней приглядываться к людям.

КОМПРОМАТ

22 января 2007 г.

Коля, папа Джоша, имеет обычай: в ресторане он всегда заказывает самое дорогое блюдо. Сидит над тарелкой и жмурится от счастья.

— Знал бы я, что когда-нибудь буду кушать лобстеров!

С этой фразы начинаются все семейные обеды. Мы ее ждем, как в приличных местах ждут «Приятного аппетита!».

Пол смеется над Колей. Тайком передразнивает его: «Знал бы я, что когда-нибудь буду мыть ноги!» (петь песни, стричь ногти, рыть ямы и т.п.) — с тем же выражением лица и тем же томным голосом.

Полу доводилось сталкиваться с профессиональными неудачами, но он понятия не имеет, что такое нищета. Даже в самые трудные времена у него за спиной были родители, которые всегда могли выручить. Так что это не снобизм. Ему смешно, потому что Коля восторгается вещами, которые кажутся Полу естественными, как небо и солнце.

Бедность — это не наличие денег. Это неумение их добывать. Сейчас лиши Пола всего — квартиры, работы, друзей, и через пару месяцев он опять будет на коне. Его богатство лежит не в банке и не в карманах, а в голове. Он просто знает «как».

А я тоже иногда говорю себе: «Знала бы я...» Я помню январские морозы и бесконечную очередь за «выброшенной» треской. Пар изо рта, визг: «Она тут не занимала!» Сказал бы мне кто, что через двадцать лет я буду стоять на вершине горы и смотреть на огни Лос-Анджелеса под ногами.

Я показываю Полу на яркую звезду, опускающуюся к горизонту.

— Что это?

Он падает на колени и тянет руки к небу:

— О, Иисус приехал!

Всего лишь самолет... Январь, пар изо рта... Звезды — как догорающие огни феерверка.

Пол хихикает надо мной, но у него тоже романтическое настроение. Он отряхивает траву с брюк, обнимает меня и долго молчит.

— Знаешь, а я в детстве сочинил поэму.

— Про любовь?

— Нет, про войну.

Он с выражением декламирует какую-то милую чушь.

Знал бы он, когда и кому ему придется читать стихи.

ДОМОВОЙ

25 января 2007 г.

Купила себе CD с песнями Вертинского: «Ваши пальцы пахнут ладаном». Долго принюхивалась к рукам — результат оказался неутешительным. С тех пор, как уволилась Барбара, мои руки неизменно пахнут сосисками и прочей едой быстрого приготовления.

Барбара казалась мне идеальной домработницей — единственными ее недостатками было то, что она разговаривала с автоответчиком и лечилась вазелином. Он у нее применялся во всех случаях жизни — как маска для лица, лекарство от насморка и средство от перхоти у моей собаки.

А как Барбара готовила!

Полицейский Хуан сманил Барбару замуж и теперь она кормит его гостей. Без нее мой дом тут же осиротел. Даже цветы под окном и те передохли. Я купила новую рассаду, навтыкала ее в клумбу — оказалось неровно. Выкопала ростки, посадила по линейке — так забыла про удобрение. Опять все выкопала...

Сосед смотрел на мои потуги из окошка.

— Эй, Мардж, ты теперь каждый раз цветы на ночь выкапывать будешь?

Я решила, что мне нужна новая домработница. Кадровое агентство прислало на выбор трех сеньор.

Первая начала уборку с комода и переложила все белье так, как нравилось ей, а не мне.

Вторая принялась мыть окна, свалилась со стремянки и вывихнула руку.

Третья зашла в дом, посмотрела на развешанных по стенам импрессионистов и сказала, что она порядочная женщина и не станет работать в борделе.

Четвертую, Люси, я нашла сама — в универмаге Wal-Mart, в отделе садоводства.

Она стояла за кассой — волосы цвета тыквы, камуфляжные штаны, на шее — веревочка с клыками.

— Спасибо за покупку, хорошего вам вечера.

Она перевалила мне в тележку пакеты с черноземом.

Из-за кадок с пальмами выдвинулся лысый хрен — строгий, в рубашке и при галстук. Менеджер.

— Люси, немедленно подойди сюда!

Повесив табличку «Закрето», девчонка поплелась на расправу.

Я выкатила тележку из магазина. Сквозь витрину мне было видно, как менеджер грозно потрясал кулаками. Люси нервно дергала веревочку на шее. Она что-то сказала; менеджер открыл рот, закрыл и стал показывать пальцем на выход.

— Что, выгнали? — спросила я, когда Люси вышла на парковку.

Она на меня не смотрела. Двинула ногой по пивной банке, валявшейся на дороге. Банка улетела за забор.

— Фак! Фак! Фак!!!

— Что случилось?

— Этот урод посчитал, что я медленно вас обслуживаю. Очереди-то никакой не было! Нас никто не ждал!

Она села на асфальт и закрыла лицо руками. Я попробовала ее утешить:

— Да ладно... Не переживай. Сколько он тебе давал? Семь долларов в час?

— Мне за квартиру надо платить! А он сказал, что премии не будет!

Я покосилась на только что купленный чернозем.

— Цветы сажать умеешь?

— Да. А что?

— Приходи завтра с утра. Если сделаешь мне красивую клумбу, что-нибудь заработаешь.

Люси пришла, но клумбой не ограничилась. С заднего двора исчезли кусты прошлогодних помидор, терраса превратилась в зону культурного отдыха.

— А готовить умеешь? — с надеждой спросила я. — А отличать линяющие полотенца от нелиняющих?

Люси оказалась студенткой колледжа, приехавшей из маленького городка Бэйкер на границе Калифорнии с Невадой. Была я в этом Бэйкере — жарница,

пылища, единственная достопримечательность — самый большой в мире термометр.

Жизнь проносилась мимо: по фривзю, через горы — в сияющий Вегас и веселый Лос-Анджелес. А Люси разносила тарелки в придорожном бистро.

— Я должна была оттуда вырваться, — сказала она. — Мне учиться надо.

— На кого?

— На инженера-электрика. Потом пойду в «Боинг» работать. Хочу настоящие самолеты делать.

Полдня сидит за партой, полдня крутится по дому, ночами зубрит учебники. Хорошая девочка. Единственная проблема — я записала на пыльном столе важный телефон, а она его стерла.

ИСТОКИ

29 января 2007 г.

Очень легко простить тех, кто нас любит или ненавидит. А вот как простить того, кому мы не нужны?

Мой роман с Кевиным длился несколько лет, но слиться в экстазе у нас так и не получалось: его совесть всегда путалась под ногами. Впрочем, это не мешало нам гулять, философствовать и напиваться в барах.

Наши отношения были так невинны, что я могла рассказывать о них маме — и это было обиднее всего. Кевин недаром считается одним из лучших режиссеров Голливуда. Он обставлял все так, что мне было не к чему придраться: он старательно обо мне заботился, хвалил и даже подыскал мне красивого мужа.

Говорят, собаки часто приходят на место, где с ними случилась беда: постоят, посмотрят, понюхают... Я зачем-то до сих пор встречаюсь с Кевином. Каждый раз пытаюсь найти объяснение этому факту — и не нахожу. Да, мне с ним интересно, да, мне льстит его дружба... Наверное, все дело в том, что мне просто хочется позлить его жену Сьюзан. Если мы разойдемся, она будет торжествовать.

Не заслужила.

Кевин — загадка, которая мне не по зубам. У меня такое ощущение, что у него раздвоение личности, причем не в виде шизофрении, а в виде реинкарнации наоборот. Он меняет не тела, а души. Иногда в нем гостит утонченный эстет, иногда — великий инквизитор, иногда — хам трамвайный, клинический.

К режиссуре у него талант. Правда, я до сих пор не разобралась — от Бога или от «желтого дьявола».

Когда-то он рассказал мне, как он снял свой первый фильм — про НЛО. Космический корабль изображала стиральная машина, а пришельцев — два десятка разбитых яиц.

— Мы с сестрой вылили их на окно, на желтки пуговицы приляпали, чтоб глаза получились... Мама пришла домой, а они по стеклу ползут — два уже в дом забрались. Она их шваброй! Смешное кино получилось.

Пожалуй, это единственный фильм Кевина, который мне хочется посмотреть. Критики Кевина ругают, продюсеры носят на руках: он чувствует, что хочет толпа, и усердно кормит ее — ее же собственными греховными мыслишками.

Сейчас Кевин звезда мирового масштаба: по его творчеству научные работы пишут. Он читает Аристотеля и Руссо, увлекается крав-мага¹ и дает деньги на увековечивание памяти жертв Холокоста.

Я уже пару лет уговариваю его помочь продать мои книги в Голливуд. Не хочет.

— Исторические драмы с претензиями сейчас неликвидны, — каждый раз отмахивается он.

Я деликатно напоминаю о «Храбром сердце» и «Титанике», но Кевина не переубедить.

— Ты бы еще «Унесенных ветром» вспомнила. Такое кино больше не снимают.

Киношный и книжный бизнесы очень похожи. Никто не знает, что выберет публика в очередной раз. Как генералы все время готовятся к прошедшей войне, так и продюсеры с издателями ориентируются на прошлогодние бестселлеры.

¹ Вид профессионально-прикладного единоборства, официально стоящий на вооружении спецподразделений государства Израиль.

Выбился «Код да Винчи» — все кинулись печатать книги про древние тайны. Прогремел «Властелин колец» — вот вам целая куча фильмов про мечи и драконов.

Все боятся рисковать: только в издательском деле ставка идет на тысячи, а в кино — на миллионы долларов. Но старого правила — кто не рискует, тот не пьет шампанского — никто не отменял, и главный приз всегда срывает «черная лошадка» — из-за своей непохожести на других.

Я расспрашиваю Кевина, как у него дела. Несколько секунд он думает, сказать мне или не сказать. Но желание нахвастаться побеждает.

— Я создал великий фильм! Он даже тебе понравится — там есть любовь и история.

— Так народ не поймет! — удивляюсь я.

— Поймет. Это же комикс!

Он еще в позапрошлом году нашел у мамы на чердаке подшивку комиксов про древних греков. Сердце забилось: вот оно!

Никто из знакомых продюсеров не пожелал братья за проект — слишком дорого, и Кевину самому пришлось бегать по кинокомпаниям. В его папке лежал не сценарий (как обычно), а подробный маркетинговый план: как он прорекламирует фильм, как срубит деньги на продакт-плейсменте, как запустит в производство игрушки, майки и компьютерные «мочилки».

План впечатлил — денег дали.

Подготовка к съемкам затянулась на целый год. Я несколько раз ходила на съемочную площадку. Вместо задника — синий экран. Декораций минимум — только то, что под ногами: камни, поле с травой. Смешно и странно было видеть накрашенных мужиков, бегущих по помосту — копыта наперевес, рты разинуты. Мимо них по рельсу ехала камера; огромный вентилятор изображал ветер — происходила историческая битва.

Еще несколько месяцев Кевин проторчал в студии, где из отснятого материала делали *зрелище*. На стенах — раскадровки, на столах — гипсовые

модели храмов и гор. Дядьки в гавайских рубашках сидели перед компьютерами и приставляли дорожку к домам, пар ко ртам и луну к небу.

«Шедевр!» — сказали зрители на предварительном просмотре.

«Блокбастер!» — сказала студийное начальство.

Кевин берет меня за руку.

— Ты придешь ко мне на премьеру?

Я пококетничала для проформы: сказала, что попробую вырваться...

Почему-то хочется, чтобы фильм оказался говном. То ли мне завидно, то ли старая рана еще не зажила.

РОВЕСНИК

30 января 2007 г.

Леся, сестра, спрашивает: а что мы с Полом вместе не живем? А то — мы старые перечники, и нам дороги наши привычки. Пол любит свой пятнадцатый этаж, а я люблю мою «усадьбу» с ее скрипучими лесенками, книжными шкафами и деревьями без названий по периметру.

Мы с Полом спорим до хрипоты:

— А на случай пожара у тебя, видимо, есть парашют...

— А тебе пылица в окна летит.

— А в тебя может врезаться самолет.

— Зато у тебя в жару из помойки воняет. Ты ее на задний двор выставляешь — а бесполезно!

К тому же у меня есть Люси, а у Пола — Папа Жао. И если мы будем жить вместе, то кого-то придется уволить.

Пол и Папа Жао — ровесники, но первый выглядит бойцом-молодцом, а второй — старым китайцем.

Ворчливый, на голове три волоса в два ряда, желтые зубы съехали набок. На мое появление он отреагировал сдержанно:

— Ну... давайте возьмем ее на испытательный срок. А там посмотрим.

Пол ругается с Папой Жао, дразнит его, иногда даже кричит, но смутить домработника невозможно. Каждый день в семь утра он по-хозяйски входит в квартиру и включает пылесос. Ему дела нет — спит ли хозяин, один ли он... Однажды он ввалился к нам в спальню — я едва успела нырнуть под одеяло.

— Жао, выйди, пожалуйста за дверь!

Он поднял мои туфли и принялся пылесосить под кроватью.

— Пора вставать. А то на работу опоздаете.

— Зачем тебе сдалось это недоразумение? — спросила я Пола.

— Папа Жао — историческая реликвия. Артефакт.

Когда в Поднебесной началась Культурная революция Жао было 9 лет. Великий Кормчий объявил, что в партию затесались враги, которых нужно искоренить. Врагами по определению считались: владельцы радиоприемников, часов и велосипедов (буржуазия), обладатели высшего образования (буржуазные подголоски) и те, кто ездил за границу (шпионы).

Культурная революция началась весело. Загремели большие барабаны, закричали репродукторы на столбах. Жао вместе с приятелями помчался на площадь. Там, на трибуне, стоял человек во френче и страстно говорил о борьбе. Толпа рукоплескала. У девушек по щекам текли счастливые слезы.

— Клянемся! Клянемся! — выкрикивали они, прижимая руки к сердцам.

Потом на трибуну вывели соседей Жао — дядю Вонга и еще других. Им надели на головы дурацкие колпаки и повесили на грудь таблички: «Я — змея. Ядовитая гадина и враг революции». Их заставили стоять «самолетиком» — согнувшись в три погибели и подняв руки за спиной.

Народ бушевал. Некоторые пытались доплюнуть до штанов дяди Вонга, но попали на штаны оратора. За это дядю Вонга избили.

Вечером Жао спросил у мамы, за что арестовали соседей. Мать отложила в сторону цитатник Великого Кормчего.

— Вонг был шпионом. Он ездил в СССР на фестиваль. Вот тогда-то его и завербовали.

Жао вспомнил, как соседский сын приносил в школу расписную деревянную куклу из России. Игрушка была странная — мало того, что беременная, так в животе у нее сидела беременная дочка, беременная внучка и так до седьмого колена. Учительница сказала, что русские сами беременные от рождения, и поэтому у них нет памяти и они переврали все законы марксизма.

Как можно было продаться таким уродам?

Жизнь становилась все интереснее и интереснее. Занятия в школе отменили. Жао вместе с друзьями записался в Красную Гвардию. На собраниях они вспоминали, кто мог вредить революции и шли их наказывать. Худшим врагом, разумеется, был директор школы: он всем ставил плохие оценки и не разрешал бегать по коридору. Его поймали, отлупили и выкинули в окно.

Потом командир решил проверить, не хранится ли у директора вредная литература. Пришли на квартиру — а там целый завал шпионских книг: на японском, русском и даже американском. Жечь их было очень трудно: все аж запыхались, перетаскивая тяжелые тома во двор.

Одного из друзей Жао выпорол отец: он говорил, что нельзя мучать ни в чем не повинных людей. На следующий день несознательный папаша сам стоял самолетиком на площади.

— Люби отца, люби мать, но больше всех люби Председателя Мао! — кричали дети и пускались в пляс.

Единственное, что было плохо — все время хотелось жрать. Магазины позакрывались, карточки не отоваривались, зарплату родителям не давали... Жао вместе с другими детьми отправился в деревню на рисовые поля: партия приказала — пришлось ответить «Есть!» Когда он вернулся, их квартира была пуста. Все вещи разодраны, что-то украдено... Соседка сказала, что младший брат Жао разбил гипсовый бюст Председателя, чтобы сделать из него мелки — тогда все дети увлекались рисунками на асфальте. Кто-то донес и вскоре в дом нагрянула Красная Гвардия.

— Твоя мать очень плакала и не хотела уезжать, но их все равно увезли, — сказала соседка и пошла ужинать.

Жао отправился по друзьям, но с ним никто не хотел разговаривать.

— Место предателя — в мусорной яме.

Прорыдав всю ночь в пустой квартире, Жао решил вернуться в деревню. Там была добрая тетя Пен, которая давала ему рис.

Разумеется, Пен не обрадовалась, когда на пороге появился грязный, сопливый ребенок. У нее было трое дочерей — их бы накормить. Но Жао был мальчиком и потому его взяли в семью.

Работали от зари до зари. Денег не получали: оплата — тебя не тронут, если выполнишь норму. Деревенские мальчишки дразнили Жао «городским ревизионистом» и заставляли есть грязь.

Времена менялись. Мао умер, Культурная революция сошла на нет, начальство заговорило о Решительном Рывке.

Жао нравилась одна девушка, но жениться он не мог — денег нет, жилья нет. Девушка вышла за рабочего из города. Про городские фабрики рассказывали чудеса: пашешь всего двенадцать часов, имеешь два выходных в месяц и, главное, получаешь деньги.

— Общежитие дают! — соблазняли бывалые. — После работы можно пойти в клуб — песни попеть. А девочки там какие! Одна другой краше!

Собрав котомку, Жао подался в город. Ходил по улицам и ничего не узнавал. Кругом заводы, автомобили!

На фабрику его не приняли — сказали, что нужны только женщины моложе 25 лет. И тогда к нему подошла старуха. Угостила лепешкой, спросила, кто и откуда.

— Богатая у вас деревня? Нет? Если все скинетесь, то, может, и ничего получится. Хочешь в Америку?

После этого разговора голова Жао гудела как монастырский колокол. Америка! Можно открыть свой магазин и продавать там всякие сласти. Можно купить швейную машинку для тети Пен. Можно попытаться найти родных... Всего-

то требовалось — собрать тысячу долларов задатка. А остальные девятнадцать тысяч Жао будет должен «хозяевам», которые привезут его в США.

На деревенской сходке долго судили и рядили. Тысяча долларов — неприподъемная сумма. Но если всем скинуться, если Жао клянется памятью предков вернуть деньги с процентами и, если что, помочь землякам перебраться в Америку, то тогда...

Путешествие заняло два года. Сначала пешком через границу — в Россию. Жао помнил, как чуть не поседел от ужаса, когда их поймали люди в форме. Проводник бойко залопотал с ними по-русски, сунул в руку пакет с белым порошком — на том и расстались. Поезда, ночевки на вокзалах, драки с местными... Наконец добрались до Москвы — холодной, растрепанной, сердитой. Жао две недели торговал на рынке — ни слова не понимая по-русски. Хозяева показали ему, как выглядят московские деньги и сколько их нужно брать в обмен на красивые сумки, сшитые из кусочков кожи.

Потом Жао посадили на самолет и отвезли в Испанию — абсолютно легально. Сопровождающая девушка, смеясь, рассказывала, что испанские китайцы бессмертны: документы умерших переходят по наследству живым. Полиция никогда не придирается — для нее все китайцы на одно лицо.

Эмигрантов погрузили в трюм панамского судна — пахнущем рыбой и невымытыми людьми. Спали по очереди. Голодали, болели... За кораблем шла стая акул: тех, кто умирал, выкидывали за борт.

К американскому побережью прибыли ночью. Без огней, без шлюпок велели выпрыгивать за борт. Кто-то утонул, кто-то доплыл. На берегу стоял человек, который велел всем загружаться в фургон.

Три месяца Жао прожил в Нью-Йорке, практически не выходя из кухни большого китайского ресторана. Хозяева были лютые — денег не платили, а тех, кто спрашивал, били по морде.

Однажды к Жао подошел красивый юноша с серьгой в ухе.
— Ну как, долги будем возвращать?

Жао пытался объяснить, что денег ему не дают и уйти из ресторана не разрешают.

Юноша не поверил и обещал кары. Вечером пришли другие молодые люди и сказали, что либо Жао будет делать то, что ему говорят, либо его прирежут — а заодно и тетю Пен, и всех остальных поручителей.

— Пусть они за тебя ответ держат.

Жао поклялся выполнить все, что от него требуется. Через неделю ему дали сумку и велели садиться на автобус дальнего следования.

— Приедешь в Лос-Анджелес, там тебя встретят.

Но в Калифорнии Жао встретили совсем не те, кто нужно. Горластые полицейские заломили ему руки и привезли в участок.

— Как там было хорошо! — с восторгом вспоминал Жао. — Чисто, люди вежливые. Кормили каждый день!

Из тюрьмы его вытаскивал Пол — это было одно из его первых дел. Он уговорил Жао дать показания против хозяев — оказалось, что тот только прикидывался деревенским дурачком, а на самом деле все видел, слышал и подмечал.

В Нью-Йорке были произведены массовые аресты среди китайской мафии, а Жао за сотрудничество с властями получил новое имя, политическое убежище и работу у Пола. Домой, в Китай, было отправлено извещение, что он умер.

Несколько лет назад Пол ездил к тете Пен — привез ей швейную машинку и денег. Вспоминая приемного сына, старушка очень плакала.

Жао установил в доме Пола диктатуру пролетариата. Ему нельзя мешать во время уборки, с ним нельзя не советоваться в делах — будь то покупка ковра или ремонт унитаза. В случае нарушений Папа Жао использует «китайскую месть»: как известно, лучший способ насолить обидчику — повеситься перед его окном. Жао, конечно, не вешается, но ходит с таким видом, будто уже сделал это, причем давно.

Пол только морщится:

— Не могу я его уволить. Мы в ответе за тех, кого приручили.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

1 февраля 2007 г.

Я встретила Эмили около года назад — в одном из баров на Сансет бульваре. Хорошенькая, ясноглазая, она приехала из Вашингтона «погулять» и, узнав, что я дружу с самим Кевином, попросила пристроить ее в Голливуд.

— Я сейчас работаю уборщицей в Капитолии, но это временно, — сказала она. — Мне страсть как надоело всякую хрень за сенаторами подбирать! Вы себе не представляете, что они после себя оставляют: один трусы дамские под кресло засунет, другой сотовый забудет — а там такое записано!

— А ты все слушаешь?

— Ну ведь интересно...

— Эмили, возвращайся в Вашингтон и напиши об этом книгу. Если что — текст мы тебе подредактируем.

Честно говоря, я не верила, что девушка способна на такой труд. Но уже через три месяца Эмили объявилась:

— У меня рукопись готова. Присылать?

Текст был безобразным, но настолько шокирующим, что я тут же позвонила в Нью-Йорк:

— Ребята, у меня на руках скандал. Мне нужен переводчик с детсадовского на английский и много денег. И тогда книга ваша.

Эмили тут же превратилась в женщину-легенду. Оказалось, что прежде, чем попасть в Капитолий, она пожила богемной жизнью в Сан-Франциско, где прошла через художников, скульпторов и боксеров.

Когда я попросила сосчитать, сколько у нее было любовников, Эмили потерялась на четвертом десятке.

— Да не помню я остальных! Дело давно было.

Девушке 25 лет. Ей абсолютно все равно с кем, где и когда... У меня есть подозрение, что Эмили просто не умеет отказывать, и когда мужики об этом прознали, она стала пользоваться колоссальным успехом.

Поначалу она немного стеснялась рассказывать о своих любовных похождениях, но PR-менеджер издательства сказал, что разврат — это наоборот круто, и теперь Эмили с гордостью носит звание блядуны.

На презентации было шумно как на перемене. Эмили раздавала автографы и обещала, что ее книга перевернет базовые ценности Америки. И все же я заметила, что женщина-легенда грустила.

Когда к микрофону вышел певец с политическими куплетами, я под села к ней за столик.

— У тебя что-то случилось?

— Я с бой-френдом поссорилась. Он прочитал книгу и выгнал меня из дома.

— Да наплюй на него! Ты теперь богатая — сними новую квартиру.

— Мне одной спать страшно!

Женщина-легенда заметила за соседним столиком Ника, очень милого составителя пресс-релизов.

— Это кто?

— У него жена беременная.

Взгляд Эмили переместился на рыжебородого телеоператора.

— А это?

— Понятия не имею.

Она подошла к нему и, привстав на цыпочки, довольно громко сказала:

— У тебя есть шанс.

Рыжебородый не на шутку испугался.

— Я работаю много...

Он думал смутить женщину-легенду. Наивный!

— Да я не возражаю против работы! — махнула она рукой. — Давай визитку: я тебе позвоню.

При первом удобном случае оператор удрал в туалет.

— Странный... — вздохнула Эмили. — Мардж, у меня к тебе просьба: если я тебе нравлюсь как человек, расскажи обо мне друзьям. А если не нравлюсь, расскажи врагам. Глядишь, я себе нового бойфренда найду.

Вот, рассказываю.

Вечером:

Надо бы познакомить Эмили с Джошем. Хотя нет — Леля, сестра, мне этого не простит.

ИСКУССТВО РИСОВАНИЯ И ЖИВОПИСИ

3 февраля 2007 г.

9 утра. Я, Пол и Ронский стоим на балконе, глядим на океан и строим воскресные планы.

Я тащу Пола на открытие художественной галереи. Он хочет в гости к Бешеной Козявке — смотреть футбол и резаться в видеоигры. А Ронский хочет, чтобы его вывели на улицу.

— Ненавижу галереи... — горюет Пол. — Раньше хоть голых женщин рисовать умели, а сейчас посмотришь на картину — ужас какой-то: зеленый снеговик с треугольными титьками. И подпись «Девушка с грыжей».

Пол долго рассуждает о смысле искусства. Он не понимает Пикассо, черные квадраты и прочий кубизм-минимализм.

— Уж на что Венера у Боттичелли страшная, так ее хоть на стенку повесить можно. А куда твоих кубистов девать?

Я показываю на картину за его спиной. В гостиной над диваном висят два зеленых куба на черном фоне.

— Хочешь, я сюда что-нибудь венерическое повешу?

Пол фыркает. А я смакую подробности: голые бабы придадут его жилищу непередаваемый колорит.

— Гости, конечно, смущаться будут — но это ничего. Не для них повешено.

— Пойдем футбол смотреть... — просит Пол.

Но я захожу в раж. На свете не так много вопросов, в которых я разбираюсь лучше, чем Пол.

— Картина — это не техника исполнения, а идея. Техника может быть любой — даже самой блестящей, но если в произведение не заложена мысль, то это не искусство, а ремесленничество.

Пол поднимает бровь.

— «Черный квадрат» Малевича — это бездна мысли. Так даже я могу нарисовать.

— Нужно быть первым. Великое произведение — это всегда открытие.

— А до Малевича квадратов не было... Как-то не додумался никто.

— Почему же? Монохромные картины писались задолго до Малевича. В 1882 году Поль Билход нарисовал черный прямоугольник и назвал его «Ночная драка негров в подвале». На следующий год Альфонс Алле представил белый прямоугольник — «Малокровные девочки, идущие к первому причастию в снежную бурю». Затем появились «Апоплексические кардиналы, собирающие помидоры на берегу Красного моря».

Пол торжествует:

— Вот видишь! Малевич — плагиатор.

— Да, но Билход и Алле расценивали свои картины как шутку, а Малевич — как манифест нового направления в искусстве. Он вдруг увидел, что простота — это тоже красиво и интересно.

— Да что ж в этом красивого?! За что платить миллион?!

Я показываю взглядом на гостиную. Белые стены, белые полы. Черные кресла с зелеными подушками, черный прямоугольник телевизора, на черных полках — зеленые вазы. Все просто, изящно и... дорого.

— Твой дизайнер придумал детали. А Малевич — концепцию.

Пол смотрит на квадрат бассейна внизу. Брови хмурятся, руки скрещены на груди.

— Пошли к Картеру смотреть футбол.

— О-о-о... — удовлетворенно стонет Ронский. Его миссия на сегодняшнее утро выполнена.

ИЗ РУК В РУКИ

7 февраля 2007 г.

Пол нацепил очки и попросил мое свидетельство о браке. Потом кинул бумагу на стол.

— Разведись со своим мужем.

— Зачем? Если я разведусь, его выкинут из страны — у него же только временная грин-карта.

— А нам какое дело?

Пол не хочет быть великодушным. Он специально говорит «нам», чтобы разделить: вот «мы», а вот «он». Для него Зэк — оккупант, взявший чужое, и он приписывает ему все мыслимые грехи — чтобы было удобнее презирать.

А для меня Зэк навсегда останется обаятельным мальчишкой с бритой башкой и солнечной улыбкой. По идее, наш брак должен был быть фиктивным, но фикции не получилось. И я, и он были влюблены друг в друга — правда, совсем недолго. Он врал мне, что я сексуальна и чертовски умна. Он смешил меня и завязывал мне шнурки на кроссовках. Ну как я могла устоять? Именно этого Пол не может ему простить.

— Я не хочу спать с чужой женой! — кипятится он. — У меня же репутация: партнеры, коллеги!

Коллегам совершенно на меня наплевать, но дело не в этом. Пол хочет победить врага, но почему-то сражается со мной. Разведись, а то обижусь!

Обижайся.

Мне нельзя приказывать. Хочешь добиться своего — объясни, что тебя тревожит, и мы вместе подумаем, как решить проблему. Но не занимайся вымогательством.

Разругались. Он уехал к себе. На полу осталась оброненная визитка:

Пол Вардлоу
Адвокат
Ваши проблемы — моя работа

Так и есть.

Вечером:

Только что звонил Пол.

— Поздравляю, ты вышла замуж за мудака!

Голос его срывался от злости.

— Ты где?

— Я ездил переговорить с твоим супругом.

— Ты что, потребовал у него развода?

— Не потребовал — попросил. Как у нормального человека. Но он НЕ нормальный. Я ему сказал, что если он откажется, мы подадим в суд и признаем ваш брак недействительным.

— А он?

— Заявил, что если его принудят к разводу, он потребует себе половину имущества.

Вот так. Борьба Пола со злом обернулась борьбой за мое добро.

Когда у меня плохое настроение, меня тянет на поэзию — условный рефлекс такой. Пол когда-то сказал, что по количеству четверостиший в стихах можно рассчитывать глубину моих страданий. Сегодня она оценивается в два балла по шкале Вардлоу.

Судьба подставила мне ножку,

Забыв меня предупредить...

Я не успела на дорожку
Себе соломки подстелить.

Но если быть с собою честной,
То, чтобы больно не упасть,
Такой, как я, мадам прелестной,
В трусы солому надо класть.

ИСКАТЕЛЬ

9 февраля 2007 г.

Я знаю, Зэк нервничает: ему скоро грин-карту переоформлять. И все равно не постигаю — он что, решил взять меня на испуг?

Когда-то бабушка говорила мне: «Девушка в глазах мужчины должна выглядеть как пугливая лань». По молодости мне это никак не удавалось, а сейчас, видимо, пришло время. Один стращает меня обидой, другой — подставой. Чем бы мне их в ответ припугнуть? Прикинуться мертвой?

Душа ноет, как прищемленный палец. Не столько больно, сколько обидно. Полу многое прощается — все-таки он мой бой-френд. А Зэк-то как посмел позариться на мои деньги? И ведь, как нарочно, за время нашего брака я много заработала. Вот уж не думала, что когда-нибудь пожалею об этом.

Зэк вырос в Новой Зеландии. Как и Пол, он страстно мечтал об актерской карьере, но в Веллингтоне ловить было нечего.

Если человек по специальности медик, то после окончания вуза он работает врачом, если юрист — адвокатом, а если актер — стоит на кассе в «Макдоналдсе». Так что при первой возможности Зэк перебрался в Штаты к кузине Агнессе.

Вообще-то она пригласила его для того, чтобы он помог ей с дочкой — трехгодовалой Пи-Пи. Агнесса работает костюмершей — мужа нет, зарплата

маленькая, на садик не хватает... Но няня из Зэка получилась фиговая. В первый же день он довел ребенка до истерики.

Пи-Пи обнаружила в кустах коробку из-под сока, сказала, что это ее телевизор и стала «смотреть» по нему мультики. Зэк подошел и «переключил» на футбол: «Чик-чик!» (ему, видите ли, смешно было). Ребенок вновь «поменял канал»: «Чик-чик!» Зэк не сдавался.

В результате «телевизор» был растоптан; Пи-Пи ревела.

Слушая радио, Зэк наткнулся на сюжет о фирме по набору статистов для кино. Позвонил, договорился о собеседовании.

Измученная девушка просмотрела его резюме и сказала, что они не сотрудничают с иностранцами. В этот момент в приемную вошел Кевин.

— Мне нужен *знаменосец*, а вы мне пидоров подсовываете! — кричал он на менеджера.

Тот оправдывался:

— Я уже не знаю, кого вам предлагать! Вы двести человек отсмотрели.

Взгляд Кевина остановился на Зэке.

— Ты! Ну-ка, иди сюда! А вы говорите, никого нет!

Девушка-секретарша поднялась из-за стола.

— Но у него нет разрешения на работу!

— Идите вы в пень со своими разрешениями! — отмахнулся Кевин.

На следующий день Зэка позвали на съемки — нести флаг. Кевин был в восторге.

Вечером они встретились в подземном гараже — оказалось, что Зэк оставил машину на парковке, зарезервированной для начальства.

— Пойдем выпьем, — позвал Кевин и вытащил из кармана охотничью фляжку.

Зэк вел себя, как надо. Не совал ему резюме, ни о чем не просил, а просто слушал и смеялся его шуткам. Кевин начал с ним здороваться.

Однажды он подвел Зэка к лысому толстяку.

— Это очень хороший агент. Если он возьмет тебя, считай, что твоя карьера сложилась.

Зэк превратился в благотворительный проект Кевина. Чтобы мальчик мог остаться в Штатах, он нашел ему жену — меня. Первые деньги, общение с небожителями — Зэк чувствовал себя так, будто судьба целует его в засос.

Вскоре Кевин дал Зэку одну из главных ролей. Был подписан контракт, но в последний момент руководство студии решило пригласить солидную звезду.

— Ваш мальчик, конечно, симпатичный, но он пока никто, — сказал исполнительный директор. — Зрители не пойдут на него.

Контракт был расторгнут, Зэк получил отступное... и впал в затяжную депрессию. Я утешала его, как могла. Но в этот момент появился Пол, и мне стало некогда.

Зэк едва перенес двойное предательство — жены и старшего друга (тогда он во всем винил Кевина). Мы разъехались; я узнавала о его новостях от общих знакомых. Зэк опять начал карабкаться в гору — снимался в роли солдат, мелких негодяев и проходных любовников. Его жизнь на экране была коротка — как правило, Зэка убивали через минуту после появления. Но это случалось регулярно — что уже означало успех.

Наверное, его можно понять. Он слишком многое вложил в свою карьеру и для него невыносимо потерять все из-за такой ерунды, как грин-карта. И все-таки простить его невозможно.

Когда-то Зэк любил меня — это было видно, и я по инерции жду от него лояльности. А он ведет себя так, будто я чужая тетка, которую не грех пошантажировать. В голове болтаются мысли: «Сукин ты сын! Тебя бы вообще здесь не было, если б я не пошла за тобой! Сидел бы в каком-нибудь кукольном театре и гавкал за сценой».

Впрочем, чего я ожидала? Что посеешь, то и пожрешь.

Ах, как бы сделать так,

Чтоб все меня любили

И ничего в обмен

За это не просили?

ФЕМИНА

10 февраля 2007 г.

С Зэком надо было поговорить, и я отправилась к Агнессе.

Многоквартирный комплекс. Чахлые пальмы, полные урны. Я не была здесь уже пару месяцев, если не больше.

— Мардж приехала!

Стеклянная дверь отъехала в сторону, и мне навстречу вылетела Пи-Пи.

— А у меня Элмо есть! — Красный пучеглазый монстр был наряжен в трусы и пластмассовую корону. — Это мой жених! Хочешь его поцеловать?

— Чужих женихов целовать неприлично.

Из кухни появилась Агнесса. Мы обнялись. Я украдкой оглядывала квартиру — дома ли Зэк?

— Тогда пусть мама Элмо поцелует! — прыгала вокруг Пи-Пи. — Она теща, ей можно!

Агнесса рассказала мне, что Элмо — проклятие ее жизни. Перед Рождеством его по каждому телеканалу показывали. Пи-Пи как заело: «Хочу Элмо! Хочу Элмо!» Отправились в магазин, а его нет. В утешение пришлось купить голову Барби с расческами и бигуди в наборе.

— Через месяц смотрю — привезли этого пучеглазика, — вздохнула Агнесса. — Пи-Пи опять за свое: «Хочу!» Теперь Элмо через день женится то на ней, то на голове Барби.

Я похихикала и посочувствовала. Ну да, классический прием раскручивания на два рождественских подарка вместо одного. Вопящий ребенок — лучший двигатель торговли.

Зэка дома не было. Я напряженно размышляла: спросить о нем или не стоит? Но Агнесса сама начала разговор:

— Тут пару дней назад твой адвокат заходил. Ты хочешь развестись с Зэком?

— Да.

— Ну и правильно. Он по дому вообще ничего не делает.

Любимый анекдот Агнессы: «Как называется бесполезный кусок плоти на конце члена? Ответ: Мужик».

Она приехала в Штаты по приглашению феминистского театра. Единственным мужчиной в нем был реквизитор Карл. Бог ведает, как туда занесло рыжего пузатого жизнелюбца. Возможно, охотничий азарт, возможно, сексуальное извращение. Театралки придерживались крайних взглядов: вся власть феминисткам, потому что мы добрее и сердечнее. Кто не верит в нашу доброту — получите в морду.

Вскоре Карл продемонстрировал, что мужики — действительно сволочи. Агнесса залетела, рассказала об этом гримерше и оказалось, что та тоже беременна от Карла. Увольняясь из труппы, Карл долго извинялся:

— Девчонки, я бы вам сделал предложение, но меня жена убьет.

— Жена?! Кто эта сучка?!

— Хм... Э-э... Знаете Элли-буфетчицу?

Элли побили, но потом оказалось, что никакая она не жена. Карл к ней приставал, а она его послала.

Пи-Пи родилась недоношенной. Феминистки помогали Агнессе чем могли: скидывались на коляску, дежурили по ночам.

— Хорошо, что у тебя дочка, а не сын, — сказала режиссерша. — Вот вырастет, мы ее в труппу примем.

В перерывах между кормлениями и работой, Агнесса писала статьи на тему «умозрительное изнасилование».

— Что это такое? — поинтересовалась я.

— На тебя когда-нибудь смотрели облизывающим взглядом?

— Ну...

— Вот когда мужики так смотрят, они тебя мысленно трахают. Без твоего согласия!

Умеренный феминизм чужд их театральному коллективу. Их не интересует равноправие, потому что равноправие с похотливыми козлами — это унижительно. Последний их спектакль был посвящен целлофановым пакетами с изображением красоток в бикини. Одна из драматургинь съездила в Грецию, увидела там эти пакеты и разродилась пьесой под названием «Мы — не мясо». Спектакль имел большое просветительское значение: из него зритель узнал, что мужики нарочно используют подобные картинки для унижения человеческого достоинства.

Агнесса — мой союзник. Они с Зэком с трудом уживаются: он ни в грош не ставит ее борьбу и время от времени надсмехается над «святым». Но выгнать его Агнесса не может: Зэк довольно часто сидит с Пи-Пи.

— Ты знаешь, он чуть не подрался с твоим адвокатом, — сказала Агнесса.

Я поперхнулась. Пол, наверное, по плечо Зэку будет.

— А что произошло?

Явившись к Зэку, Пол сначала уговаривал его, потом совестил, потом страшал. Зэк слушал, развалился на диване...

— Дядь, надо быть выше всякого говна.

— Если бы я был выше тебя, я бы тебе морду набил.

После этого Агнессе пришлось одного выставлять на балкон, а второго — за дверь.

— Шли бы драться во двор: чего мне в квартире-то бардак разводить?

Зэк сейчас на съемках, вернется — будем разбираться.

САМАЯ

11 февраля 2007 г.

Я сама — феминистка до мозга костей. Но только мой феминизм — это не сражение, а взаимоуважение.

Недавно в интернете одна дама заявила: «Но ведь все великие произведения были созданы мужчинами!»

Все, кроме картин Софонисбы Ангвиссола¹, стихотворений Сапфо², романа Мурасаки Сикибу³ и зданий Джулии Морган⁴.

Дама ответила, что она про таких не слышала и, следовательно, они не считаются. «Ну вы же не будете спорить, что в целом мужчины добились в науке и искусстве большего, чем женщины? Спрашивается, почему?»

Да потому, что до изобретения нормальной контрацепции женщинам некогда было творить. Они были вечно беременными или кормящими. Рожали по 8-10 детей; выживала, дай бог, половина. Если кто-то не считает это препятствием к творчеству, пусть попробует забеременеть.

Сейчас ситуация изменилась. Это при феодализме женщины были не способны прокормить семью — у них физических сил не хватало. А вот когда им дали возможность думать головой, женщины стали получать Нобелевские премии, летать в космос и возглавлять правительства.

— А водить машину так и не научились, — ворчит Пол.

Он, сексист чертов, иногда до бешенства меня доводит. Стоит мне сесть за руль, как он тут же начинает «помогать»:

— Держи дистанцию... Осторожней! Там пешеход! Ой нет, это дерево. Ты что, совсем по-нормальному водить не можешь?

Я огрызаюсь:

— Если бы я водила «по-нормальному», я была бы мужиком. И тебе бы пришлось стать геем.

— Тебе тоже, — вздыхает Пол.

Он вежлив и почтителен с дамами, его манеры безупречны — подаст пальто, отодвинет стул, откроет дверь... При этом Пол рассказывает анекдоты про тупых блондинок и считает, что женщина-начальник — это неприятно.

¹ Софонисба Ангвиссола (1532-1625) — выдающаяся итальянская художница эпохи Возрождения.

² Сапфо (первая половина VI века до н.э.) — знаменитая древнегреческая поэтесса.

³ Мурасаки Сикибу (около 978 - ок. 1016) — японская писательница. Ее роман «Повесть о Гэндзи» считается вершиной классической японской литературы.

⁴ Джулия Морган (1872-1957) — американский архитектор. Автор дворцового комплекса Хёрст Кастл в Сан-Симеоне, штат Калифорния.

Что с этим делать — понятия не имею. Агнесса бы на моем месте подала в суд. А я закрываю глаза — от добра добра не ищут. Но так снисходительна я только к своим. Когда кто-то чужой высказывается в духе «Женщины не способны ни на что толковое», я добавляю: «И вы тому — лучшее доказательство».

НАШ СОВРЕМЕННИК

12 февраля 2007 г.

Я решила выпросила у Агнессы про личную жизнь Зэка. Наш разрыв был непростым — Зэк то уходил, то возвращался, и это то оскорбляло, то приятно щекотало самолюбие. На словах я искренне желала ему счастья, а на деле — не менее искренне — страданий по мне, красавице. Зэк однажды сказал: «Ты, Мардж, любишь только себя. И это единственная причина для моей ревности».

У нас не было шансов. Ему нравились ночные клубы, а мне ночные разговоры. В его возрасте хочется удивлять окружающих, а в моем — саму себя. И, тем не менее мне жаль терять эти воспоминания. Чем мы занимались во время брака? Смеялись и болтали — в машине, в постели, через дверь туалета... Если я буду считать Зэка предателем, то забуду про наши веселые глупости, и в памяти останется только каша из полупереваренных обид.

Мне хотелось знать, почему он решился на шантаж. Другая женщина могла быть единственным объяснением.

— Ну да, Зэк встречался с нашей соседкой по этажу, — сказала Агнесса, когда я ей позвонила. — Но они поссорились, и она переехала на другую квартиру.

Я не знала, то ли мне радоваться, то ли огорчаться.

— А что случилось?

— Она на него обиделась. У нас была вечеринка: они танцевали рок-н-ролл, и Зэк ее подкинул и не поймал.

— То есть?

— Ну, он поддатый был! Ему показалось, что он увидел тебя, разжал руки, а она — головой об пол. Сотрясение мозга, между прочим, получила. А Зэк через нее перешагнул и побежал тебя искать. Мне кажется, он до сих пор ничего не забыл.

Как это понимать — не знаю. Зэк стеснялся показывать меня своим друзьям, чтобы они не подумали, что он женился на «старой». Пропадал на съемках, не приходил ночевать... А теперь я ему вдруг понадобилась. Чего он хочет-то? Только грин-карту или большой и светлой любви?

Лучше бы я не звонила Агнессе.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

13 февраля 2007 г.

Пол выдумал нам новое развлечение: записывать мечты.

— Наш мозг работает по принципу радио: на какую частоту настроишься, ту музыку и будешь играть.

Шансы даются всем и всегда, главное — заметить их. Если наше подсознание в курсе, чего мы хотим, оно будет отфильтровывать требуемые возможности. Это как с грибами: кто ищет — тот находит. Но надо помнить, что подсознание не видит разницы между мечтой и страхом и реализует то, о чем мы больше всего думаем.

Забавно, что многие культуры подавляют желания. Моя сестра Леля до сих пор никому не рассказывает о своих планах: «А то не сбудется». Чушь собачья! А как люди узнают, чего ей хочется? Ведь они могут и контакт нужный дать, и посоветовать что-нибудь дельное...

Леля не верит:

— Помнишь, как у Булгакова? «Никогда и ничего не просите! ... В особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!»

— А помнишь, *кто* это сказал? — намекаю я. — Кажется, «лжец и отец лжи»¹.

А буддизм? Смысл целой религии заключается в том, чтобы ничего не желать. Не в этом ли причина хронической нищеты многих стран Юго-Восточной Азии? Ведь если ничего не желать, так не нужно ни думать, ни работать.

Мои будущие достижения:

Работа:

Я пишу книги уровня мировой классики, их перевели на 40 языков, по ним сняли пять фильмов.

Фильму, снятому по моей книге, дали «Оскар» за лучший сценарий (напишу сама, выйду к микрофону и, поплакав, передам привет бабушке).

Я получила Пулицеровскую премию.

Мое литературное агентство процветает — мои клиенты пишут замечательные книги, которые тут же становятся бестселлерами.

Мой средний годовой доход — 2 миллиона долларов.

Семья, друзья, здоровье, саморазвитие:

Мы с Полом живем душа в душу. У нас есть малыш — умный, здоровый и добрый.

У меня отличные отношения с родственниками.

У меня есть друзья — люди, которых я глубоко уважаю, и у которых есть чему поучиться.

У меня великолепное здоровье.

Пять раз в неделю я хожу в спортзал.

Четыре раза в год я путешествую.

Я все время учусь чему-то новому и расту над собой. Каждая моя книга лучше предыдущей.

Я бросила курить.

¹ Евангелие от Иоанна 8:44.

Душеспасительное:

Я открыла и соержу на свои деньги японский сад камней и супер-современный роддом в Нижнем Новгороде.

Я создала читательский клуб, который рекомендует лучшие произведения мировой литературы.

У Пола почти то же самое с поправкой на адвокатскую работу; правда, денег ему хочется в четыре раза больше. И в качестве душеспасительной цели он ставит себе не роддом, а стипендию для одаренных студентов имени себя, любимого.

ЗДОРОВЬЕ

15 февраля 2007 г.

Моя подруга Мелисса — такая умница, что сделала из себя красавицу. Хотя иногда бывает пьяницей и задницей.

Когда у нас кризис — мы встречаемся каждый вечер, в дни мира и покоя надолго забываем друг о друге. Но такое случается нечасто.

Мелисса — профессиональная гадалка. Сегодня она позвонила мне:

— Угадай, кто заходил в мою контору.

— Санинспектор?

— Один-ноль в мою пользу. Это была Леля, твоя сестра!

Я удивилась. Вообще-то они друг друга не жалуют. Леля считает Мелиссу язычницей, а Мелисса Лелю — членом Республиканской партии. В обоих случаях это смертные грехи.

— Что она хотела от тебя? Чтобы ты ей погадала?

— Ну да. Я тебе скажу по секрету (только ты никому не говори): у нее плохие анализы! Не только медицинские, но и астральные! А это означает ужас что!

— А поконкретнее? — забеспокоилась я.

Но рассказывать подробности Мелисса отказалась.

— Это врачебно-сакральная тайна.

У нее так всегда: разболтала половину секрета — на душе стало легче; умолчала о второй половине — легче на совести.

Я набрала Лелин телефон.

— Ты как себя чувствуешь?

— Как фабрика стройматериалов, — пробурчала она, — из меня то камни выходят, то песок. Ладно хоть ацетон не выпускаю.

— У тебя что, опять проблемы с почками? Ты была у доктора?

Когда Леле было десять лет, мы поехали в поход. Ночи стояли холодные, и ей досталось лежать у стенки палатки. Застудилась, с тех пор так и пошло: нефриты, нефролитиазы и тому подобные страсти.

— Слушай... Я тебя хотела спросить... — Голос у Лели был серьезен. — Может случится такое, что мои почки откажут, и я умру. Врач сказал, что альтернатива только одна — пересадка... И нужен донор, близкий родственник... Ты, пожалуйста, не пугайся, еще ничего такого нет. Мне просто нужно было тебе сказать...

У меня до сих пор трясутся руки. Я смотрю на себя в зеркало — невозможно, невысказанно разбирать себя на части! Добровольно отрезать кусок... Конечно же, я наговорила Леле правильных слов: что все будет хорошо, что она выздоровеет, и что если потребуется, я отдам ей свою почку.

Она сразу повеселела.

— Люблю тебя. Ты — настоящая.

А я не настоящая. Я в ужасе и тоске. Я лепила первое, что подворачивалось на язык, только чтоб прекратить этот разговор. Боже, боже... Пусть у Лельки все будет хорошо!

С горя еще стишок сочинился:

Не уходи, побудь со мною!

С моим пупком и головою,

С желудком, печенью, костями,
И всеми прочими частями.

Ведь есть же способ откосить:
Хирургам справку предъявить,
Дать взятку, в морду... Заразиться...
Или заранее утопиться.

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

19 февраля 2007 г.

Джош до смерти напугался за мать. Не знаю, правда, что его больше шокировало: сам факт ее болезни или то, что Леля больше не сможет дуть ему в попу.

Впрочем, нужно отдать ему должное: он начал ездить за продуктами, заправлять постель и просматривать объявления, чтобы найти еще одну работу. Леля приносит в семью львиную часть дохода — шьет поповские облачения — и если она сляжет, то всем придется туго.

Джош появился у меня под вечер.

— Ну что, нашел себе приработок? — спросила я.

Он отодвинул меня в сторону и направился в кухню, где Люси перетирала чистую посуду.

— А ты знаешь, что количество буржуев в Лос-Анджелесе постоянно растет, а качественной услуги на всех не хватает?

Люси посмотрела на него в недоумении.

— Чего?

— Вот, изучай! — Джош вытащил из кармана вырезку из The Los Angeles Times. — Если у тебя есть кулинарное образование, знание этикета и умение

отчищать все от всего, то можно запросто устроиться домработницей в миллионерский дом.

— Я вообще инженером хочу стать, — напомнила Люси.

— Сколько тебе будут платить, когда ты окончишь колледж? Тысяч сорок в год — самое большее. А если ты работаешь прислугой в где-нибудь в Беверли-Хиллз, то у тебя в год будет выходить 80 тысяч, плюс медицинская страховка и оплачиваемый отпуск. И это не считая проживания в шикарном доме с бассейном и винным погребом.

Мы с Люси прыснули.

— Чего вы ржете? — возмутился Джош. — Это очень почетная профессия! Для крутых домработниц даже гляцевый журнал издается: «Прислуга знаменитостей: управление особняками и именьями». Вот ты, Люси, хоть знаешь, что газету перед подачей хозяйке нужно прогладить утюгом?

— Зачем?

— Чтоб руки о типографскую краску не пачкать! Тебе надо не в колледже горбатиться, а пойти в Международный институт домоуправления в Денвере. За два месяца тебя всему научат. Только постарайся есть побольше: домработница должна быть толстой и принципиально несексуальной.

— Чего ты к ней пристал? — не выдержала я. — Иди сам в домработники, если тебе так нравится.

Джош скромно потупил глазки.

— Нет, я не могу. Мне надо, чтобы кто-то устроился и познакомил меня с хозяйкой.

НАУКА И ЖИЗНЬ

22 февраля 2007 г.

На меня как проклятье наложили: я стала примечать *знаки*. Зашла в корейский продуктовый, а там на полках — почки консервированные в уксусе; в новостях —

«Искусственная почка не заменяет настоящую»; открываю спам: «Ремонт выводных систем любой сложности».

Когда мне начинает казаться, что «за мной следят», я еду к Мелиссе.

— Что ты нагадала моей сестре? — спросила я. — Она поправится?

Мелисса опустила ресницы.

— Я не говорю людям, что их ждет. Они сами выбирают дорогу, а я просто растолковываю им указатели.

— А поточнее?

— Нужно верить. Точнее, *знать*, что вылечишься. Если человек допускает, что может умереть — он умрет. Если нет — выздоровеет.

Мелисса хотела есть, и мы отправились в русский ресторанчик.

— Выпить не желаете? — подмигнул мне официант Боря. — Водка Славянская на березовых почках. Лично рекомендую.

У меня опять екнуло в груди.

— А ты сама во что веришь? — спросила я Мелиссу.

Она выпила водки и утерлась кружевным надушенным платочком.

— Мы не одни во Вселенной. Есть еще мир духовный. В нем сосредоточены все знания; а здесь, в физическом мире, — весь опыт.

Мелисса говорила долго. Люди — это духи; они всегда были, есть и будут. А человеческая жизнь — это виртуальная игра, с помощью которой они развлекаются. Им хочется того, что недоступно в их духовном мире — любви, войны, радости, ненависти.

— Ты видела, как мои сыновья играют в компьютер? В реальности им никто не даст автомат, а там они могут стрелять сколько душе угодно. Они выбирают себе внешность и «легенду», страну и миссию. Часами не вылезают из-за стола! Спрашивается, зачем? Чтобы испытать новые эмоции. Для них это — самый крутой кайф.

Глаза Мелиссы блестели.

— Когда мы попадаем в духовный мир, мы расслабляемся. Там — вечное спокойствие. Но потом нам становится скучно. Мы пристально следим за этим

миром, выбираем, кем мы хотим стать, стираем себе память и понеслось! Новый младенец родился!

— Значит, Леля сама захотела, чтобы у нее болели почки? — хмыкаю я.

— О, да. Ее духу интересно — каково это? Возможно, он желал умереть, возможно, наоборот — вылечиться. Леля должна вспомнить, чего она хотела в «той жизни».

— Значит, кто-то выбирает судьбу сироты? Судьбу шизофреника? Судьбу заключенного?

— А почему ты считаешь, что это неинтересный жизненный опыт? Наши страдания все равно понарошку: мы же в компьютерной игре!

Система у Мелиссы стройная, но в ней все равно что-то не так.

— Так мы ни на что не влияем? Все заранее предначертано?

— Да я ж тебе говорю: мы в игре! Мы выбираем облик, оружие и уровень. А дальше действуем от балды — но в рамках заданной программы.

Мелисса считает, что она «чувствует» эту программу и потому может предсказать, что там, за поворотом. Хотя человек волен и не ходить за поворот.

— Добра и зла не существует?

— Не-а.

— Значит, 11 сентября — это тоже понарошку?

— Выходит так.

— И лечить Лелю не надо: она сама захотела поболеть. Если кто тонет, то его не нужно вытаскивать. И если я тебе сейчас голову проломлю, то я не виновата — ты сама выбрала эту судьбу?

— Ну что ты ко мне пристала? Не хочешь — иди в Иисуса верь.

Я ехала домой...

Чушь какая! Значит, кто-то выбирает себе роль педофила. «Дай, — думает, — поистязую детишек. Это ж все равно понарошку. Да и им в кайф — они же сами себе это выбрали». Ни больниц, ни судов не нужно. Плываем по течению — к светлому будущему в конце тоннеля.

Я лучше в НЛО буду верить, чем в такую фигню. Старые религии хоть и поистаскались, но в них есть большой плюс: понятие греха. Страх быть неугодным Богу многих человеков превращает в людей.

Мелисса только что позвонила.

— Ты не думай, я не оправдываю Гитлера! Я просто сама еще не до конца разобралась... А Леле скажи вот что: нужно освободить место для чуда. Оно придет, когда ему будет куда прийти.

И положила трубку, коза.

ПРОФИЛЬ

27 февраля 2007 г.

У него необычное лицо. Высокий лоб, глаза цвета желудя и светлая славянская кожа. Бойцовский подбородок, доставшийся в наследство от предков-англичан... Люблю его разглядывать, когда он спит или читает — необычный!

Сидя за компьютером, он мурлычет под нос песенки. Болея «за футбол», скачет коленками по дивану.

Любит красивые и дорогие машины. Мне без разницы — лишь бы не ободранная и не ломалась. А ему нужна «О-о-о!»

Кухня для него — terra incognita. Все предметы загадочны, как оборудование секретной лаборатории.

Зато он умеет чинить пластмассовую коробку, от которой работает спутниковое телевидение. А еще — решать проблемы. Почти любые.

Спорит — громко, задавливая интеллектом и изобретенными по ходу аргументами. Придумывает мне прозвища по типу еврейских фамилий. Берет на себя ответственность за всех и вся, и страдальчески морщится, когда люди бывают дураками.

Любит меня, работу и победы. Еще — крутить себе волосы на макушке: это помогает ему думать.

Не любит жить медленно. Аэропорты и магазины нагоняют на него тоску.

Когда его нет — скучаю. Пусть будет рядом, за стенкой, пусть смотрит свой телевизор или режется в покер с приятелями. Но чтоб под боком.

Мальчишка — поэтому с ним весело и свободно. Мужчина — и поэтому с ним чувствуешь себя в безопасности.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

1 марта 2007 г.

Моя книга «Женщина с большой буквы «Ж» выйдет в издательствах «АСТ» и «Олимп» в начале октября. Серию мне уже определили: «Дневники светских львиц». Не удержалась, кинулась читать предшественниц — надо ж знать, куда занесла меня судьба.

Светские львицы рассказывают о своей любви к президенту, сексу и Куршавелю. На заднем фоне маячит принц с сослуживцами. Главными героями являются Версаче, Шанель и Дольче с Габбаной.

Не верю ни одному слову. Человек, у которого есть деньги, не станет акцентировать внимание на марке барахла. Для богатых это естественная среда, и богатая дама никогда не будет писать, в какие лейблы она оделась. Это все равно что перечислять: «Сегодня, встав с утра, я вдохнула азот, кислород, углекислый газ и еще много других примесей».

Хотя возможно, я ничего не понимаю в состоятельных дамах Москвы. Мне кто-то говорил, что они похваляются марками сотовых телефонов — мол, это признак крутизны. Или это просто не потомственная аристократия? Добрались до денег и никак не могут привыкнуть к ним?

Жена Кевина — тоже не бог весть какая баронесса, но ей в голову не придет хвастаться, что и в каких магазинах она покупает. Она уж 20 лет там отоваривается, и все подружки ее там же пасутся. Чем она их удивит?

Про работающих дам и говорить нечего: они хвастаются интересными идеями и удачными проектами.

Невозможно целый год ездить на BMW и каждый день восхищаться: «Офигеть!» Ну месяц, ну два... Потом игрушка приедается. Большие деньги тратятся на бизнес, на благотворительность, на образование, на дорогие хобби. А уж барахло — это такая малая часть расходов и такая незначительная часть жизни...

Особенно порадовала какая-то телеведущая, которая утверждает, что по марке джинсов сразу можно определить, «в теме девушка или не в теме». Я посмотрела на свои штаны: боюсь, мамзель такой темы даже не проходила.

А вообще светские львицы — интересные звери. Тратят жизнь на доказывание, что они не крокодилы — с помощью перемены табличек на клетках. Но тиражи у львиц весьма неплохие, так что я попала в струю.

ЖЕНСКИЕ СЕКРЕТЫ

5 марта 2007 г.

Леля ходит по врачам, как по кругам ада. Они предупреждают ее о возможных осложнениях: чтобы пациент напугался соответственно болезни. Знание у них — сила, а сила есть — ума не надо.

Впрочем, Леля держится молодцом. Говорит, что подарит мне свои камни для японского садика в Нижнем Новгороде.

И все равно видно, насколько она боится — боли, небытия, невозможности помочь сыну и мужу. И еще беспомощности. Леля привыкла думать о себе, что она горы может свернуть — стоит покрепче ухватиться. А болезнь ставит ее на место: крошечный камешек, засевший где-то внутри, может превратить ее в инвалида.

Я регулярно хожу к Зэку, и мои результаты тоже неутешительны. Стоит мне набрать его номер, как он бросает трубку. На имейлы не отвечает. Заслышав мой голос в домофоне, прячется, как призывник от милиции.

Агнесса посоветовала мне устроить засаду:

— Ты приходи к нам часиков в шесть и сиди, пока он домой не явится. Только машину оставь на соседней улице, чтобы его не спугнуть.

Заодно она попросила меня побыть с Пи-Пи. Ну что ж, у каждого свой интерес.

Пи-Пи встретила меня вся в черном: у нее сдохла золотая рыбка.

— Мардж, а куда попадают рыбы после смерти?

Я пожала плечами.

— В специальный рыбий рай.

Мы выловили страдалицу из аквариума и смыли в унитаз. Пи-Пи с грустью проводила ее взглядом.

— Теперь я знаю, почему рыбки боятся людей. Мы какаем в их рай...

Пока ребенок смотрел телевизор, я тайком проскользнула в комнату Зэка. Когда-то это была детская, но Пи-Пи отказалась в ней спать — она до сих пор засыпает в маминой постели.

Обои с клоунами, в углу — гантели, на столе — фашистская каска. Агнесса сказала, что сейчас Зэк снимается в историческом боевике.

После того, как Агнесса растрепала про Зэковы чувства, я поняла, что мне жалко «терять» его. В глубине души я все равно считаю его своим.

Официальный развод — это официальное разрешение Зэку быть счастливым с другой женщиной. Это все равно что снять с пальца бриллиант и кинуть его в пыль. Рука не поднимается! Может, Зэк — мой последний тайный обожатель и других уже не будет?

Напялила его каску. Я — как фриц под Москвой: видит око, да зуб неймет. Надо отступать, пока задницу не надрали.

Зэк явился, когда мы с Пи-Пи играли в войнушку. Зашел в квартиру и тут же вылетел обратно. Догнать его не удалось.

Соседи потом долго расспрашивали Агнессу, почему за ее кузеном гонялась босая тетка в длинной юбке и с фашистской каской на голове. Что она им отвечала — понятия не имею.

ЧУЖИЕ ДЕНЬГИ

7 марта 2007 г.

На этой неделе выигрыш в лотерею составлял 370 миллионов долларов. Все как с ума посходили — билеты закупаются пачками. Я тоже грешным делом ввязалась. Потом опрашивала знакомых: что бы они стали делать с такими деньжищами.

Пол: вложил в акции и заработал еще столько же.

Мелисса: купила себе остров в Тихом океане, монастырь в Тибете и самолет — чтобы летать туда-сюда.

Лея: восстановила Строгановскую церковь, сделала крупный взнос в фонд борьбы с мочекаменной болезнью, купила дом себе, родителям, Джошу и всем двоюродным и четвероюродным сестрам из России.

Джош: купил наикрутейшую тачку и самый навороченный сотовый телефон. На большее у него фантазии не хватает.

Пять минут назад он позвонил и добавил:

— А еще вставлю в зуб бриллиант. Хочу быть блестящим молодым человеком.

Опять перезвонил:

— И маму бы вылечил.

Весь день мучалась выбором. Вот проснусь завтра миллионершей, а зачем — непонятно. В акции вкладываться мне лень — для этого еще одно высшее образование нужно получать. Монастырь в Тибете я и с доплатой не возьму; зубы с бриллиантами мне не идут...

Наконец составила план:

Во-первых, надо дать денег на фильм по моей книге. Пусть он провалится в прокате, пусть его вообще никто, кроме меня смотреть не будет...

Кстати, хорошая идея для маркетинга — запустить по всем СМИ новость: Мардж Тенш заплатила 120 миллионов долларов за фильм, который никому не покажет. Дать интервью в Time: «Это моя маленькая причуда. Смонтированным кино не увидит даже Анджелина Джоли, которая играет главную роль». Все будут охать, ахать и строить дикие предположения. А потом через полгода объявить: «Ну ладно, уговорили, покажу. Но только весь сбор пойдет на разработку автомобиля будущего. Он должен летать и работать на альтернативном топливе. А то меня уже заколебали пробки на дорогах и высокие цены на бензин».

Еще реализовать планы из раздела «Душеспасительное».

Еще дать денег Полу на акции, Джошу на зуб и Леле на фонд, дом и церковь. Мелисске подарю маленький самолет — пусть летает, куда ей надо.

Если деньги останутся, накоплю золотых монет, сложу их в сундук и зарюю в палисаднике. А карту с сокровищами завещаю правнукам. Пусть развлекаются.

Вечером:

Хрена. Никаких вам садов камней. Мои миллионы достались каким-то чувакам из Нью-Джерси и Джорджии.

БОЖИЙ МИР

11 марта 2007 г.

С рыбьим раем все понятно. А как выглядит рай человеческий?

Прошлась по интернету. Выяснила, что люди имеют весьма смутное представление о том, куда им хочется попасть после смерти.

Достоверно известно, что в раю нет болезней, смерти и страданий. О том, что там имеется, сведений мало, да и те противоречат друг другу:

в христианском раю есть возможность лицезреть Господа;

в мусульманском — не только Господа, но и прекрасных гурий.

Праведные иудеи восседают в венцах и изучают Тору.

Праведные буддисты — отдыхают после очередной реинкарнации.

Скандинавские язычники — охотятся, монгольские — вдоволь кушают.

Офисные работники — живут без будильников, понедельников и начальников.

И все-таки пребывание в раю трудно назвать безоблачным. Души умерших наблюдают за нами с небес, а это зрелище не для слабонервных. Наверное потому все хотят в рай, но мало кто торопится умереть.

Поспрашивала людей в своем блоге: «Что для вас означает слово “рай”?»

«Попасть туда — это как ребенку найти папу, подбежать и уткнуться в колени...»

«Люди — это всего лишь биоплесень. Ей не дано понять, что такое рай».

«Рай — это когда ничего не болит».

«Рай не на небесах, а в головах людей».

Последний тезис мне больше всего нравится. Человек не может изменить окружающий мир, но может изменить свое отношение к миру. Как говаривал Козьма Прутков: «Хочешь быть счастливым — будь им».

ПРИРОДА И ОХОТА

14 марта 2007 г.

Пол рассказывает, как в Корейскую войну коммунисты вербовали американских военнопленных:

— Бойца вызывали на допрос, поили чаем, угощали сигаретами. Потом китайский офицер начинал разговор за жизнь:

— Слушай, а чего американцы нас так ненавидят? Мы что, обидели вас чем-то?

Боец отвечал, как положено:

— Мы сражаемся за демократию против кровавого тоталитарного режима!

— Да ладно, какие мы кровавые? Можно подумать, ваша Америка — идеал. У вас тоже, небось, проблемы есть.

— Ну... есть.

Глаза китайца загорались любопытством.

— А какие, например?

— Безработица, медицина дорогая...

— А у нас нет безработицы и медицина бесплатная! Видишь, не такие уж мы и уроды.

— Да я и не говорю, что вы уроды...

— Слушай, а ты можешь статью про это написать? Нам очень важна точка зрения простого американского солдата.

Боец брал ручку и писал: «В США — безработица, а в Китае — нет. Китайцы — не такие уж плохие ребята, и с ними вполне можно дружить».

А вечером статью бойца зачитывали по лагерному радио.

— Ты совсем рехнулся?! — вопили пленные. — Они тебя что, пытали?

— Да нет...

— Так почему ты...

И боец начинал защищаться.

— Все, что я сказал — правда!

— Предатель! Иуда!

Свои отворачивались, били, объявляли бойкот. А китайский офицер попрежнему был ласков и обходителен.

Во время Корейской войны уровень «измены» был самым высоким за историю США.

— Надо для Ээка изобрести что-нибудь в этом роде, — говорит Пол. — Пусть он сам захочет развестись.

Я загибаю пальцы:

— Просить бесполезно, угрожать тоже. Он думает, что мы хотим его смерти и потому защищается...

Под конец я придумала: надо уговорить Зэка написать книгу «Развод — это прекрасно» и пообещать ему славу и деньги.

МОЙ КРОХА И Я

16 марта 2007 г.

Хочу ребенка. Пытаюсь объяснить себе почему:

1. Так надо. Ибо сказано: «Плодитесь и размножайтесь».
2. Будет кому в старости подать мне стакан воды.
3. Полу будет кого считать ребенком помимо меня.
4. Наши мамы будут счастливы.
5. Знакомые перестанут спрашивать «Ты вообще рожать собираешься?».
6. Наконец-то я перестану целые дни проводить за компьютером.
7. Кажется, я люблю детей. Они прикольные.
8. Я существенно расширю свой кругозор на тему материнства и детства.

Потом из этого можно будет сделать смешную книжку.

9. Если родится мальчик — у меня будет шанс воспитать Принца на Белом Коне. Если девочка — ей можно будет завязывать банты. Что в равной степени интересно.

10. Я выполню свой долг перед нацией.
11. Первые 15 лет ребенок будет любить меня за красивые глаза. Это круто!
12. Все-таки дополнительный родной человек — это хорошо.
13. Вполне вероятно, что моим ребенком можно будет гордиться. Сначала у него будут успехи в рисовании «космоса», потом по какому-нибудь школьному предмету. А там и до Нобелевской премии недалеко.

14. Родить, чтоб был. Просто ради него самого. Подарить жизнь.

15. Призрачная надежда на бессмертие.

Мне не нравится идея рая. Соединение с Богом льстит моему самолюбию, но я не верю, что Господу понравится вечно соединяться со мной. Рай — это идеал:

все уже понято, изведано и достигнуто. Покой — как на кладбище; радость — как под кайфом.

Я хочу вечно учиться, ошибаться, подниматься на ноги, говорить ерунду и совершать открытия. Именно поэтому мне нравится думать, что *жить* вечно — интересно. Жизнь — это и есть рай.

Душа, то есть наша личность, бессмертна, но не так, как принято считать в мировых религиях. Как от отца к сыну переходит определенный генотип, так из поколения в поколение передаются наши «Я». Мы еще не раз вернемся на эту землю, если наш род не оборвется.

В детстве я и мой друган Борька Папахин скрепляли клятвы кровью. Вырывали из тетрадки листок и писали: «Никаму неслова что мы потирыли vareжки на горке». Расковыривали себе пальцы и ставили на бумаге зловещие кресты.

— Давай лучше расписываться лимонадом! — предлагал Борька. — Он дефицитнее.

Но я говорила, что все важные бумаги надо подписывать именно кровью, и пересказывала легенду о Феофиле Аданском, почерпнутую из журнала «Безбожник у станка».

— Этот Феофил жил в 6-м веке. Он хотел стать епископом, но вместо него поставили другого человека. Тогда Феофил написал кровью договор с дьяволом и поклялся, что если Сатана исполнит его желание, то он отдаст ему душу. Такой договор лимонадом не подпишешь.

— А на фига дьяволу душа Феофила? — удивился Папахин.

Тогда я не нашлась, что ответить. А ведь все просто: продать душу дьяволу — значит уничтожить ее. А подписать кровью — оставить свою кровь в залог. Только под ней надо понимать не жидкость, а род, потомство.

Все закономерно: грешники тратят время на стяжательство, прелюбодеяние и прочие радости. Их дети имеют все шансы заработать тяжелые неврозы. А там покатится: алкоголизм, болезни, смерть. Дьявол — это не мужик с рогами, это

небытие, и если человек делает выбор в пользу греха, то небытие заберет его детей. Род вымрет, душа сгинет. Вот это и есть ад.

Не все так плохо, разумеется, и при желании потомки грешника могут выбраться из порочного круга. Только им будет намного труднее.

Позвонила знакомым генетикам: они сказали, что личность — это не ген, а жизненный опыт, который нельзя передать по наследству. Так что никакой души нет.

Может, у них и нет. А мне на всякий случай надо кого-нибудь родить. В конце концов, это свинство — не дать моему пра-пра-пра-дедушке получить Нобелевскую премию.

ДОЧКИ -МАТЕРИ

19 марта 2007 г.

Мама очень скучает по нам с Лелей. Ей хочется принимать участие в нашей жизни, а мы, засранки, целую неделю ей не звонили.

— Я уже без вас телевизор начала воспитывать, — жалуется мама.

Отец подслушивает на параллельном телефоне.

— Ага, вчера захожу в большую комнату, а она на кого-то кричит: «Думать надо было, прежде чем замуж выходить!»

— Положи трубку!

Папа демонически хохочет.

Я почти всем обязана маме. Отцу, конечно, тоже, но он любил живопись чуть больше, чем детские горшки, поэтому при первой возможности сбегал от нас в мастерскую. Там, в зависимости от настроения, он либо пил пиво, либо создавал приличное искусство. Маме доставалась работа попроще: делать из нас с Лелей приличных людей.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю ее советы:

«Иди в угол и подумай о своем поведении!» — так у меня выработалась привычка размышлять о *важном*.

«Не грызи ногти, а то глист нахватаешься» — так я начала следить за своим питанием.

«Кто обзывается, сам так называется» — я научилась разбираться в людях.

Недавно вспомнила еще «Много будешь знать — скоро состаришься» и перестала взвешиваться. Чувствую себя помолодевшей на 10 лет.

Только с одним мама прогадала. Она говорила, что от печенья и конфет может испортиться аппетит. Ах, если бы!

Сегодня она рассказала, что когда мне было 3 года, я сперла из тумбочки ее зарплату. Потом съела акварельные краски, после чего меня вытошнило в ванную. Я решила ее помыть до прихода родителей: стиральным порошком, зубной пастой и солью.

Целый месяц мы жили без соли и пасты. Денег у нас не было: я забыла, куда их засунула. В конце концов мы нашли их в корзине с грязным бельем: стирку мы не устраивали, потому что стиральный порошок тоже кончился.

Потом кассирша в булочной долго принюхивалась к маминым купюрам и недоумевала:

— А говорят, деньги не пахнут.

Что-то я раздумала заводить детей.

DOLCE VITA

30 марта 2007 г.

Позвонила в Москву и переговорила с Женей, редактором. Кажется, у меня будет все: и реклама, и большой тираж...

Надо пойти, что ли, костюм приличный купить. А то знаменитым писателям в трениках ходить не положено.

Набрала Мелиссу:

— А я, между прочим, звезда...

— Слушай, у меня клиент. Я тебе потом перезвоню.

Леля ушла ко врачу, Пол не брал трубку... От безысходности набрала Джоша.

— Ты знаешь, что твоя тетка — великий писатель?

— А ты знаешь, что в интернете есть сайты, на которых за регистрацию дают деньги? Я уже зарегистрировался на «Афро-американских холостяках», в «Клубе любителей коневодства» и в «Общество защиты путей сообщений».

— И сколько тебе денег дали?

— Ну... доллар. Но если зарегистрироваться сто раз с разных компьютеров, то будет сто баксов.

Джош попрежнему мечтает о богатстве. За доллар, за два продал на интернет-аукционах все содержимое гаража и кладовок. Нашел где-то сайт, на котором ссужают деньги под проценты. Теперь сидит и думает, что лучше: взять у мамы полтинник и отдать его в рост или набрать долгов и сбежать в Канаду?

— Взять под меньший процент и на этом же сайте раздать под больший, — посоветовала я.

— Класс! Спасбо, тетя! — сказал Джош и положил трубку. А про мою славу так ничего и не спросил.

Ходила по дому — ни за что не могла приняться. Вот оно. Дождалась.

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»¹.

Библия — спорная книга, но иногда в ней попадаются весьма дельные мысли.

Почему мне в детстве никто не сказал, что просить надо не награду, а возможность ее *заработать*? Хочешь любви — молись, чтобы быть достойной любви. Работай над этим, сделай так, чтобы любить тебя было легко и приятно. Хочешь денег — проси цепкий ум, изобретательность и трудолюбие. Хочешь славы — проси способность делать что-нибудь на самом высоком уровне. И не забывай подставлять судьбе нужные места для поцелуя.

¹ Евангелие от Матфея 7:7

Хотя со славой я, наверное, загнула. Иногда известность — что-то вроде болезни, которую можно подцепить, переспав с уже заразившимся.

Вечером:

Вспомнилось: Пи-Пи увидела Элмо по телевизору. Она не могла его купить: у нее нет ни денег, ни работы. Но она так хотела заполучить эту игрушку, так страстно о ней рассказывала, что в конце концов ей ее подарили.

Стучите, и отворят вам.

ПОЛИТИКА

1 апреля 2007 г.

— Алло, сестра... Ты как?

Леля в подробностях рассказала мне про свои анализы. Кажется, пока наши почки могут спать спокойно.

— Лель, спроси меня про книжку!

Пару минут она слушала мое бахвальство.

— А денег тебе сколько дадут? Много? Не хочешь сделать пожертвование в фонд Республиканской партии?

Леля — видный политический деятель. Она исправно ходит на партийную учебу, ездит на конференции и платит взносы. За это ей присылают благодарные письма от Джорджа Буша — отпечатанные в типографии.

— Лель, я не поддерживаю республиканцев.

Лучше бы я этого не говорила — ей вредно волноваться.

— Да твои демократы — вообще позор нации! Единственное, чем они отличаются от мешка с дерьмом, так это мешком!

Я молча ждала паузы, чтобы вклиниться.

— Демократов я тоже не поддерживаю... У меня, между прочим, супер-зашибись-крутой роман... И через полгода я проснусь знаменитой...

— В дурдоме, что ль?

Стоило Леле поверить в свое физическое здоровье, как она засомневалась в моем умственном. Но я настаивала на признании:

— В моей книжке про тебя тоже сказано, и про твою церковь, и про то, что ты шьешь поповские шапки на заказ...

— А ты мой телефон указала?

— Нет.

Голос Лели поскучнел.

— И охота тебе всякой ерундой страдать? Занялась бы чем-нибудь полезным — жития святых, что ли, написала... Или биографию видного члена нашей партии.

Старый анекдот:

— Чем отличаются республиканцы от террористов?

— С террористами можно вести переговоры.

Вечером:

Пол выслушал мои новости и предложил мне руку и сердце.

— Надо быстрее жениться, а то потом к тебе на кривой козе не подъедешь.

Я сказала «да»; написала Зэку имейл — он сказал «нет». Я его убью, когда поймаю.

Самое смешное — сегодня 1 апреля.

КОММЕРСАНТЪ

2 апреля 2007 г.

Я заглянула к Мелиссе в конце рабочего дня. Клиенты разошлись, по конторе ходила уборщица с пылесосом.

— Хочешь пива на халяву? — спросила Мелисса.

— А то!

— Пошли к соседям. У них сегодня юбилей магазина.

Соседний магазин находился в подвале и имел весьма красноречивое название: «Говнодавы и т.п.» Перед входом болтались темные личности: девочки с серьгами в носу обнимались с мальчиками с серьгами в губе. Действом заправляла симпатичная вампирша родом из Праги.

— Это Ленка — хозяйка «Говнодавов», это Мардж — царица графоманов, — представила нас Мелисса.

— Эй, пойло сюда! — крикнула Ленка.

Из подсобки высунулся франкенштейн с серьгой в брови и притащил нам по банке с надписью «Бычья кровь».

Я огляделась вокруг. Выставленное шмотье представляло из себя нечто среднее между формой гитлерюгенда и одеянием Дракулы.

— Как торговля? Идет?

Торговля в «Говнодавах» шла прекрасно. Молодежь записывалась в очередь, чтобы отдать сотню баксов за лагерные боты фасона «осень-зима 1937 года».

Самое сложное в шмоточном бизнесе — угадать, что будет модным в следующих сезонах. Пара месяцев уйдет на дизайн, двенадцать — на налаживание производства, еще сколько-то — на дистрибьюцию и непредвиденные обстоятельства.

Ленка все рассчитала и отправилась на гастроли вместе со знакомой панк-группой. Смотрела на публику и разговаривала... Те, кого она искала, отличались от других — они шили рубахи из штанов, сумки из носков и обувь — из ковриков для мышек. Эти безумные люди и стали ее дизайнерами.

Из подростков, состоящих на учете в полиции, Ленка создала совет экспертов. Им предъявлялись разработки дизайн-студии. «Ацтой» шел в мусорную корзину, «ахуеть, дайте две» — на фабрику в Китае.

К вопросу промоушена Ленка тоже подошла с творческой стороны. Панк-группам платились хорошие деньги за то, чтобы они выступали в говнодавах. В панковских журналах появилась реклама: из-под одеяла торчат две пары ботинок, а

ниже подпись: «Невозможно расстаться». По кабелю пошли ролики: ниндзя размахивает говнодавами на шнурках как боевыми нунчаками.

За пять лет Ленка вырастила сеть магазинов по всей стране — маленьких, полуподпольных, со входом через заднюю дверь. Она потягивала «Бычью кровь»: глаза светлые, зрачки-точки, верхние веки не достают до райка. Совершенно потусторонняя личность.

Мелисса наклонилась к моему уху.

— Я с Ленки, между прочим, порчу сняла! — шепнула она. — Как только у нее деньги завелись, ее тут же сглазили, и она пошла со своими говнодавами в универмаги. Чуть не обанкротилась из-за этого! Приличные люди ее боты не покупали, потому что они уродские, а неприличные — потому что боты из универмага не круты по определению.

Я кивнула:

— Крутое должно быть дорогим и продаваться из-под полы.

— И желательно, чтоб рожа у продавца была как у контрабандиста, — хихикнула Мелисса, показывая на Ленкиного франкенштейна. — Типа добыл, рискуя жизнью.

РЕКЛАМНЫЙ МИР

3 апреля 2007 г.

Мне тоже надо рекламную компанию как у Ленкиных говнодавов.

Например, развесить по метро плакатик: сидит девчонка на скамейке и читает мою книгу, а Бог на облаке подглядывает в бинокль.

По радио ролик пустить — завывающим голосом: «Она хотела оставить след в литературе, а не просто наследить...»

А если предложить Верке Сердючке нарядиться в меня, так продажи вообще до небес подскочат.

Пол надо мной смеется:

— Ты переоцениваешь силу рекламы.

Ага, переоцениваю... С помощью рекламы можно продавать *все*. Даже Войну и Мир. Взять, к примеру, первую иракскую кампанию: чуть ли не все страны были за Америку. Во второй кампании все поддерживали иракцев. А по сути человечество как было, так и осталось на стороне телевизора.

ТВОЕ СОБАЧЬЕ ДЕЛО

5 апреля 2007 г.

Моя домработница и моя собака друг друга опасаются. Люси способна бить мопсов тапкой, а когда Ронского бьют, он весьма достоверно инсценирует кому.

И все-таки им приходится вместе гулять. Оба идут друг от друга на максимуме поводка. Из вредности Ронский присаживается какать посреди тротуара. Люси отворачивается и закрывает глаза. Ей плохо.

Сегодня она сделала вид, что Ронский вообще не с ней, и сняла с него ошейник.

— Я тебя не знаю, ты меня не знаешь.

Ронский со всех ног кинулся через дорогу. Наверняка заранее предвкушал, как хозяка ввалит надсмотрщице за его пропажу.

Люси пришла в неописуемый ужас. Два часа она металась по кварталу, заглядывала в подворотни и кадки с пальмами. Ронского нигде не было.

Вообще-то она зря расстраивалась. Я бы ей только спасибо сказала. Но только чтоб Ронский насовсем потерялся, с гарантией.

Внезапно над одним из газонов Люси заметила ястреба. Он то и дело пикировал вниз и возмущенно клекотал. На траве, среди пуха и перьев, лежал Ронский с растерзанным голубем в зубах.

— Ах ты сукин сын! Ты зачем ястреба ограбил?!

Матерясь, Люси отобрала у него птичку, надела ошейник и потащила назад. Ронский упирался и плакал.

Когда они подошли к дому, Люси остолбенела: на крыльце сидел второй Ронский-Понский. Отличить их не было никакой возможности. Ни тот, ни другой

не отзывался на имя, оба зло тарасили глаза и скалили мелкие кривые зубы. Люси пинками загнала обоих домой и принялась ждать моего возвращения.

Тем временем мопсы развлекались. Если одного Ронского еще можно было приструнить тапкой, то с двумя Люси не справилась: они стырили ее тапочки — каждый по штуке — и с восторженным хрюканьем удрали в спальню.

Когда я вернулась, все было вверх дном. Люси сидела с ногами на диване и газетой отгоняла от себя негодяев.

В первый момент мне показалось, что у меня двоится в глазах. Но тут мой Ронский кинулся целоваться, а чужой присоединился только через минуту.

Люси поведала мне, что случилось.

— Да ты б понюхала их! — сказала я. — Наш-то вчерашними котлетами пахнет, а чужой — собачьим кормом и еще какой-то дрянью.

— Я не нанималась к вам собак нюхать! — закричала Люси. — Все, я с ним больше не гуляю! Пусть во дворе гадит!

Я покосилась на Ронского.

— Допрыгался, беглый каторжник?

Он притворился, что ничего не слышит, не видит и делов не знает.

Его коллегу, Гамлета из соседнего дома, я отнесла хозяйке. Та уже успела объявления на деревьях развесить: «Пропала собака. Вознаграждение — 500 долларов». Но я ничего с нее не взяла, а то в последний момент тетенька могла передумать и оставить Гамлета мне. Лично я так бы и сделала.

ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЬ

7 апреля 2007 г.

Зэк — балда. Ему надо было не бегать от меня, а прийти, обсудить все и сказать:

— А все-таки мне понравилось быть твоим мужем.

Как бы после этого я подала на развод?

Впрочем, уже поздно: сегодня Пол подарил мне обручальное кольцо с выпуклой надписью на внутренней стороне. Если его снять, на пальце останется отпечаток «Занято!»

Вечером Пол составлял нужные для развода бумажки, а я, Люси, Мелисса и Джош помогали ему советом. Происходящее напоминало картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

— Так, переходим к причине расторжения... Нужно либо «неисправимые разногласия, приведших к безнадежному разрушению брака», либо «неизлечимое безумие».

— Пиши «безумие», — подсказала Мелисса.

Безумие всеми одобрилось, но Пол заявил, что судья может потребовать медицинские справки.

— Напиши «Заколебал», — предложила Люси.

— Гы-гы-гы...

— А еще лучше: обнимается и целуется с другими женщинами.

Доказательства смотри по телевизору.

Остановились на «разногласиях» и приступили к описи имущества.

Дом оставался за мной: я его купила до свадьбы, а вот нажитое барахлишко нужно было делить.

Джош ходил по комнатам и производил подсчеты:

— Занавески и тапки — тебе одну, Зэку вторую. А вот стульев у тебя семь.

Один придется распиливать.

— Отдайте Зэку Ронского-Понского, — шептала Люси. — Скажите, что он совсем молоденький и появился у вас во время брака. А если им для доказательства нужно вскрытие, вы согласны.

Пол распечатал документы.

— Копии надо доставить Зэку. Свяжись с ним и скажи, что я завтра приеду. Мне нужна будет его подпись.

Я написала Зэку имейл. Ответ пришел сразу:

«Подписывать ничего не буду. Если пойдешь в суд, я заявлю, что не могу разводиться по религиозным соображениям».

Я ему: «Что ты хочешь? Найди себе другую жену, и будет тебе постоянная грин-карта. Или тебе просто нагадить нужно?»

Не ответил. Хотя я, наверное, знаю, в чем дело. У Зэка в голове не укладывается: как его — красавца и звезду — променяли на «канцелярскую крысу»? Он не в состоянии оценить Пола: все его достоинства — начитанность, аристократизм, — кажутся Зэку либо придурью, либо дешевым выпендрежем. Поэтому он воспринял мой выбор как оплеуху.

Пока я не требовала развода, он молча мусолил обиду — может, даже решил, что он меня «любит»: так проще страдается. А теперь у него появился повод наказать обидчиков. Все это такой детсад, что я даже не могу разозлиться на него как следует.

Я бы вообще не стала затевать эту эпопею с разводом. Но для Пола это важно, так что сидим и терпим.

ДЕНЬГИ

9 апреля 2007 г.

Воевала в интернете: потерпела сокрушительное поражение, но не сдалась.

Битва разгорелась из-за денег. Враги утверждали, что мы живем в обществе потребления, и из-за этого рушатся устои и падают надои. В погоне за наживой люди тупеют (см. пример Мардж Тенш).

— Быть богатым — стыдно! — говорили враги.

Ага... Это как сексом заниматься — стыдно, но очень приятно.

Существуют люди, которые искренне считают, что большие деньги можно «заработать», только женившись на министерше или ограбив банк.

— А образование получить слабо? — спрашивала я.

— Да оно все платное! Да у меня семеро по лавкам! Да делать мне нечего — в университете пять лет горбатиться! Духовность и культура — вот высшая ценность!

Классика жанра: ищут не то, что поможет, а то, что мешает.

Попыталась им объяснить, что единственная культура, которая выживает без финансирования — это бактерии.

— Нет потребления — нет денег у предпринимателей. Следовательно, никто не делает пожертвования на музеи, библиотеки и программы изучения человеческого мозга.

— Пусть государство спонсирует!

— Так ведь оно без потребления тоже обанкротится. Нет торговли — нет налогов.

Ничего не ответили враги. Лишь хвостом по воде плеснули и послали меня в глубокое море.

ОНА

10 апреля 2007 г.

Раз в год к Мелиссе приезжает мать, Рита, и жизнь семейства Тернеров тут же летит к чертям.

Рита — профессор Нью-Йоркского университета. Преподает математику — какую именно, ни я, ни Мелисса запомнить не в состоянии. Но математика точно из высших.

По молодости Рита двигала науку — упорно, с напряжением сил — как шкаф. Дочь родила в перерыве между конференциями. На вопрос Мелиссы, кто ее папа, морщилась и нервно терла переносицу:

— Этот... Ну, как его... в очках...

Рите тридцать пять лет было некогда, но потом что-то не сложилось в ее уравнении: пенсия на подходе, любовь — в бегах, дочь — только в документах. «Мне нужна семья», — подумала Рита и взялась за дело.

Каждый раз она приезжает с кучей подарков: Тедду — галстук от Версаче, Мелиссе — электронный разговорник, мальчишкам — набор плюшевых медведей в викторианских костюмах. Каждая вещь дорога, красива и бесполезна.

— Мардж, приходи, а то я убью Риту! — простонала в трубку Мелисса.

Ей даже в голову не приходит называть ее мамой. Только по имени, а чаще всего — «она».

Тедда с детьми не было, у плиты сидела Рита и «готовила»: намазывала на крекеры рыбный салат.

— А где Мелисса?

Рита ткнула ножом в гостинную. Мелисса лежала ничком на диване. Лицо ее было заревано.

— Она меня доведет! У нее как будто две левых руки! Все крекеры мне перепортила!

На кухне Рита действует как пьяница в караоке-баре: старается от души, ждет аплодисментов, но вечно терпит фиаско. Рачительная Мелисса от этого чуть не воет.

Она рассказывала, что в детстве не мать за ней следила, а она за матерью.

— Знаешь, как она ходила на работу? Накрутит бигуди: спереди снимет, а сзади забудет. Потому что их в зеркало не видно.

Мелиссу воспитывали знакомые — причем не кто-то конкретно, а сообща. Кто поесть принесет, кто горшок вымоет. Ключ от квартиры гулял по рукам — от одной соседки к другой.

— Я ей даже не мешала, — говорила Мелисса. — Я могла в лепешку расшибиться от рева: она все равно не слышала.

Глядя на Риту, в это сложно поверить. В ее близоруких глазах такое стремление помочь, такая готовность на жертву, какое бывает у прихожан на Пасху.

Вечный конфликт на ровном месте. Разломанные печенюшки, незапертая дверь в туалете.

— Даже закрыться не может! — возмущалась Мелисса. — Тедд к ней сунулся, а она... А еще учит меня жить!

В Ритиной научной голове не укладывается никакой оккультизм. Время от времени она пытается наставить Мелиссу на путь истинный:

— Доченька, ну с чего ты взяла, что ангелы-хранители существуют? Ты что, знаешь хоть одного человека, которого они спасли?

— Они спасли *меня*! Если бы не мой ангел, я бы умерла, когда ты бросила меня, трехнедельную, а сама уехала на симпозиум!

Мелисса жестока. Она жалеет о своих словах, просит прощения — но всегда отводит Ритины руки, когда та пытается ее обнять.

— Не надо.

— Все эти годы я только притворялась, что люблю ее, — всхлипнула Мелисса. — На самом деле я ее ненавижу! Она мне всю жизнь сломала!

— Иди и мирись с ней, — показала я на дверь.

Мелисса поднялась, вытерла нос рукавом. Через минуту из кухни послышался голос Риты:

— Ну почему ты никогда не слушаешь моих советов?!

— Потому что я не хочу быть тобой!

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

11 апреля 2007 г.

Джош наконец-то нашел себе дополнительный приработок: теперь он выгуливает Ронского-Понского. Песик от этого не в восторге, особенно после того, как Джош присобачил ему на спину попону с надписью «Рекламное место».

— А у Кевина есть домашние животные? — спрашивает меня Джош. — Я бы и ему мог кого-нибудь выгуливать... И его знакомым актерам...

Мальчик все жаждет попасть в высшее общество. Я ухмыляюсь.

— А что ты смеешься? — негодует Джош. — Выгульщики собак знаменитостей — это очень хорошая профессия. И высокооплачиваемая!

Он пересказывает мне легендарную статью, вот уже пару лет гуляющую по интернету: служащим звезд платят бешенные деньги не только за сплетни из дома, но и за то, что они рекомендуют своим хозяевам рестораны и магазины.

— Все окупается! — мечтает Джош. — Если на витрине висит знак «Здесь была Бритни Спирс», продажи взлетают до небес. Это честно заработанные деньги!

Пиарщики что только не делают, чтобы заманить к себе звезду. На прошлой неделе Кевина позвали на презентацию новой косметической линии. Он хотел отказаться...

— Ой, ваш друг Эндрю так расстроится! — заплакали пиарщики. — Мы хотели вручить ему приз «За достижения в области грима» и попросить вас провести церемонию... Теперь придется всем сказать, что вы не захотели награждать своего старого друга.

Разумеется, Кевин не смог отказаться.

В результате Эндрю получил символическую гримерную кисть размером с веник, репортеры — новость для светской хроники, косметическая линия — бесплатное упоминание в таблоидах... А Кевин пропустил любимую телепередачу.

— Я помню, ты рассказывала, что у Кевина есть собака. — не понимает Джош. — Ее уже кто-нибудь выгуливает?

— Ты не сможешь конкурировать с этим человеком, — отзываюсь я.

— Почему?

— Он глухонемой и плохо видит.

ИСКУССТВО КИНО

13 апреля 2007 г.

Бульвар Голливуд. Звезды под ногами, звезды над головой, звезды вокруг — у Кевина сегодня премьера в Grauman's Chinese Theater.

Я вырядилась, нафранцузилась парфюмом... Как я люблю премьеры! Это единственные мероприятия, куда в наши времена можно прийти в собольей душегрее.

Судьба несправедлива к женщинам: она дала нам эмансипацию, но забрала кринолины и шляпы с перьями. Теперь ходим свободные по уши — в драных джинсах и майках с лебедями.

Поклонницы визжали, операторы снимали. Я то и дело влезала в кадр — мне надо было тренироваться быть знаменитостью. Хотела и Пола позвать прославляться, но он уже трепался с кем-то о бизнесе.

Пришлось встать рядом с Кевиним и его супругой и греться в лучах чужой славы.

В зале было пестро от нарядов; пахло парикмахерской и увядшими цветами. Речи, аплодисменты, поздравительные поцелуи... Наконец свет погас...

Фильм был потрясающим. Я чувствовала, что Пола аж подбрасывало от азарта. Он подносил ладони ко рту и поскуливал, как в решающий момент матча.

Когда пошли титры, зал взорвался аплодисментами.

— Ну как? — спросил Пол.

Я не сразу подобрала слова.

— Г-г-говно!

Меня всю трясло. Два часа тупорылой резни: красивые правильные мужики насаживают на копья некрасивых неправильных мужиков. Кровища рекой, гордый стяг за спиной. И неизменная речь о свободе и демократии в конце.

С Полом тут же поругалась.

— Так это же комикс, а не исторический фильм! Это ж все не по-настоящему!

— То есть теоретически греков можно заменить плюшевыми медведями?

Вместо крови — вата, вместо копий — карандаши. Ты пойдешь смотреть такой фильм?

Пол закатил глаза.

— Ну ведь красиво!

— Чтó тебе показалось красивым?! Как кому-то горло перерезали? Сходи на скотобойню — только смотри, не помри от счастья.

Красиво ему! Хлеба, блин, и зрелищ!

На вечеринку после фильма не пошла.

Критики The New York Times были со мной солидарны и поставили Кевину оценку «Ниже плинтуса». Зато народ в интернете пришел в восторг: «Лучший фильм года!», «А-а-а! Парень рулит!», «Это, блять, ащцкое кино!»

Я сделала Полу распечатку народных отзывов.

— Полюбуйся на своих братьев по разуму.

А ему хоть бы что! Схватил со стола линейку и сделал выпад в мою сторону.

— «Потомки будут гордиться нашими подвигами!»

Тинейджер сраный.

КУЛЬТУРА

14 апреля 2007 г.

Кевин обиделся, что я не осталась на вечеринку. Перезвонил.

— Тебе что, не понравилось?

Он защищал свое детище, кричал, что ему устроили овацию, и что он всегда ненавидел чистоплюев, которые ни хрена не понимают в искусстве.

Я советовала ему найти видео изнасилования малолетней и сделать из этого «красивое кино».

— Потом пройдишь по всему уголовному кодексу. Можно снять изысканную коррупцию, шикарный грабеж... И заверши серию красочным геноцидом.

Как всегда самые лучшие аргументы пришли мне в голову уже после спора. У Кевина действительно раздвоение личности. Нельзя одновременно бороться против идеологии Холокоста и в то же самое время пропагандировать массовую резню

ради «высших идеалов». Гитлер тоже расценивал евреев как «завоевателей», тоже мечтал «освободить» свой народ и тоже считал, что узники концлагерей — ненастоящие. Так — яйца с глазами-пуговицами.

ОРАКУЛ

15 апреля 2007 г.

Ах, я страданица! От издательства ни слуху, ни духу. А ведь еще позавчера обещали прислать договор.

Вдруг начальство в последний момент передумало? Или, может, Женья в отпуск улетела? Лежит сейчас на шезлонге, пьет коктейль «Дары Юга» и думает не о моем договоре, а об экскурсиях.

А может у них там, в Москве, опять что-нибудь случилось? Бреду к компьютеру, проверяю новости — все в порядке. Только Freedom House¹ пишет об эрозии демократии в России — но это вроде бы на мой случай не влияет. У меня, конечно, есть свои политические взгляды, но я рассказываю о них только папе (больше никому не интересно).

Издатели всегда работают медленно: они торгуют бессмертными произведениями — куда им торопиться? А вот писательские нервы — штука скоропортящаяся.

Мелиске я больше не верю: она обещала мне небо в алмазах еще на прошлой неделе. Ну и где оно?

С горя нашла в интернете гадание «Восточный оракул». Задала вопрос: «Жизнь не удалась. Это надолго?»

Ответ: «Китайский мудрец Конфуций говорит: В дни печали и тревог вспомни одуванчик. Головой асфальт прошибать — вот истинное мужество. А все остальное — суета и томление духа».

Задала второй вопрос: «Откуда Конфуций знал про асфальт и почему он цитирует Екклезиаста?»

¹ Американская неправительственная правозащитная организация.

Ответ: «Программа совершила недопустимые действия и будет закрыта».

Ведь предупреждали меня: оракулу нельзя задавать больше одного вопроса в день!

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

16 апреля 2007 г.

Будь я Богом, я бы завела себе сайт на интернете. Сделала бы в нем разделы «Последние изъвления Божественной Воли», «Происхождение человека» и «Часто задаваемые вопросы». Обязательно — он-лайн тест «Кто ты с Божественной точки зрения?» с вариантами ответов:

- Сын Божий
- блудный сын
- сукин сын.

Еще — окошечко «Обратная связь», куда можно скидывать просьбы и комментарии, и «Гостевая книга» (специально для акафистов и прочих славословий).

Грешников на земле убавилось бы, наверное, вполовину. Например, затеет какое-нибудь правительство войну, спросит, можно ли, а им ответ: «Таблетку примите, болезные».

А еще надо бы завести дневник Господа в интернете. Интересно, сколько бы человек стали его читать? Сколько бы смогли распознать Его и поверить Ему? И ЧТО бы он писал нам?

Кстати, я обнаружила, что bog по-английски означает «болото» или вообще «сортир». А god для русского уха звучит как «гад».

ЗВЕЗДА

18 апреля 2007 г.

Сегодня опять была в Голливуде. Специально сходила на Променад Славы, где в асфальт впечатаны имена звезд. Мне тоже надо впечататься — где-нибудь рядом с Годзиллой и лягушонком Кермитом.

Я даже знаю, за что мне эту звезду дадут: за сценарий боевика. Сюжет я пока не придумала, зато изобрела наиколоритнейших персонажей:

Место действия: многоквартирный дом

Жильцы:

Мойша Израильман — молодой человек, адвокат. Живет в крошечной коммуналке, которую постоянно делит с Али абу Палестином.

Али абу Палестин — почтенный человек неопределенного возраста. Обременен многочисленным семейством. Профессии необучен. На что живет — неизвестно. Не так давно к нему подселили Израильмана, потому что раньше в Палестинской квартире была прописана Мойшина бабушка. С тех пор Мойша вытесняет Али абу в сторону кладовки, а Али абу плюет Израильману в суп, не моет за собой ванну и специально включает радио погромче.

Джордж Америкос — самопровозглашенный председатель домоуправления. Бизнесмен. Богат и умен. Дом — полная чаша. В семье мир и покой, но за пределами своей роскошной квартиры Америкос ведет себя вздорным хамом: то к Афган-Паше заявится и всем морды набьет, то у Ираклия Саддамыча пропишет родственников... Жильцы Америкоса не любят, но терпят. Ибо половина из них работает на него, а у другой половины кишка тонка.

Ки Тай — жилец большой отдельной квартиры. Все семейство Ки Тая производит мелочный товар. Денег торговля приносит довольно, но ртов в квартире столько, что все равно не хватает. Ки Тай и его Ки Тайчата живут замкнуто, сами ни к кому не лезут, и в гости никого не зовут. По дому ходят слухи, что нрав у Ки Тая крутой. Чуть кто проштрафится — сразу хватается за ремень. Что там творится за железной дверью, неизвестно. Ки Тайчата никогда никому не жаловались.

Сэр-Пэр Британец — самый хитрый жилец. Когда-то ему принадлежало полдома, но то ли Британец не уплатил налоги на недвижимость, то ли перессорился со всеми жильцами... В общем, Сэр-Пэр отказался от собственности в пользу домоуправления. Дружит с Америкосом, но прямо в драку за него не лезет. Любит манипулировать и оставаться чистеньким. Профессиональный дипломат.

Россия Ивановна — владелица огромной квартиры с шикарным видом. Капитальный ремонт в квартире не делали с момента постройки дома, но Россия Ивановна уверена, что ее жилье — самое лучшее. С соседями отношения напряженные, ибо они, по мнению России Ивановны, ее не уважают. Имеет кучу дипломов, похвальных грамот и удостоверение почетного донора. Россия Ивановна — специалист широчайшего профиля. В принципе, умеет делать все, но ленится. Распродает антикварную мебель из собственной квартиры — тем и живет. Часто просит в долг у домоуправления, мадам Европы, Америкоса и Британца. Те дают, за что Россия Ивановна ругает их на общем собрании жильцов.

Иран Персинеджад — дебошир, хулиган и истязатель жены и детей. По совместительству заведует котельной. Кровный враг Америкоса. Америкос сначала увещевал его подавать тепло за зарплату, установленную домоуправлением, но Персинеджад его на хер послал. Сказал: «Моя котельная: захочу — вообще без тепла останетесь. А будешь выпендриваться, я на тебя порчу нашлю». Америкос требует отдать ключи от котельной и пугает Персинеджада полицией.

Мадам Европа — образцовая дама. Обладает изящными манерами и высокооплачиваемой профессией. Квартира обставлена с выдающимся вкусом. Америкоса презирает из принципа, но из принципа с ним же и дружит (так как с остальными дружить еще противнее). Персинеджада, Али абу и Ки Тая на словах уважает, но в душе тоже презирает, как незнакомых с работами Рафаэля. В молодости была крайней оторвой, но сейчас успокоилась, остепенилась и старается по возможности не участвовать в конфликтах.

А Сам Был Ладен — штатный призрак дома. Все о нем говорят, но никто его не видел. Ходят слухи, что он Америкосу окно разбил. Теперь обещается под дверь нагадить.

ЖИЗНЬ

19 апреля 2007 г.

Перебирала старые фотографии и в альбоме, доставшемся от бабушки, нашла пожелтевшую карточку. Молодая женщина с темной косой через плечо. Не глаза — а очи, не губы — а уста.

Антонина, сестра деда. Он запирал эту карточку в столе, а как умер, бабушка ее в альбом переложила. Что ей без толку валяться?

Тяжелая, роковая красота. За такую в иные времена отправляли на костер. Антонину же направили в парикмахерскую, стричь головы трудящимся. Зеркала, сверкающий инструмент... В витрине — портреты Сталина и Орловой.

Антонина накидывала на клиента простыню и ласково спрашивала:

— Одеколон «Тройной» желаете?

— Желаем! — выдыхал клиент. — Все желаем!

Холод ножниц, нежность пальцев... А в зеркале такая красота — хоть бросай портфель с ответственными документами и беги за ней на край света. Впрочем, зачем бежать? Товарищ Романова всегда здесь — с 8 утра до 5 вечера.

Раз в парикмахерскую зашел человек в гимнастерке с малиновыми петлицами — высокий, седой, с пистолетом. Велел обрить себя наголо, а потом — дать адресок. Антонина засмушалась.

— Я вечерами на рабфаке учусь, так что меня все равно дома не бывает.

Человек не настаивал. Поблагодарил и вышел.

— Тонька, глянь!

Подруга из дамского зала подтащила Антонину к окну. Человек отъехал от парикмахерской на роскошном «Паккарде».

— Дура ты, прости Господи! Такого мужчину упустила!

Но Петр Кондратьевич (так звали человека) вскоре опять появился. Был в отличном расположении духа, шутил, предлагал девушкам папиросы. А потом

сказал, что теперь знает не только Антонинин адрес, но и почему ее во дворе "Царевной" дразнят.

— У нас фамилия — Романовы, — поспешно сказала она.

— Да знаю я, знаю. Ты меня не бойся. Я ж не зверь.

Свадьба была тайной, но пышной — на загородной даче Петра Кондратьевича. Стол ломился от кушаний. Антонина, выдавшая такое лишь на натюрмортах, так объелась, что у нее разболелся живот.

— Привыкай, Царевна! — посмеивался муж.

Она его почти не видела: Петр Кондратьевич оставлял ее на даче и уезжал в Москву. Единственное, что требовалось от Антонины — это беречь себя. Она была беременна.

Дочь нарекли Эльвирой. Так звали даму из американского фильма¹, который смотрел Петр Кондратьевич.

— «Свободна и легка», — повторял он название. — Пусть будет такой.

Однажды Петр Кондратьевич приехал и велел собираться.

— Куда?

— На Север.

Разболтанный поезд притащил их в Архангельск. Оттуда грузовой машиной по бесконечному проселку. Петр Кондратьевич курил и смотрел мимо лица. Спросить о том, что случилось, было немислимо.

Деревня в снегах. Люди в форме.

Им выделили просторную избу.

— Почисти тут все, — сказал Петр Кондратьевич, брезгливо глядя на чужие, только что оставленные вещи.

Антонина кружилась с тряпкою по избе, выкидывала ненужное, расставляла нужное.

В красном углу висели иконы. Антонина подумала и решила их убрать: все-таки муж — офицер НКВД. В засохших цветах за иконой лежала бумажка с

¹ Фильм американского режиссера Эдварда Седжвика «Свободна и легка» (1930 г.). В роли Эльвиры Планкетт — Анита Пэйдж.

молитвой: «...угаси горящий в нас пламень греховный и покаянием ороси изсохшая сердца наша».

Она не сразу осознала, куда приехала. И только увидев людей, роющих за околицей котлован, поняла — лагерь. На улице — сорокоградусный мороз. А они — дохлые, беззубые, — ломami били землю. И каждое лицо — как обугленное.

Петр Кондратьевич был начальником лагеря.

— Дешево отделался, — цедил он нервно. Вешал шапку и шинель, обтирал голову платком и садился обедать.

Лагерь находился совсем рядом, минут двадцать пешком, но Антонина обходила его как чумной дом. Но его присутствие ощущалось — разговорами, собачьими голосами, следами на снегу.

Петр Кондратьевич был то хмур, то нарочито весел.

— Терпеть, Царевна! Терпеть.

Иногда в избу влетал розовощекий, в сливочном тулупе молодец, кидал руку к козырьку и радостно спрашивал:

— Товарищ Басыров! Разрешите обратиться! Куда жмуриков будем складывать?

Петр Кондратьевич распоряжался и, вздыхая, включал радиоприемник — слушать хор Пятницкого.

Антонина боялась проситься домой. Зажимала в себе тоску, давила как клюкву в стакане. Кислые брызги, красные пятна. Весной у Эльвиры обнаружился бронхит, и муж сам предложил:

— Отвези ее в Москву. Я тебе сопровождающего дам.

Попутчиком оказался рыжий парень, совсем мальчик. Сидя рядом с Антониной в грузовике, рассказал, что он тоже из Москвы, учился на геолога, потом попал в армию.

Ресницы у него были медные, на носу — веснушки.

— Знаешь, на кого ты похож? — улыбнулась Антонина. — На рыжего котикшу.

Она чувствовала себя намного старше. Лагерная зима сломила ее, душа превратилась в сухарик. А Рыжий не умел тосковать. Он носил на плечах Эльвиру, шумно со всеми знакомился, рассказывал анекдоты и сам же над ними хохотал — от души, во все горло.

В Архангельске они целых три дня жили на вокзале. Рыжий приносил из буфета сладкий чай и пирожки с непонятно чем.

— Кушайте, Антонина Александровна, пока горячие!

На третий день она встала в лужу и промочила ноги. Рыжий вытащил из вещмешка чистую рубаху и принялся растирать ей ступни.

— Ну нельзя ж так... Ведь простудиться можно...

От счастья у нее перехватывало дыхание.

Чем ближе подъезжали к Москве, тем сильнее колотилось сердце. Как расставаться после всего этого? Сказать: «Спасибо» и уйти? Куда?! Зачем?!

Уложив Эльвиру, она вышла в грохочущий тамбур. За окном несся лес — весь пуховый от мелких листьев. Уйдешь — как в воду канешь: и уже не выплыть. А если не расставаться? Петр Кондратьевич не простит... Такие как он, не разводятся. Ох, черт с ним, черт!

Лязгнула дверь.

— Вы здесь? Слава богу!

Он смотрел на нее котишкиными глазами. Линялая гимнастерка, короткие рукава...

— Не стой здесь — дует.

— Я без вас никуда не уйду.

Она подошла к нему и уткнулась холодным носом в плечо.

— Я без тебя тоже.

Два месяца они соблюдали конспирацию, встречались в метро, ехали куда-нибудь. Антонина не могла все бросить и сбежать: дочь положили в больницу.

От Петра Кондратьевича приходили письма, похожие на доклады, она отвечала в том же духе: «На даче покрыли крышу, купила двенадцать вилок».

О Рыжем она рассказала только брату Леше, моему деду. Он поклялся хранить тайну до гробовой доски. Но видел их не только Леша.

Случилось то, что должно было случиться. Рыжего арестовали. Петр Кондратьевич, явившись домой, ни словом не упрекнул жену — как будто ничего не знал. А за обедом в подробностях рассказывал о допросах врага народа: как и что с ним делали. Когда Антонина попыталась выбраться из окна, ее отправили в психлечебницу.

Мужа ее расстреляли в конце 1939 года.

После войны Леша, тогда уже кадровый офицер, получил письмо:

«Меня выпустили. В нашей квартире живет другой человек. Соседка дала мне твой адрес и сказала, что ты сейчас служишь в Ташкенте. Мне негде жить. Ты мог бы взять меня к себе? Хотя бы на время?

Твоя Тоня»

Леша готовился поступать в Академию Генштаба — от этого зависело его будущее. Сестра, десять лет проведшая в дурдоме, не вписывалась в это будущее.

Он ей не ответил.

I LOVE YOU

21 апреля 2007 г.

Пол сидит за компьютером и делает деньги — взгляд сосредоточен, в очках — синие отблески. У него там инвестиции в недвижимость Колорадо.

А я сижу на диване, пью чай и болтаю ногами. У меня тут любовь.

Как-то странно называть мое счастье словом из бесталанных песенок. У древних греков на каждый случай был свой термин: «агапэ» — любовь самоотверженная, «филия» — любовь-симпатия, «эрос» — любовь-страсть. Я их все перепробовала.

А как мне назвать мою теперешнюю любовь?

Не отрываясь от экрана, Пол гладит мою коленку. Он тоже счастлив.

Нам интересно вдвоем. Он мне:

— Деньги не имеют ничего общего ни с работой, ни с временем, на нее потраченным. Скажем, вклад в банке зарабатывает проценты сам по себе. Быть богатым — это видеть шансы и иметь смелость ими пользоваться.

Я киваю: в жизни все то же самое. Один придет к морю и ляжет загорать; второй придет и напишет картину; третий наловит рыбы и продаст ее на базаре. Каждый видит свои возможности.

Сколько женщин каждый день встречаются с Полом и не видят, что его можно любить! Есть даже те, кто его терпеть не может: у адвокатов всегда много врагов. А я смотрю на его пальцы, бегающие по клавиатуре, на клетчатые шорты с тесемками на пузе... У моей любви все-таки есть имя: «*Narcissus hybridus poeticus*» — «нарцисс гибридный поэтический». Мы с Полом однозначные эгоцентрики — самовлюбленные и тщеславные. Но мы уже настолько срослись друг с другом, что наш эгоизм распространяется сразу на двоих. В этом поэзия наших отношений.

ЖИВАЯ ВЕРА

23 апреля 2007 г.

Леля в больнице.

Я только сейчас заметила: все, что связано с медициной, имеет имена — как у мелких божков в римском пантеоне. Наверняка так и есть: у каждого диагноза и процедуры есть свой ответственный небожитель:

Катетер — бог промывания.

Пальпация — богиня ощупывания.

Аппендицит — зловредный дух, живущий в кишках. Сын Паталогии и Гастрита.

Последнее время постоянно думаю о человеческих богах. Леля говорит:

— Меня Бог спасет.

Она доверяет ему и имеет смелость не бояться. А я не могу. Потому что на совести христианского Бога всемирный потоп и разрушение Содома и Гоморры вместе с младенцами и инвалидами. В наше время подобные вещи называются террактами.

Если Бог — это любовь, то либо в Библии что-то напутали, либо в любви.

Конечно же я ни слова не говорю Леле: вера — это самое мощное лекарство, и я не имею права отбирать его. Мне надо разобраться для себя.

Недавно наткнулась на статью: верующие в два раза чаще атеистов называют себя счастливыми. Я тоже хочу верить! Хочу *знать*, что у меня за спиной стоит кто-то вечный, всемогущий, мудрый и добрый. Тот, кому можно доверять без оглядки.

Когда мне было 12 лет, я подошла к деревенскому батюшке:

— А Бог может предвидеть будущее?

— Да, конечно.

— Так зачем же Он создал Люцифера, если заранее знал, что тот станет дьяволом?

Батюшка меня выгнал: сказал, что мне место в пионерской организации, а не в церкви.

В уголовном праве, человек считается виновным, если он контролирует ситуацию, осознает, что он делает, и предвидит, что получится из его поступка. Бог создал этот мир вместе с атомной бомбой, камнями в Лелиных почках и моими сомнениями. Если бы он не хотел всего этого, он бы сделал Адама и Еву *другими*. Получается, что Бог либо желает нам зла, либо не ведает, что творит.

Вера способна лечить, создавать величайшие произведения искусства, стирать границы между народами и стирать народы между границами. Отказываться от Бога — лишать себя одной из главных движущих сил. Но как не отказаться, если религиозная логика — дыра на дыре?

Как всегда, пошла в интернет, поспрашивать людей: Как вы пришли к Богу? Откуда вы знаете, что священные книги не врут? Есть ли у вас доказательства существования Бога?

Оказалось, что доказательства никому не нужны. Вера — это мистический опыт. Человек просто *понимает*, что Бог есть, и жизнь без него немыслима, как без солнца.

Надо искать своего Бога... Он где-то здесь. Я чувствую, что всему этому должно быть разумное объяснение...

АВТОПИЛОТ

25 апреля 2007 г.

Зэк позвонил в шесть утра.

— Мардж, извини, что я тебя разбудил. Но мне очень нужна твоя помощь.

Я села на кровати.

— Что случилось?

— Я в полиции. Агнесса сейчас на гастролях, и ты — единственный человек, к которому я могу обратиться. Мне нужно, чтобы ты подтвердила мою личность. И еще привези, пожалуйста, мои документы и штаны: я их забыл у одного парня...

Не знаю, то ли смеяться, то ли плакать.

Вчера вечером Зэк пошел в гости к знакомому продюсеру, ужрался там в стельку и попросил у хозяина машину покататься. Хозяин (тоже пьяный) предложил обменять ключи от своего «Порше» на Зэковы джинсы. Без прав и штанов Зэк поехал в ночь. Долго кружил по Голливуду, надеясь найти то ли девочек для танцев, то ли мальчиков для драки. В конце концов, за ним погналась полиция.

Не выходя из астрала, Зэк поддал газу. Его зажали в тупике, вытащили из машины и уложили мордой на асфальт.

— Как зовут?

Зэк сдуру решил назваться чужим именем — первым пришедшим на ум:
— Джон Сейдж.

Полицейский передал ответ по рации и вдруг просветлел.

— Ну что, браток, вот мы тебя и поймали! Ты у нас по всем базам данных проходишь — три убийства и изнасилование!

В участок я ездила вместе с Полом. Когда все закончилось, и мы вышли на улицу, он не смог удержаться от смеха.

— Видал я идиотов, но чтоб таких...

В полиции нам сказали, что Зэка будут судить еще и за вандализм. На пассажирском сидении «Порша» обнаружили гипсовую скульптуру русалки. Зэк ее сбил, вылез из машины, смотрит — женщина на дороге валяется. Ну и решил подвезти.

Пол заявил, что постарается вытащить Зэка из этого дерьма, если он согласится на мирный развод. Зэк согласился.

По дороге домой мы зашли в магазинчик, торгующий всякими прибабасами для автомобилей. Я купила для Зэка наклейку на заднее стекло: «Не езд быстрее, чем может летать твой ангел-хранитель».

ИЗВЕСТИЯ

26 апреля 2007 г.

Залог назначили в пять тысяч долларов. Кто его заплатил? Разумеется, жена.

Я подъехала к кутузке, чтоб отвезти Зэка домой. Он вышел — улыбка через силу, глаза травмированные.

— Да я сам на этих козлов в суд подам! И русалку я не мучал! Это любой свидетель подтвердит.

Свидетелей нет. Задо есть гипсовая дама со следами насилия по всей фигуре.

Пол вовсю строчит нужные бумажки. Делает вид, что воспринимает случившееся профессионально — с сочувствием, но без лишних соплей. За последнее время он прочитал кучу книг об управлении стрессом и решил использовать Зэка в качестве тренажера — чтобы оттачивать великодушие и пофигизм.

ЗА РУЛЕМ

27 апреля 2007 г.

Я ждала, что Зэк раскается... Ну, хотя бы признает, что садиться в пьяном виде за руль — верх идиотизма. Ничего подобного!

— Ты сама на дороге не подарок!

Он ведет себя затравленным волчонком и уверен, что мы с Полом «радуемся» его несчастью. В его глазах мы — спекулянты, предложившие голодному суп в обмен на обручальное кольцо. С одной стороны — спасли, с другой — обокрали.

В моей водительской жизни тоже всякое бывало — тут с Зэком не поспоришь. Чего стоят первые месяцы за рулем! Тогда я даже дневник завела — хотела, чтобы мама узнала о моих последних днях:

- *Тормоз — эта большая кнопка для ноги. Газ — маленькая кнопка. Различать наощупь.*
- *Первый раз выехала на улицу. Временно никто не пострадал.*
- *Ненавижу: школьников, собак, кошек, велосипедистов, фонарные столбы, канализационные люки и старушек с палочками.*
- *Все еще никто не пострадал. Удивительно.*

- *Кошмарный сон — это не когда за тобой кто-то гонится, а когда ты за кем-то. И догоняешь...*

Моя первая машина представляла из себя гибрид между доисторическим «Понтиаком», «Фордом» и значком «Мерседеса» на капоте. Автором этого шедевра был падре Михаэль — страстный селекционер-любитель.

— Жалей ее: это не машина, это настоящий скакун, — сказал он, пряча деньги в карман сутаны.

Что падре имел в виду, я узнала на следующий день. Мой автомобиль действительно передвигалась по городу нервными скачками: проедет с десяток ярдов и замрет как будто в удивлении: «Эк меня проперло!» Потом рывок, дым, визг — и преодолен еще отрезок.

Я ехала на работу подобно африканскому послу: с гудками, длинным эскортом и толпами зевак.

— Магдж таки очень умная девочка, — говорили старики, восседающие на лавочке перед нашим домом. — На машине с такой скогостью ей никогда не убиться, а вот стгаховку ей дадут непгеменно.

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

29 апреля 2007 г.

День рождения Джоша и Пола мы решили отмечать в один день — на даче в Биг Беар.

С подарком Полу я разобралась довольно быстро: компьютерные игры — наши лучшие друзья. А вот чем порадовать племянника?

Все мои прежние подарки он продал в интернете.

— А вот и не все! — запротестовал Джош, когда я напомнила ему об этом. — Помнишь, когда я был маленький, ты подарила мне «Энциклопедию мифических существ»? Я ее даже читал!

Мне не верилось.

— И кто тебе больше всех понравился?

— Саламандра! Она не горит в огне и предохраняет хозяина от плотских желаний.

Для Джоша это актуально — он так и не нашел себе девушку.

За день до торжества мы с Мелиссой зашли в магазин и купили резиновую ящерицу.

— Ты уверена, что это саламандра? — спросила Мелисса.

Я пожала плечами.

— Думаешь, Джош поймет разницу? Учебник биологии он точно не читал.

Ящерица была очень похожа на настоящую и ради прикола мы решили подарить ее не просто так, а в красивом террариуме с домиком, прудиком и системой вентиляции.

— Это мне?! — ахнул Джош, глядя на резиновую саламандру на берегу пруда. — Какая красавица! А почему она не двигается?

— Она в зимней спячке, — сказала Мелисса. — Ты, главное, ее не трогай. Она ядовитая. Проснется через пару недель.

Джош был так счастлив, что нам стало неудобно.

— Давай потом сходим в зоомагазин и купим ему настоящую саламандру, — шепнула я Мелиссе. — Потом незаметно подсунем.

Джош по очереди подводил к террариуму всех гостей.

— Это очень редкое животное. Я про нее в одной мифической книжке читал.

Кевин приехал на день рождения Пола вместе с дочерью. Я видела Беллу два года назад и совсем ею не заинтересовалась. Не девица, а медуза — белая и полупрозрачная. Хотя, может, тогда я и не могла ее оценить — любое напоминание о Сьюзан, жене Кевина, давило мне на мозг.

На этот раз Белла меня изумила — порода! Мягкие движения, утонченный вкус... Кто бы мог подумать, что Кевин способен на такое произведение искусства?

Поначалу он на меня не смотрел — по инерции дулся. Мы сидели на террасе с разных концов дивана. Пол жарил барбекю и трепался с братом Эрни, приехавшим из Лас-Вегаса, Мелисса ушла выгуливать Ронского, гости разбрелись кто куда...

Через открытую дверь нам было видно, как Джош показывает Белле свой террариум:

— Смотри, это сальмонелла!

— Сальмонелла — это бактерия, — поправила я. — А у тебя саламандра.

Но мальчик не растерялся.

— Это ее так зовут.

Чтобы «взрослые» не мешали, Джош закрыл дверь на террасу.

Я покосилась на Кевина: он улыбался.

— Будешь? — спросил он, откупоривая коньяк .

Я протянула ему бокал. Под крышей тенькала «музыка ветра» — тонко и часто: как игрушечный набат.

— Как ты?

Кевин пожал плечами.

— Нормально... А вообще — устал. Выдохся.

— После фильма?

— Да нет, вообще. Мне тут Белла подарок сделала... — Кевин задрал рукав рубашки и показал браслет, сделанный в виде дракона и тигра, кусающих друг друга за хвосты. — Сама сделала.

Я вытаращила глаза.

— Твоя Белла?!

— Она выучилась на дизайнера ювелирных изделий. В прошлом месяце открыла фирменный магазин.

Браслет был действительно необыкновенным — я такого раньше не видела.

— Что он означает?

— Союз ян и инь. Древние китайцы верили, что дракон олицетворяет ян: активное начало, сознание и небесные силы. А тигр — инь: пассивное, подсознательное и земное. В их балансе — вся мудрость мира. Если хочешь,

понимай это как марксистскую диалектику — единство и борьбу противоположностей.

Я рассмеялась.

— А ты сам как понимаешь?

Кевин не ответил прямо. Вертел браслет, глядя, как солнце играет на золоте.

— Белла сказала, что дракон — это разумное управление судьбой; тигр — автопилот. Она думает, что в последнее время я живу жизнью тигра... А должен быть баланс. Вот так-то яйца курицу учат!

Я вытянула шею, чтобы через стеклянную дверь посмотреть на Беллу. Они с Джошем сидели на диване в глубине комнаты и над чем-то потешались.

— Ничего себе девушка выросла!

— Я иногда думаю, как хорошо, что нам со Сьюзан некогда было ее воспитывать, — сказал Кевин. — Иначе сделали бы из нее уродца, вроде нас самих.

— Вы с ней друзья?

— Нет. Мы только знакомые. Я всю жизнь забывал, в каком она классе. А она вчера подбежала, обняла: «Папочка, я тебя так люблю!»

Я смотрела на Кевина и чувствовала то же самое. Эх, дурачина-простофиля! Морду бы твою в кровь расцеловать!

Ночью то ли дремала, то ли бодрствовала.

Тысячи тысяч моих предков жили по принципу «инь»: не загадывай на будущее, ни на что особо не рассчитывай, действуй по велению сердца... Инь — река: куда вынесет, там и окажешься. Не так давно ехали с Лелей через Нью-Порт Бич — вдоль дороги стояли знаки: «Продается дом». Мы зашли ради интереса: три этажа, бассейн, семь миллионов долларов.

— Я смогу себе это позволить, — сказала я.

Леля посмотрела на меня как на безумную.

— Не говори «гоп» пока не перепрыгнешь.

— В Калифорнии десятки, если не сотни тысяч таких домов. И что, все их владельцы умнее или образованнее нас с тобою?

— Им по наследству деньги достались.

— А их предкам?

Леся не хотела считать себя достойной дома в 7 миллионов. Она начала перечислять мне сто внешних причин, почему ей никогда не купить его. Нужны связи, талант, удача...

Я не сдавалась:

— А может, дело в том, что однажды владельцы этих домов сказали: «Я смогу себе это позволить»? Вспомни Кевина: где он был, а кем стал. Вспомни нас с тобой — приехали в Штаты без копейки денег! Вся Америка создана с нуля! Просто кто-то ставит себе планку над головой, а кто-то — над облаками.

Я смотрела на спящего рядом Пола: он всегда придумывает сто внутренних причин, почему он *может* достать звезду с неба. Внешние препятствия его вообще не волнуют — горы на пути можно свернуть, обогнуть или перейти поверху. Хотя «инь» у него тоже есть — без нее жить нельзя, иначе сотрешь, как мелок о шкурку.

Я лежала с закрытыми глазами и думала, что «сон и явь» звучат как «инь и ян». Вдруг чувствую — пахнет паленой резиной. Накинув халат, спустилась на кухню.

Окна везде были открыты; у барной стойки сидел Джош.

— Чем воняет?

— Саламандра сгорела, — шмыгнул он носом. — Я хотел проверить, как она на огонь реагирует, стал кидать к ней спички, а она взяла и того... Не буду больше книжки читать — там одно вранье!

OOPS!

1 мая 2007 г.

Если скрестить доктора Айболита и Бармалея, то выйдет старший брат Пола, Эрни. Седой, благообразный, со старомодными усами и массой негодяйского обаяния.

Встретившись со мной в первый раз, Эрни долго тряс руки, кричал комплименты и предлагал устроить мою судьбу.

— Вы литагент! О, замечательно! Вы наверное страшно устаете на работе? Я помогу вам! Вы купите виллу в Пуэрто-Рико! Там такая красота! Океан, солнце, — и все дешевле грязи.

Пол взял меня под локоток и вывел из-под обстрела.

— Не слушай его. Он жулик, причем профессиональный.

В это было трудно поверить. Когда Эрни Вардлоу общается с людьми, он как будто окрашивает их весельем. Глаза начинали сиять, губы улыбаться; визитки перекочевывают из рук в руки.

— Пять жен, одна добропорядочней другой, — ворчал Пол, глядя на его маневры. — Детей никто не считал.

— Зачем же ты его пригласил к себе?

— Я?! Он сам приперся.

Официально Эрни приехал к брату, чтобы лично вручить подарок на день рождения — пятьсот долларов, которые он когда-то занимал. Ввалился в квартиру, расставил по столам чемоданы и начал командовать папой Жао. Через два дня Пол переселился ко мне.

Наглость — второе счастье, наивность — первое: Эрни — абсолютно счастливый человек.

— Ну как я его выгоню? — говорит Пол. — Он ведь маме позвонит, будет спрашивать «За что?!» А маме вредно расстраиваться. Через неделю сам уедет.

Джош вывалил на диван гору туристических каталогов.

— Это — Белиз! Преступность маленькая, экономический рост — ого-го, находится на Карибском море. Что думаете?

Мы с Полом переглянулись.

— Насчет чего?

Джош вздохнул.

— Теть, США давно прогнили. У нас двадцать процентов населения не имеют медицинской страховки. Нам нужна новая родина!

Я полистала каталоги. На каждом из них был напечатан портрет Эрни.

— Что он тебе пообещал?

— Смотри: ты мне даешь денег, Эрни все устраивает, а прибыль делим поровну.

Джош показал на картинки, обведенные красным фломастером.

— Для начала купим три особняка. Один мне, остальные сдадим. Арендаторы будут оплачивать нам ипотеку, да еще и сверху останется. Только сделку нужно провернуть быстро. Особняки на дороге не валяются.

Пол кусал губы, чтобы не засмеяться. Джош уловил его взгляд.

— Что?

— Для начала сходи на сайт Торговой палаты Лас-Вегаса и посмотри на рейтинг твоего агента.

— А что ему поставили?

— «F» — «кидала в особо крупных размерах».

— Это все завистники! Им завидно, что Эрни такой успешный бизнесмен, что он находит такие сделки, что...

Пол зашел по клавишам ноутбука.

— На, любуйся.

Это было исковое заявление. Из него следовало, что Эрни Вардлоу присвоил семнадцать миллионов чужих долларов.

Джош был потрясен.

— Как он это сделал?!

История с миллионами началась вскоре после Первой мировой войны. Разоренная Германия должна была выплачивать репарации победителям, но платежи были настолько чудовищными, что страна не могла с ними справиться.

Немецкое правительство выпустило облигации и под обещание баснословных процентов распространило их по США и Европе. Но пришедший к власти Гитлер аннулировал все внешние долги, и «золотые облигации» превратились в фантики.

После окончания Второй мировой вопрос об облигациях вновь всплыл на поверхность. Германия разделилась на два суверенных государства — ГДР и ФРГ, и ни та, ни другая страна не собиралась выплачивать долги Веймарской республики¹.

Тем временем проценты накапливались. К моменту воссоединения Германии на каждую облигацию стоимостью в штуку баксов приходилось чуть ли не 800 тысяч долларов процентов.

В начале 1990-х Эрни Вардлоу работал скромным клерком в Нью-Йорке. Денег едва хватало на маленькую квартирку под самой крышей, а тут еще сосед-пьяница повадился просить у него на опохмел. Однажды он принес Эрни кипу документов, похожих на почетные грамоты.

— Ты того... Возьми... Спасибо за вчерашнее.

Это были облигации Веймарской республики. Эрни снес их в банк, будучи уверен, что через пару минут очнется миллионером.

Нудный менеджер посмотрел на бумаги через лупу:

— Сходите на блошинный рынок. Может кто-нибудь и возьмет — по доллару за штуку.

Сокровище ничего не стоило. Эрни пережил кошмарную ночь, но потом понял, что *его* судьба не способна на такие подлости. В течение следующего года он работал как бешеный: создал инвестиционный фонд, объявил себя финансовым гением и приступил к агитации.

— Германия объединилась и теперь она обязана платить по старым долгам. В конце концов на ее территории — наши военные базы. Мы заставим их! Все, что нам надо, — это скупить у населения облигации по доллару за штуку.

Эрни удалось собрать на свою затею около 17 миллионов. Люди в здравом уме и трезвой памяти отдавали ему все свои накопления, стоило ему нарисовать красивую стрелу на графике, летящую вверх, в бесконечность.

¹ Веймарской республикой называли Германию в 1919-1933 года.

— Пол, не будь дураком, давай деньги! — шумел Эрни. — Завтра у тебя будет новый BMW! Причем, не машина, а завод! А еще все баварское пиво, все сосиски и Дрезденская картинная галерея впридачу!

Пол позвонил в Берлин, после чего сказал брату, что им надо серьезно поговорить.

— Твои бумаги действительно ничего не стоят.

— Как это? — возмутился Эрни. — Мы давали немцам займы, они на наши деньги построили фабрики... Потом на них же производили оружие против нас... А теперь они отказываются платить?!

Оказалось, что перед войной некие еврейские банкиры скупили «золотые облигации» и безвозмездно передали их Германии — в качестве доказательства лояльности Гитлеру. Банкиров все равно отправили в газенваген; облигации — в подвалы Рейхсбанка. А в 1945 году в Берлин вошли русские и все вывезли: куда — неизвестно.

— Немецкое правительство согласно погасить долги, — сказал Пол. — Но ты должен доказать, что ты перекупил их у правомочных владельцев, а не у русских, которые их похитили. В противном случае они будут считаться краденым имуществом.

Полчаса Эрни орал, что это произвол, и пусть эти сраные немцы сами докажут, что облигации краденые. Но потом успокоился и решил, что не все так плохо.

На счетах его компании лежали миллионы, которые он не успел потратить на скупку облигаций. Эрни взял в аренду роскошный особняк, гоночный автомобиль и дюжину прелестных женщин. Два года жил как падишах... а потом был суд.

Разъяренные инвесторы требовали крови Эрни, но его договоры были составлены так хитро, что все растраты списывались на представительские расходы. А что облигации не удалось реализовать — так то вина не Эрни, а правительства Германии.

Джош с уважением посмотрел на Пола.

— Ты бумаги составлял?

Тот неопределенно качнул головой.

— Не имеет значения. Я надеюсь, ты понял, что с Эрни можно связываться только ради криминального репортажа?

Джош уныло листал буклеты.

— Все-таки ты, Пол, нехороший человек. Тебе ничего не стоит убить чужую мечту... У меня ж душа пела!

Пол хмыкнул.

— И я даже знаю, какую песню.

Money, money, money

Must be funny

In the rich man's world¹

Остаток вечера Джош посвятил критике мира капитала вообще и торгашеской системы Америки в частности.

— Мне нужна другая страна! — заявил он и пошел ужинать в «Макдоналдс».

РОДИНА

3 мая 2007 г.

Когда я рассказала папе, что Джошу наскучила Америка, он ликовал как Александр Невский, заваливший псов-рыцарей.

— Скажи ему, чтоб приезжал к нам! Я его в Музей Красной Армии свожу! На рыбалку съездим, в баньке попаримся!

Джош почти не общается с дедушкой: раз в год по велению Лели напишет поздравительную открытку с «Я» как «R» и раз в полгода поговорит по телефону.

Я один раз наблюдала за процессом:

— Привет, дед... Это я... Нормально... Чем занимаюсь? Ну, на интернете торгую.

Джош отставил трубку на полфута и принялся смотреть вдаль.

— Ты чего? — шепотом спросила я.

¹ Песня группы ABBA: «Деньги, деньги, деньги, должно быть здорово жить в мире богатых».

— А, дед читает лекцию о честном труде.

Через пять минут Джош вновь прерывает к телефону:

— Ну на фиг мне базовое образование? Херня какая!

И снова отвел трубку.

Если бы не советская власть, из папы б вышел страстный проповедник. Он с таким жаром вовлекает всех в свою веру, что с ним неудобно спорить: начинаешь чувствовать себя предателем Родины в особо крупном размере.

Я понимаю, что папин патриотизм — это его стержень, но еще с подростковых времен у меня осталась бессердечная привычка спорить.

— Пап, да не поедет Джош никуда.

— Как это не поедет? Здесь его Родина! И он обязан ее любить.

Мы шумим целый час. Я спрашиваю папу, любит ли он Камчатку, на которой никогда не бывал, и отвалившиеся от СССР республики.

— Ведь так не бывает — до развала Союза «люблю», а после — «не люблю».

Патриотизм не возникает по отмашке политиков, верно?

— Ты... — От возмущения папа не сразу находит слова. — Все у вас меряется хитрожопостью! Родина — это не территория!

— А что? Граждане? Убей меня, я не могу любить вашего соседа из пятой квартиры — он придурок. В России почти 900 тысяч уголовников и все — граждане. Хочешь сказать, что ты их любишь из чувства патриотизма?

— Ты, милая моя, провокатор!

— Нет, папа, я реалист. Мой бой-френд — наполовину англичанин, наполовину русский, мои друзья — американцы, китайцы, израильтяне, марокканцы, да кто угодно! Вот их я люблю. А любовь из чувства долга, это все равно что вражда из любопытства.

Маме надоедает слушать, как отец со мной перепирается, и она поднимает параллельную трубку.

— Родина — это культура!

— Мам, культура — понятие интернациональное. Великие произведения — они для всех доступны.

— Ну тогда хватит спорить: отцу ужинать пора. У него борщ остывает.

Мы расстаемся, каждый при своем. Адреналин бурлит, брови хмурятся. Мы с папой оба — за шесть тысяч миль друг от друга — думаем об одном.

Подсознательно чувствуешь, что Родина — это что-то важное, но что именно — объяснить не можешь. Не земля, не государство, не граждане, не культура...

Папа первый не выдерживает и перезванивает мне.

— Родина — это образ жизни! — кричит он в трубку. — Ты нас с матерью хоть на Северный полюс забрось — и там у нас будет Россия!

Я соглашаюсь. Да — образ жизни и ценности. У кого они схожи, те — твой народ.

Потом прихожу в ужас: мы с папой принадлежим к разным народам.

Помру — завещаю себя друзьям-генетикам. Пусть удивляются.

COSMOPOLITAN

4 мая 2007 г.

А кто мой народ?

Как раньше все было просто! Возводили крепостную стену: кто внутри — те свои; кто снаружи — те враги. За царей бились не потому, что нравилось их правление, а чтоб чужие на наш трон не лезли.

Но как быть, если в мире интернета уже не существует границ? Глобальная экономика, миграция и дешевая связь сжали Землю до размеров эдемского яблока. Бог разрешил есть с дерева познания всем, кому не лень.

Мой народ — кочевник. Живет там, где нравится. Верит фактам, ищет истину. Имя ему — Номо Legens, человек читающий.

Сила духа — наша национальная черта. Обстоятельства могут нас согнуть, но не сломать. Раз согнувшись, мы всегда распрямляем спину.

Мы не воюем со злом — мы делаем добро, вытесняя зло массой. Война — это зло само по себе, потому что оставляет после себя развалины и горечь поражений.

Мы не пытаемся изменить мир к лучшему — мы меняем себя. И в этом наша суть.

СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ

6 мая 2007 г.

Я чуть не упала, когда Агнесса объявила мне, что ей нужен жених.

— Какой-нибудь завалищий, но только чтоб с паспортом.

Новое руководство театра не продлило ей рабочую визу.

— А, может, тебе в другое место устроиться? — предложила я.

Агнесса только вздохнула.

— Да кому надо лишний раз связываться со службой иммиграции? Я ж не примадонна.

В квартирном комплексе, где живет Агнесса, половина обитателей — иммигранты. По вечерам, когда спадает жара, они собираются вокруг бассейна и обсуждают способы получения грин-карты.

Легенды кочуют из уст в уста:

— Если жениться фиктивно, то лучше искать невесту среди актрис. Им деньги нужны на голливудскую улыбку.

— На Сансет-бульваре есть один мужик — бывший зубной техник. Он из витаминки вытаскивает противозачаточные таблетки. Один в один как настоящие! Находим себе американского бой-френда, при нем пьем таблеточку и... залетаем! А там его уж можно к стенке припереть: женись, паразит!

От таких разговоров Агнессе дурно делается.

— Давай лучше тебе нормального мужика найдем? — предложила я.

Агнесса посмотрела на меня как на блаженную.

— Да где я его найду? Твой Пол — единственный нормальный мужик из всех, кого я знаю. Да и он наверняка что-нибудь скрывает.

На самом деле мест, где водятся качественные мужчины, полным-полно. Самое лучшее — Лос-Анджелеский аэропорт. Это удивительно, сколько интересных дяденек летает самолетами.

Идет, скажем, джентельмен. В глазах — легкая усталость и понимание жизни. Следишь за ним: один, никто не встречает, вещей мало — значит, командировочный. Кольцо есть? Нет? Можно знакомиться.

— Мистер Смит?

— Э-э... Вы ошиблись.

— Ой, извините... (кокотливый взгляд из-под ресниц). А я бы многое дала, чтобы вы были мистером Смитом. Мы бы тогда познакомились...

Разве ж он откажется?

Еще отличное место для знакомств — Лас-Вегас. Там по дорогим казино пасется очень любопытная публика. Следишь за игрой, громко болеешь за «клиента», а по результатам либо восхищаешься, либо сочувствуешь.

Ну и открытие художественных выставок. К нашим услугам весь спектр женихов — от благородной профессуры до газетчиков. Может, и министр холостой попадется — откуда-нибудь из Японии.

В музеях знакомиться еще проще, чем в казино: спрашиваешь «клиента», нравится ли ему картина и тыкаешь наугад в любое полотно.

Агнессе ничего из предложенного не подошло.

— Да не получится у меня! Мужикам не нравятся умные и независимые женщины.

— Мужикам не нравятся угрюмые, — отозвалась я. — Привлекательность — это расправленные плечи и хороший вкус.

В конце концов я уговорила ее дать объявление на сайте знакомств.

Весь вечер мы корпели над текстом. Я, как опытная обольстительница на пенсии, советовала:

— Не пиши про ум и профессию. Поначалу мужиков интересует только приличная фотография...

— Идиоты... — заранее ужасалась Агнесса.

— Самцы других видов еще хуже. Их интересует, как пахнет дамская попа.

Агнесса долго изучала объявления «конкурирующих фирм».

— Слушай, если закрыть фотографии, то вообще непонятно, кого они рекламируют: себя или какой-нибудь вездеход: цвет, возраст, длина. Они бы еще графу «грузоподъемность» приписали.

Подумав с минуту, Агнесса застучала по клавишам:

«Требуется красавец, умница и душа компании. Желательно в одном лице (но по отдельности тоже сойдет)». А в графу «О себе» добавила: «Я маленькая, твердая и теоретически могу быть многогранной. Если меня найти и отшлифовать — буду стоить целое состояние». Подпись «С»¹.

— Не представляю, как я пойду на свидание с чужим мужиком, — сказала Агнесса, отправив анкету. — Он как взглянет на меня, так и поймет, что мне только грин-карта нужна. У меня все на лице написано.

Пи-Пи принесла свои фламастеры.

— Мам, я могу тебе лицо закрасить — ничего видно не будет.

Я спросила Агнессу, как поживает Зэк.

— Нормально, — отозвалась она. — Говорит, что все бабы — дуры, а все адвокаты — сволочи.

И это после всего, что мы с Полом для него сделали.

КРОКОДИЛ

8 мая 2007 г.

Я сидела у Пола в приемной и ждала, когда он закончит с клиентом. Мне хотелось гулять. Эрни наконец-то уехал домой, и это был отличный повод для похода в ресторан и прогулки под луной.

За перегородкой, у секретарского стола, раздавался треск клавиш и воркование Бешеной Козявки Картера:

¹ С — химическая формула алмаза.

— Эммануэль, я ведь к тебе не пристаю... Я только из любопытства спрашиваю: какая часть мужского тела тебе больше всего нравится?

— Крепкое мужское плечо. Отойдите, вы мне свет загораживаете.

Но Картер не унимался. Рабочий день закончился; дома его никто не ждал, кроме кактуса в горшке...

— Эммануэль, ну что ты такая суровая? Я ведь твой начальник и могу принять меры. Как ты, например, относишься к шантажу?

Треск клавиш стих.

— Положительно. Вот, например, отец Дэниэл в прошлое воскресенье очень хорошо нас всех пошантажировал: «Не прилепляйте жвачки под сидения церковных скамеек! А те, кто прилепит, не будут допущены к причастию».

Забыв про работу, Эммануэль начала пересказывать Картеру содержание воскресной проповеди. Он слушал, не перебивая. В стеклянном шкафу отражалось его страдающее лицо.

Картер смешной. Он ведет себя злодеем потому, что искренне верит в лозунг: «Боятся, значит, уважают». Жена от него сбежала, отсудив половину имущества, друзей нет, если не считать сердобольного Пола. Зато есть большая зарплата, которую Картер тратит на супер-современные видеоигры, созданные под заказ. В них его все любят и уважают; боевая подруга выглядит как Эммануэль, а главный враг — как бывшая жена, которую он с удовольствием расстреливает из гранатомета.

Мы с ним как-то поспорили. Он был в своем репертуаре:

— Знаешь, Мардж, почему ты ничего не добила от жизни? У тебя есть голова на плечах, но нет силы. Ты слабая.

— А в чем сила, брат?

— Вот смотри: я откровенно сказал, что про тебя думаю, а тебе слабо сделать то же самое. Ты постоянно будешь защищаться, а я нападать. И так во всем — мне просто больше позволено.

— И ты от этого счастлив?

Так и не ответил. Хотя что ему отвечать? Если ты добр и справедлив, ты можешь надеяться, что люди будут платить тебе тем же. Твое будущее прекрасно, и ты ждешь его с нетерпением. А если ты гад, тебе ничего не светит, кроме подлостей в ответ.

Каждый сам выбирает, жить в предвкушении счастья или беды.

Оказалось, что у Пола сидел Зэк. После того, как я внесла за него залог, мы не виделись. Мне не хотелось вспоминать о муженьке: красота, которую нельзя присвоить, раздражает.

Я думала, Зэк смутится, увидев меня. Ничего подобного! Полез обниматься.

— Слушай, давай устроим из развода что-нибудь грандиозное! Позовем гостей, пусть они нам подарки принесут... Друг другу тоже чего-нибудь подарим.

Пол попытался мне что-то сказать, но Зэк оттер его спиной.

— Тебе, Мардж, что хочется получить от меня на развод?

— Пульт дистанционного управления, — хмыкнула я. — Чтобы держать тебя в узде, но где-нибудь подальше.

— Давай еще две штуки закажем: для Пола и для твоего следующего мужа.

Ты все равно на достигнутом не остановишься.

Высунувшись из-за перегородки, Эммануэль и Картер внимательно следили за происходящим.

Зэк крепко пожал руку Полу.

— До свидания, мистер Вардлоу! Мардж, дорогая, я тебе позвоню.

Маленькая месть — сладчайшее из удовольствий. Полутона, намеки — ничего противозаконного.

Я позвала Пола гулять, но он не пошел.

— Извини, работы много.

Зэк проехался по его самолюбию как на танке. С огнем играет, засранец. Для Пола дело чести — вести себя профессионально с клиентами. Раз обещал вытащить Зэка из беды, значит, сделает. Но он ведь может и обидеться. А если Пол обидится, Зэк сядет.

Картер вышел вместе с Полом, и мы с Эммануэль остались одни.

— Как ты отшиваешь мужиков, которых не хочешь? — спросила я.

Красавица тонко улыбнулась:

— Я им говорю, что у меня на спине следы от банок, во рту — кариес, а на губе — начинающаяся «простуда».

— Ну и как, помогает?

— От Картера нет. Он мне про свой кариес рассказывает.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

9 мая 2007 г.

День Победы. Здесь, в Штатах, его, разумеется, не празднуют. К 9 мая 1945 года еще не отгремела битва за Тихий океан. Еще были живы те, кто погиб при штурме Окинавы, во время операций в Брунее и Японии... Но все равно как-то хочется торжественной скорби.

Это был мой любимый праздник. Помню — парады, тюльпаны, черно-белые фильмы по телевизору... Мне как-то довелось стоять в почетном карауле у памятника. В полированном граните блестело мое отражение, и на своем лице я читала имена погибших.

Бабушка рассказывала мне о родных, сгинувших на войне. Сидела, глядя в окно невидящими глазами, и перечисляла:

— Дядю Ваню убили под Сталинградом; Мишин истребитель был сбит; Надю взяли в плен и расстреляли...

Все эти люди приходились мне родственниками, но я ничего о них не знала: они остались только в бабушкиной памяти. Канули — как камешки в воду: без следа и без возврата.

От таких мыслей хотелось плакать и мстить.

Много лет спустя, я поняла, что в детстве мой мир был таким же черно-белым, как военная кинохроника. Я перечитала горы мемуаров русских, немцев, американцев... Из черно-белого мое кино становилось кроваво-красным.

Агнесса рассказывала, что ее бабушку угнали на принудительные работы... русские. Семнадцатилетнюю девочку арестовали на рынке, во время облавы, и в числе десятков тысяч других «фашисток» отправили валить лес в тайгу.

Рабство... На тысячу человек — 6 корыт, 15 расчесок и одна баня вместимостью «25 чел. в час». За год каторги треть «контингента» перемерло. И это сделали наши — в порядке мести за разрушенное народное хозяйство. Мстили не виновным, а тем, кто под руку попадется.

У американцев — Хиросима и Нагасаки, у немцев — Бухенвальд и Бабий Яр, у итальянцев — Эфиопия... Не было правых и виноватых в этой войне. Не было Света и Тьмы. Было общее, всемирное помрачение рассудка. Убийство людей провозглашалось подвигом — и чем больше, тем лучше. Жалость к пленному расценивалось как пособничество врагу. Отказ стрелять — как дезертирство.

Человеконенавистничество — вот что привело к той войне. Ни Гитлер, ни Сталин, ни Рузвельт, ни Муссолини не нажимали курки и не ставили мины. Их народы сами соглашались быть убийцами: и все — ради жизни на земле, ради счастья своих детей.

Я знаю, я утопист — наивная и нелепая со своей жаждой мира во всем мире. Ведь выбор был простой: либо ты убьешь, либо тебя.

Но я все равно праздную 9 мая по-своему. Для меня это день памяти тем, кто в убийственное время делился куском хлеба. Кто спасал приговоренных, кто не сломался после всего, что видел, и научил свое потомство жить без войны. Мы, кажется, умеем. Во всяком случае, большинство из нас.

У американского поэта Карла Сэндберга есть замечательная фраза: «Когда-нибудь объявят войну, и никто не придет». Вот на это много мужества надо.

ВОИН

11 мая 2007 г.

Будучи резервистом морской пехоты, Джош обязан ежемесячно ездить на сборы — поддерживать боеготовность страны. Обрядиться в форму, пережить построение, послушать речь офицера о воинской чести и опозданиях. Затем резервистам подбирают занятие: мыть хаммеры или убирать территорию.

Джош отчаянно ненавидит сборы. Когда он записывался в морскую пехоту, он мечтал о боевой славе, а не о граблях и мочалках. Но у государства свои взгляды на солдатский долг.

К тому же до недавнего времени Джошу приходилось общаться на сборах с Вованом, еще одним русским резервистом. Добрый сержант всегда ставил земляков на одни работы. В результате Джош вкалывал за двоих, а Вован сидел в теньке и обмахивался панамкой.

— Подкопски, в рыло получишь, — говорил он на все попытки Джоша заговорить о Конституции и правах.

Вован был здоровый как бульдозер.

Взводу Джоша досталась старая амуниция, уже прошедшая огонь, воду и придирки начальства. Резервисты обязаны были хранить ее дома и самостоятельно приводить в порядок, но сколько Леля не пыталась гладить сыновьи штаны и начищать пряжки, бравого вояки из ребенка не получалось.

Особенно Джоша бесил противогаз: носить резиновую маску, в которой неоднократно бывала чужая рожа, — это все равно что целоваться с незнакомым мужиком.

После очередной пробежки в условиях «химической атаки» Джош решил, что с него хватит. Прехав домой, он выкинул противогаз в мусорку, а потом подумал и вытащил обратно. Эта хреновина наверняка стоила денег и ее можно было продать на интернет-аукционе. Предчувствие его не обмануло: товар ушел довольно быстро — и с приятной прибылью.

На очередном построении сержант подскочил к Джошу:

— Где противогаз?

— Потерял, — вздохнул тот. И рассказал трагическую историю о машине, в которую залезли воры.

— Это наверное были грабители банков, — сказал Джош. — Противогаз — незаменимая штука для ограбления: ни одна сволочь не узнает.

— Пойди на склад и возьми другой, — велел сержант.

Вскоре Джош захотел сменить портупею. На этот раз он сразу пошел к кладовщику.

— Потерял. Новая нужна.

Ни слова не говоря, тот выписал все, что надо.

Слух об успехах Джоша пополз по военной базе. Обнаружив, что Родине для них ничего не жалко, резервисты за пару дней растеряли половину казенного имущества.

— Урою! — вопил сержант. — Вы что, в боях побывали? Десять человек пришли на построение без ремней!

— Это Подкопски первый начал, — сказал Вован.

Решив убить сразу двух зайцев, сержант отправил и зачинщика, и доносчика на туалетные работы.

— Вы думаете, вам придется драить сортир зубными щетками? — спросил он недобро. — Гы!

И принес палочки для ковыряния в ушах.

— Чтоб к концу дня нужник блестел!

Джош чистил унитаз и думал о мести. Вован сидел у окошка и грыз фисташки.

— Подкопски, тут какая-то гадость к подоконнику прилипла. Убери, будь другом.

— Я ведь тебя действительно убегу, — бурчал под нос Джош. — Ты у меня дождешься.

Случай представился через пару месяцев.

— Сержант, выделите мне двух бойцов для работы в офисе, — приказал капитан.

— Подкопски и Сумкин!

Вован с нежностью посмотрел на Джоша.

— Ты крепостное право в школе изучал? Сначала жнетса барская полоса, а потом холопская. Так что по-быстрому работай: а то мое успеешь сделать, а свое —нет.

Капитан выдал каждому из них по пачке бумаги.

— Каждый год мы делаем рапорты, в которых оцениваются личные и профессиональные качества младшего командного состава. Я все уже написал, вам нужно только занести данные в компьютер, распечатать, дать мне на подпись и отослать в канцелярию. Копию каждого рапорта отправите тому, на кого он заведен. Только будьте очень внимательны — от этих бумаг зависит повышение в звании.

Стоило капитану выйти, как Вован пододвинул свою стопку к Джошу.

— Приступай!

После утреннего построения всех отправили на стрельбище.

— Сумкин, а ты останешься со мной, — сказал сержант.

Во время обеда Вован не появился; не было его и на уборке досок.

Когда всех распустили по домам, Джош специально прошел мимо плаца.

Вован бегал по периметру, а рядом в открытом джипе катался сержант и подбадривал его красноречивыми жестами.

— Клянусь, это не я! — прохрипел Вован, валясь на землю.

Сержант притормозил.

— Какой ты, все-таки гад, Сумкин. Стучишь, пытаешься свалить вину на других... Я б тебя гнал из морской пехоты поганой метлой!

Джош не стал дослушивать и прибавил шагу.

Перепечатаывая рапорт на сержанта, он написал, что за тем наблюдаются некоторые странности: сержант подолгу беседует с портретом президента в конференц-зале и жалуется ему на простатит. А на учениях надевает поверх каски ободок с ушами Микки-Мауса. Он говорит, что уши нужны для перехвата секретных мыслей противника.

Капитан подписал рапорт, не глядя, и Вован с чистой совестью взял результаты «своей» работы, отправил их в штаб, а копии раздал адресатам.

СЛОВО И ДЕЛО

12 мая 2007 г.

Из Лели вышел камень в форме сердечка. Врач посоветовал положить его в кошелек:

— Это будет ваш Камень Благодарностей. Каждый раз, когда вы наткнетесь на него, говорите «спасибо» за что-нибудь хорошее. Ваша задача — почувствовать себя счастливой: это настроит вас на выздоровление.

Леля всерьез занялась добычей счастья.

— Счастье — это выработка определенных гормонов, — говорит она. — Их вызывают, как шаманы — духов. Можно обкуриться травы; можно поселить счастье в идолу и приносить ему жертвы, а можно ощущать его в себе.

Продавцов она благодарит за внимание, полицейских — за службу, а машину — за удачную поездку.

На прошлой неделе Леля завела «Трудовую книжку судьбы», в которую записывает все ее достижения:

«Когда я забеременела, я хотела сделать аборт. Пришла в женскую консультацию, а там на приеме — Гришка Лопатин, мой сосед по подъезду. Как я могла перед ним раздеться? В результате у меня родился чудесный сын. Господи, спасибо тебе за это!»

Досталось и нашим предкам:

«В 1943 году дедушка в одиночку конвоировал десяток пленных немецких медсестер. На привале они сняли с себя лифчики, и дед настолько растерялся, что они его разоружили. За это дедушку отправили под трибунал. Поезд, на который он не попал из-за суда, разбомбили. Спасибо, Господи, что сохранил деду жизнь».

Я прочитала весь список благодарностей.

— А про любовь что не написала?

Леся только поморщилась.

— Да какая у нас с Колькой любовь? Он мне знаешь, когда последний раз цветы дарил? Пять лет назад. И то хвастался, что купил на распродаже.

Коля такой. Помню, он еще в России говорил, что глупо нести два цветка покойникам, а три — живым. Неэкономно получается: к живым-то мы намного чаще приходим.

Сегодня Леся позвонила:

— Я придумала, за что благодарить Колю. Он правильно делает, что не таскает мне букеты. Цветы — это половые органы растений: спасибо, что он мне их не дарит.

ОЧНАЯ СТАВКА

14 мая 2007 г.

— Я тебе клиентку нашел! — сказал Эрни. — Она гений! Только, чур, десять процентов с гонорара — мои.

Поначалу я решила, что у него очередной приступ самоблаготворительности. Но оказалось, что его протеже — весьма солидная дама.

Имя у нее необычное — Орла. Пять опубликованных романов, своя колонка в журнале. Кроме того, Орла руководит довольно крупным писательским форумом.

— Она завтра приедет в Лос-Анджелес по делам, так что можешь пригласить ее на обед. — сказал Эрни. — Орла как раз ищет себе нового литагента.

Бело-розовое лицо, траурная юбка до земли. На груди — крест как у архиерея.

На скатерти перед Орлой возвышалась гора книжек с игривыми названиями.

Я не знала, что думать о ней. Явно не моего поля ягода. Стильная, гордая, очень уверенная в себе.

— Не принимайте решения сразу, — произнесла она. — Зайдите на Amazon, посмотрите отзывы на мои книги.

Я прочитала аннотацию на обложке — как всегда, дурацкая, мало о чем говорящая.

— Права на какую книгу вы хотите продать?

— На «Кузницу ведьм». Это мистический детектив.

— А почему вы решили обратиться ко мне?

— Заинтересовалась.

Поначалу был какой-то ледок. Она держалась как леди. А я, как всегда, развела панибратство. Обе старались произвести впечатление.

И тем не менее срослось. Орла улыбалась моим словам. Напав на благодарного слушателя, я распустила хвост. Вывалила все: про свое агентство, про Пола, про то, что мы задумались о ребенке.

— Правда, мы еще не решили, кого хотеть: мальчика или девочку. Мальчики, когда вырастут, должны обручальные кольца с бриллиантами покупать, а девочки — платить за свадьбу. Надо посчитать, что дешевле.

Расстались довольные друг другом. Орла дала мне распечатку своей рукописи. Я прикинула, кто из издателей занимается ее жанром; вспомнила, что Кевин любит всякую чертовщину. Может, посоветует кого из продюсеров...

Вечером:

Орла писать вообще не умеет! Корявый слог, третьесортные тайны... Я проверила по интернету: у нее действительно есть поклонники — из тех, что путают Драйзера с Дизелем и Тамерлана с Талейраном. Возможно, Орла даже зарабатывает какие-то бабки на них.

У меня не бывает сомнений — братья за рукопись или нет. Книги делают из деревьев: если мне дороже дерево, я отказываю. Живые сосны нельзя изводить на дубовые мысли.

Написала два имейла: один Орле с отказом, другой Эрни с наказом: «Не знакомь меня больше ни с кем!».

ПРОБЛЕМЫ РЕПРОДУКЦИИ

15 мая 2007 г.

От Орлы пришел ответ:

Дорогая Мардж!

Неужели вы действительно подумали, что мне нужны ваши услуги? Слава Богу, у меня прекрасное издательство и отличный агент. Мне просто хотелось посмотреть на вас вживую.

А насчет Пола не обольщайтесь: никаких детей у вас не будет.

Всего наилучшего.

Орла

Я набрала Эрни.

— Ты кого мне подсунул?! Ты где вообще эту бабу взял?!

— Да это не я... Это Пол. Это он на ней женился.

Я до сих пор не могу прийти в себя. Почему Пол не сказал мне, что у него была жена?

Они давно разошлись, но Орла до сих пор поддерживает отношения с Эрни. Он-то и разболтал ей про меня.

— Я думал, ей действительно литагент нужен, — оправдывался Эрни. — Откуда мне было знать, что вы, женщины, такие дуры?

Я вспомнила нашу встречу. Орла смотрела на меня, почти не мигая: глаза чуть прищурины, на губах — полуулыбка. Я восприняла это как интерес к моей персоне. Оказалось, это была гадливость.

— Жаль, что вы друг другу не понравились, — вздохнул Эрни. — Она сказала, что ты хабалка. А еще что...

Я его перебила:

— Почему Орла написала, что у нас с Полом не может быть детей?

— А ты что, не знаешь?! У него же был рак третьей степени. После химиотерапии детей не бывает.

Дети — это не наше будущее. До последнего момента я надеялась, что это шутка. Рассказала Полу, что произошло. Глядела ему в лицо, надеясь, что он усмехнется: «Бред какой-то!» Он не смеялся.

— Извини. Мне хотелось верить, что этого никогда не было.

Мы до ночи сидели на диване и делали вид, что смотрим телевизор. Болезнь Ходжкинса — рак лимфатических узлов. Я думала, что шрамы на теле Пола — это свидетельства бурной молодости. Оказалось — хирургических операций.

Это случилось три года назад. Врач сказал, что если рецидива не будет в течении пяти лет, то он полностью вылечился.

— А каковы шансы, что все вернется?

— Пятьдесят на пятьдесят.

Я лежала на плече своего мужчины. Ощущала его тепло, его *жизнь*. Невозможно представить, что с нами может что-нибудь случиться.

На меня уже накатывал подобный страх, когда Леля сказала про донорскую почку. Впрочем, нет... ерунду пишу... Без почки можно жить. А как жить без... Ох, я даже подумать об этом не в состоянии!

Пол и я — удивительно самодовольные существа. Мы купались в счастье, как поросята в луже, и считали, что человеческие беды нас не касаются. Мы же умные, любимые, удачливые... Никто не предупреждал нас, что за все нужно платить.

— Мы можем кого-нибудь усыновить, — предложила я Полу. — Хочешь?

Он не отрывал взгляда от спасительного футбола.

— У меня есть замороженная сперма. Врач посоветовал сохранить одну порцию до того, как я пройду курс химиотерапии. Так что еще не все потеряно.

Я плакала, а он меня утешал. «Не все потеряно» — как это потрясающе звучит!

— Давай, Эрни морду набьем? — всхлипнула я.

Пол сразу же согласился.

— Давай!

Раз уж этот дневник будут люди читать,
Можно мне попросить об услуге?
Пол мне нужен, чтоб было кого обожать, —
Помолитесь о нем на досуге.

(я написала еще пять четверостиший — но это не для публикации, иначе меня привлекут за оскорбление верующих всех конфессий).

ОТДОХНИ!

16 мая 2007 г.

Вчера я так страдала, что забыла подумать о том, каково Полу. Он пришел домой, а к нему на шею кинулась зареванная тетка: «О-о-о! Ты ведь можешь умереть! На кого ты меня покидаешь?!»

Кто тут у нас больной — причем на всю голову?

У Пола еще находятся силы подбадривать меня: «Эй, у меня же все хорошо! Чего беспокоиться зря?» Я киваю, улыбаюсь. И в то же время примечаю «знаки». В биржевых новостях: «Обвал может произойти в любую минуту», на рекламном щите: «Страхование жизни — задумайтесь о будущем сейчас»...

На окне муха: долбится башкой в стекло и не знает, что ее судьба в руках одной женщины. Женщине тоскливо, и она вполне может прихлопнуть муху — просто так, без причины. Шансы 50 на 50.

Открыла окно, выпустила. Я пытаюсь задобрить Господа (или не знаю, кого): «Будь милосерден к нам! Пожалуйста... пожалуйста...»

Вечером:

Пытаюсь успокоиться. У японцев есть изумительная традиция — поиск красоты в обычных вещах.

Момидзигари — любование осенними листьями клена.

Юкими — восхищение тихими снегами.

Цукими — созерцание луны.

Дзен-буддизм... Для того, чтобы достичь нирваны, не стоит умирать. Рай уже существует в моей душе и в окружающем мире. Нужно только заметить его.

У светофоров в ночи — удивительно красивый алый цвет. Капли на лобовом стекле — как звезды; на испорченном CD горит радуга.

Мне почти хорошо.

ЦЕЛЕБНИК

17 мая 2007 г.

Пол не хотел ничего рассказывать об Орле, но я все-таки выведала у него подробности.

Богатая наследница, образование — Стэнфорд, родители в разводе. Они дали ей все, что можно купить за деньги, и ничего — что нельзя.

По окончании университета Орла не могла устроиться на работу — любая зарплата казалась ей насмешкой. Она металась от фотографии к журналистике, от кино к дизайну. Ее с детства учили, что она звезда, только чего — разобрать было сложно.

Орла решила, что она писатель, Поначалу ей везде отказывали, но она в конце концов нашла себе и издательство, и нишу на рынке. Вскоре подтянулись и поклонники — немногочисленные, но верные.

Лично я не могу понять, как можно читать плохие романы, когда есть хорошие. А вот так... Книги — это пища для ума. Кто-то согласен лишь на гурманские блюда, а кому-то достаточно каши из топора.

Орле нелегко живется на свете. На ее сайт постоянно заглядывают правдолюбыв, желающей раскрыть ей глаза: они говорят, что она не умеет писать. Орла считает, что это происки завистников.

— Как ты мог жить с такой дурой? — спросила я Пола.

Он покачал головой.

— Орла не дура. Она просто загадала себе неправильное желание: «хочу быть публикующимся автором». Вот оно у нее и сбылось. А если бы она впряглась в другой воз — «хочу стать мастером», результат был бы совсем иным.

Я почитала ее блог. Ранимая, страстная во всем, за что ни примется: если уж писать книги — то до упаду, если страдать — то до смерти. Чтобы нашли, откачали и поняли: еще чуть-чуть и цветок мог погибнуть.

Ведет массу «социальных» проектов: учит новичков, председательствует на конкурсах. Я поражаюсь ее энергии. Хотя все закономерно: кто умеет — делает, кто не умеет — учит.

Орла не могла простить Полу измену. У их развода могло быть три объяснения:

- ее муж идиот и не понял своего счастья,
- она сама идиотка,
- во всем виноваты враги.

Первые два варианта не подходили по определению. Поэтому она захотела посмотреть на меня.

— Где вы познакомились? — спросила я Пола.

— На форуме для раковых больных.

Рак застал Пола врасплох. Он сроду ничем не болел серьезнее гриппа и привык рассчитывать на свой организм как на верного товарища. А тут такое предательство.

Ему сделали биопсию и показали фотографию опухоли: розовая, нежная, она напоминала безглазого кальмара.

Потом началась химиотерапия. Глядеться в зеркало было страшно — лысый череп, под глазами круги, в глазах — пустота. Жизнь вытекала не только из тела, но и из окружающего мира: друзья перестали дружить и начали сочувствовать.

Вытащил его Папа Жао. Он давал Полу лечебный суп собственного приготовления и рассказывал древние притчи:

Царь Обезьян превратил бамбуковую палку в столб высотой в десять тысяч ли и забрался на небо, где обитали бессмертные.

— В чем ваш секрет? — спросил он.

— Когда ты научишься превращать свинец в золото, невежество в знание, а беду в счастье, тогда ты сможешь жить среди бессмертных.

Врачи говорили Полу, что причина болезни — стресс и плохая экология. Папа Жао видел все по-иному:

— Сознание — это ян, правительство; подсознание — это инь, народ. Тело — это страна. Если «правительство» не будет следить за «народом», он построит не то, что нужно, истощит свои силы и погубит «страну». Нужно разговаривать с «народом» — медитировать, давать ему руководящие указания. Дело ян — командовать, дело инь — подчиняться. Не таблетками едиными сыт человек.

Пол начинал с ним спорить. Говорил Папе Жао, что он свалил все в кучу — деревенский даосизм и рекламу из телевизора. И только во время этих споров у Пола загорались глаза.

— По-твоему, рак лечится медитацией? — подначивал он Папу Жао.

Тот не отвечал прямо.

— Тот, кто сможет превратить свинец в золото, получит бессмертие.

Ночами, лежа в постели, Пол представлял себя изнутри: лимфатические узлы, мозг, который начал давать клеткам смертельные команды: плодитесь и размножайтесь и наполняйте собой...

«Это мое тело. Я в нем командир, и я решаю, как ему жить».

Он мысленно отдирает от себя Безглазого, стряхивает липкие щупальцы с груди: «Я здоров. Я помню, как быть здоровым». Веки наливались огнем, каждая клеточка светилась изнутри.

«Это мое тело. Уходи».

Свинец нужно было превращать в золото. В несчастьях видеть новые возможности, в болезни — шанс изменить жизнь к лучшему.

Вселенная нейтральна, и мы сами выбираем, как воспринимать события: как величайшую удачу или как бедствие.

Пол решил, что рак был послан ему для того, чтобы он понял это.

— Страх смерти — самая тяжелая форма свинца, — говорил Папа Жао. — А смерти не бывает на свете: пока вы есть, ее нет, когда она есть, вас нет. Вы никогда с ней не встретитесь.

Свинец окончательно превратился в золото, когда Пол встретился с Орлой.

Она писала книжку про покойников, и ей хотелось пообщаться с приговоренными людьми: о чем они думают, чем дышат? Орла зашла на форум онкологических больных и в первый же день познакомилась с Полом. Они как-то сразу сблизились.

— Ты любил ее? — спросила я.

— Да.

— За что? Я даже теоретически не могу представить вас вместе.

— Как там у Маркеса? «Я люблю тебя не за то, кто ты, а за то, кто я, когда я с тобой».

Через полгода врач сказал, что дело пошло на поправку. В Пола влили галлоны лекарств, но он знал, что это была его собственная победа. Безглазый ушел. Жизнь потекла также, но как будто на другом, более высоком уровне. Иные знания, иная вера, иная любовь.

Я пыталась понять, какие чувства я должна испытывать по отношению к Орле: благодарность или ненависть?

— Когда мы познакомились, ты уже разошелся с ней?

— Нет. Но все шло к тому.

Орла хотела сто процентов его внимания, любви и времени. Она вела себя как Безглазый: чтобы расти, ей требовались все жизненные соки Пола.

— Это не женщина, а гуи — тухлый призрак, — ворчал Папа Жао и разводил на кухне магические курения.

Пол и Орла начали ссориться. Дело кончилось тем, что Папа Жао стал ее выгонять, а Пол не воспротивился.

— Так почему вы все-таки развелись? — спросила я.

— В армии нам давали учебные автоматы, чтобы мы тренировались плавать в полной боевой экипировке. Они были как настоящие по весу и по форме... Орла, кажется, тоже была учебной.

БУРДА

18 мая 2007 г.

У Пола над столом висел портрет, где он в военной форме — строгий и торжественный. Точь-в-точь как мой дедушка на фотографии, сделанной на смерть. С рамы свисал крестик, сверху — засохшая верба воткнута. Ее Полу мать из Англии прислала.

Эта фотография меня измучила. Смотришь на нее и чувствуешь себя вдовицей.

Убрала ее в шкаф к чертям собачьим. А Полу и Жао сказала, что их обокрали.

МИР ФАНТАСТИКИ

19 мая 2007 г.

Я думала, я простила Орлу. Ничего подобного! И какая роскошная месть изобрелась у меня по ходу дела!

В первую очередь надо позвонить Зэку.

— Милый, — прошепчу я заговорщически, — давай я тебе дам развод и денег, а ты подъедешь к некой Тупой Блондинке и пообещаешь ей кольцо с бриллиантом? У нее, кстати, гражданство есть.

Зэк придет в замешательство.

— Не понял...

— А потом ты отвезешь ее в предсвадебное путешествие... скажем, в Центральную Африку. Там вы будете ездить на сафари, фотографироваться со слонами и гулять по деревням местных жителей.

— Э-э...

— И вот там, в самой глухой деревне, вы разминетесь с Тупой Блондинкой. Как на грех деньги, паспорта и билеты останутся у тебя. Брошенная Тупая Блондинка начнет рыдать и звать мамочку. Помечется, поплачет и — что ж делать? — пойдет ассимилироваться с местным населением. Ее, конечно, примут в племя. Но по местным законам красоты она выглядит как урод-в-жопе-ноги, и посему ей определяют самую что ни на есть скромную должность в племенной иерархии — «еда на случай голода».

Зэк, разумеется, с охотой согласится на мое предложение: закрутит с Тупой Блондинкой роман, бросит ее на съедение туземцам и... Правильно! поймет, что ему секс не в радость без ее соучастия, и вообще он влюблен как Маугли по весне.

Зэк развернет свой джип, отобьет Тупую Блондинку у деревенских ребятишек и, разоблачив мои коварные планы, увезет ее напрямиком в посольство для заключения брака.

А теперь финал: их приключения снимаются скрытой камерой для супер-зажигательного реалити-шоу; Америка в слезах-соплях; я получаю престижную премию за лучший телевизионный проект года, а Зэк... ха-ха-ха! получает в жены Тупую-Претупую бабу, с которой он будет денно и ночью скандалиться. Орла же получит в качестве супруга неисправимого козленка. Вскоре в их холодильнике лекарств будет больше, чем еды.

Жалко, что я добрая и ничего такого не сделаю.

MEN'S HEALTH

20 мая 2007 г.

Я только сейчас поняла, что Пол живет под знаком своей болезни. Он постоянно о ней помнит. То, что я раньше принимала за педантизм и чистоплюйство, оказалось «соблюдением режима». Он никогда не загорает, пьет нелюбимый зеленый чай, бегают трусцой и медитирует. Даже курить почти бросил — разве что сигару в хорошей компании.

Лука, мой второй муж, был военным фотографом, и пока мы не развелись, я боялась открывать письма — вечное ожидание похоронки... Бросив Луку, я думала, что навсегда избавилась от страха смерти. А страх опять прокрался в мой дом.

Папе Жао легко говорить о том, что смерти нет. Ее не существует для тех, кто умирает: она приходит лишь к остающимся.

На водительских правах у Пола совсем другое лицо. Как он изменился с тех пор! И не то чтобы постарел — переродился...

Когда Леля только-только вышла замуж, она стала невероятно плаксивой. Теперь я понимаю ее. Когда ты стоишь на вершине мира, шаг вправо, шаг влево означает падение. Ей было страшно как никогда в жизни.

То же самое у меня. Я так долго ждала Пола — с этими вздыбленными вихрами на затылке, воскресной щетиной и неумением готовить яичницу...

Ребенка бы нам... Пол сказал, что он сдал сперму, когда уже был болен. А вдруг его рак передастся по наследству?

Какой-то идиот сказал, что жизнь похожа на зебру: белая полоса, черная полоса, белая полоса, черная, жопа.

Решено: моя жизнь будет альбиносом.

ПОЭЗИЯ

21 мая 2007 г.

Рак — это созвездие,

Рак — это животное,
С виду — безобразное,
Но в еду пригодное.

Раком люди пьются,
Сексом занимаются —
Прочие значения
Мною отменяются.

ФАБРИКА ЗАГАДОК

22 мая 2007 г.

Чокнутая я тетка! Сорок лет прожила без детей, а теперь приспичило. По улицам ходить невозможно: в Америке рожают много и охотно, на каждом шагу — румяная малышня. И я чувствую себя так, будто меня обокрали.

Кто-то взял и присвоил мой сверточек, кто-то чужой прижимается к теплой головке... Отдайте! Мое!

Не знаю, кому рассказать... Мелисса не поймет. Она устала от детей: ее спиногрызы совсем ее доконали. Леля вообще не верит в мои материнские способности. С Полом об этом нельзя говорить.

Позвонила Кевину: поплакалась.

— Конечно, может, еще получится родить, — вздыхала я. — Врач сказал, что ребенок из пробирки стоит как подержанный автомобиль — 11.625 долларов.

Медицинская страховка на искусственное оплодотворение не распространяется.

Кевин отнесся к проблеме философски:

— Дети — это украшение жизни. А косметические операции всегда относятся на счет пациента. Ты уверена, что тебе это надо?

— Уверена.

Я постаралась объяснить.

— Я, кажется, знаю, кто такой Бог. Всемогущий, всеблагий, бессмертный, создающий все и вся... И, главное, самоочевидный, как земля и небо.

— Мардж, ты меня пугаешь.

— Я перечитала кучу книжек по религиоведению и психологии. Одно вытекает из другого: Бог — это наше подсознание! Оно ответственно за все, что происходит с нами — от пищеварения до величайших открытий. Ему имеет смысл молиться: оно разумное, оно будет слушать нас: мы ведь с ним — одно целое и оно любит нас как самого себя!

— А причем тут дети?

— Наша душа и есть Бог, и мы передаем его из поколения в поколение. И потому живем вечно. Я хочу продолжить свой род.

Кевин отозвался не сразу.

— Подсознание не может быть богом. Оно не всемогуще.

— Ты видишь и слышишь только потому, что оно руководит твоими органами чувств. Оно же ответственно за все эмоции. *Все*, что происходит с тобой, — это его заслуга.

Вчера я сидела на кухне, пила чай, и боялась за наше с Полом будущее. Страх, действительно, тяжелее любой ноши. Его ощущаешь физически — как могильную плиту на плечах.

В голове дровами были навалены мысли: а вдруг с Полом что-то случится? Мне нужно было найти кого-то, кто бы забрал у меня эту ношу. Кого-то, кто скажет: «Не бойся, все будет хорошо».

Человек — единственное религиозное существо. Нет ни одного народа без религии, и я на своей шкуре прочувствовала почему. Когда ты мал и бессилен, тебе остается только одно: изобрести себе Бога. Точно так в детстве мы придумывали себе «старших братьев», готовых защитить нас от беды.

«Господи, спаси и сохрани!» — это крик напуганного ребенка.

Жизнь ударила меня, я сидела, держась за голову, и плакала: «За что?! Кто-нибудь... что-нибудь... помогите мне!»

Бог — самая подходящая кандидатура на роль Спасителя.

— Кевин, понимаешь... Самое главное — с подсознанием можно договариваться: называй это молитвой или медитацией — неважно... Бог всегда на твоей стороне и готов выполнять любые твои желания. Нужно только просить, чтобы изменили тебя, а не окружающий мир: «Господи! Дай мне сил пройти через все и вся. Сделай меня мудрой и спокойной. Научи не бояться». Мне кажется, это и есть философский камень бытия: ты программируешь себя и превращаешь свинец в золото — что бы ни случилось, ты выживешь.

Кевин усмехнулся.

— Звучит, как манифест законченного эгоиста: гори оно все огнем, а я все равно останусь бодр и весел. Хоть передохните все вокруг!

— Да нет же! Если твои близкие живут по точно таким же принципам, то и они ничего не боятся. Это совсем другой уровень свободы! Я думаю, мудрецы знали эту формулу тысячелетия назад, но ее нельзя было растолковать древним людям. Они не могли поверить в то, что Бог живет в них самих. Им нужен был Господь-судья и Господь-надсмотрщик, потому что только такой Бог был для них авторитетом. Поэтому составители священных книг ничего не объясняли и просто давали указания: сделай так и обретешь жизнь вечную. А не будешь делать — дьявол заберет твою душу.

Кевин сказал, чтобы я не занималась изобретением велосипеда. А мне обидно: я не умею убеждать людей. Никто из моих знакомых не воспринимает меня всерьез: так — в голове ветер, в попе дым...

Только положила трубку — звонок.

— Алло?

— Здравствуйте! Мы проводим опрос общественного мнения. Взрослые дома есть?

Вечером:

У Папы Жао подсознание — это не Бог, а «народ»; сознание — это «правительство». Сначала я подумала, что так не бывает — нельзя же управлять

Богом! А потом смотрю: мы говорим об одном и том же — только разными словами.

Подсознание действительно обладает всеми признаками божественности, но при этом оно готово нас слушать. Ведь мы — самое дорогое, что у него есть, и оно верит нам как самому себе.

Если человек изо дня в день будет думать, что он больной — он заболеет: подсознание воспримет его страх как команду к действию. То же самое с народом: если правительство изо дня в день будет доказывать людям, что они — высшая раса, они в это поверят — и чихать им на факты!

Бог — это не начальник, это лучший из исполнителей: умный, обязательный, инициативный. А вот как начальство будет им руководить — это другое дело. Здесь-то и сокрыт вечный вопрос о свободе воли. Нам она дана от рождения, но кто-то способен использовать ее, а кто-то бросает своего Бога на произвол судьбы: иди куда хочешь.

Кажется, Господь человеку — не отец, а партнер и друг. Его всегда можно попросить о помощи, но нельзя переваливать на него всю ответственность. Подсознание именно потому так и называется, что должно находиться «под сознанием».

ОК!

23 мая 2007 г.

У Лели вышел еще один камень — самый крупный. Операция не потребуется. Я хожу по дому, трогаю поясницу (кажется, там почки находятся) и пою: «Я тебя никогда не покину, я тебя никому не отдам!»

Врач сказал Леле, что ей надо соблюдать диету и пить специальные таблетки. Тогда, может быть, новые камни не вырастут.

Как мне хочется поделиться с Лелей своим Богом! Камни — это не вирус, не травма: организм сам их выращивает. Значит, его можно настроить на то, чтобы он так не делал.

Душа моя окончательно успокоилась. Я просто «отдала» свой страх подсознанию: «Ты уж позаботься, чтобы я не нервничала понапрасну». Плита исчезла, плечи распрямились. Во внешнем мире ничего не поменялось, а на сердце — фейерверк.

Я позвонила Арни, своему бывшему психоаналитику, и попросила порекомендовать мне книги о подсознании. Он прислал список — двести шестнадцать наименований.

Где бы взять время, чтобы все это прочитать?

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

24 мая 2007 г.

Я все-таки решила отомстить Орле. Но злодействовать лично мне было лень, и я обратилась к потусторонним силам.

— Натрави на Орлу бойцовое привидение, — попросила я Мелиссу. — Самое классное — это в ванной пугать. Стоит она — вся в мыле — песни поет, а оно ей на ушко: «За проезд платить будем?»

Ветки деревьев будут выстраиваться: «В аду похолодание, столбик термометра опустится до + 1000 градусов». Стая птиц начертит на небе: «Не пиши глупых книг!»

Мелисса замахала на меня руками:

— Молчи! Привидения ничего бесплатно не делают.

— Им что, денег надо?

— Они возьмут твою бессмертную душу!

И этим моя душа потребовалась! Теперь сижу и думаю, что выгоднее — отдать ее Богу или продать привидениям? Решила подождать с торгами: вдруг цена еще поднимется? Я тогда в довесок всемирную славу попрошу.

НОВОСТИ ШОУ-БИЗНЕСА

27 мая 2007 г.

Ленка, хозяйка «Говнодавов и т.п.», позвала нас с Мелиссой на презентацию очередной панк-группы.

Все было организовано честь по чести: мрачный фильм, бурные аплодисменты, мексиканская еда. Потом мне выдали анкету и велели заполнить: «Назовите вашу любимую музыкальную группу».

Задумалась. Уже лет пятнадцать, как у меня нет любимых групп. Какие-то песни нравятся, но через пару недель я о них забываю.

Удивительное дело — в подростковом возрасте музыка была для меня признаком класса: скажи мне, что ты слушаешь, и я скажу, кто ты.

Достойные люди, витающие высоко над массаами, могли «переваривать» только полуподпольный рок и зарубежную эстраду. Причем «зарубежка» должна была быть со смыслом. Помню, как я сидела со словарем и пыталась разобрать, о чем поет Led Zeppelin. С тем же успехом можно было слушать пакистанское радио. Я списала по слуху слова — русскими буквами — и потащила к соседке, которая преподавала английский в школе. Нацепив очки, она посмотрела на мои каракули:

— Это о несчастной любви. Он ее обожает и клянется в верности до гроба. Ну... в музыкальной форме.

Меня это устраивало. Впоследствии я с умным видом «переводила» песню друзьям. Каждый раз сюжет обрастал новыми подробностями: молодой граф сидел за решеткой и пел о любви к прекрасной девушке; молодой граф летел на звездолете; молодой граф боролся за мир... Вскоре знакомые начали приносить мне пластинки для перевода, да и еще и приплачивали за работу пивом и сигаретами.

Мальчик, ответственный за сбор анкет, долго уговаривал меня вспомнить любимую группу. В его глазах светилось непонимание: как это никого не любите? Вы что — социальный изгой?

Чтобы он отвязался, я сказала, что люблю Леонида Утесова.

— Это панк?

— Еще какой. В Афганистане за его голову назначена награда в триста тысяч афгани. А в Иране его чучело еженедельно сжигают на центральной площади Тегерана.

Мальчик отошел в сторону и переписал в блокнотик имя величайшего из панков.

Рассказала сегодня вечером Полу. Думала, он поржет, а у него глаза загорелись:

— Давай спродюсируем такую группу! Забабахаем супер-навернутый сайт, найдем пяток волосатых уродцев — пусть режут в микрофон.

Джош сказал, что он, так и быть, пойдет в солисты.

СОБЕСЕДНИК

1 июня 2007 г.

Ездила на книжную ярмарку. Эмили, женщина-легенда, побила рекорды продаж. Кажется, я поняла, в чем секрет ее привлекательности.

Красивые женщины бывают трех типов: куколки, богини и секс-бомбы. Первых хочется удочерить, вторых поставить на пьедестал, о третьих помечтать на досуге. Эмили умудряется сочетать в себе три типа, поэтому ее так легко любить сообща (каждый найдет что-то свое) и так сложно — дома (каждый найдет что-то чужое).

Мерилин Монро была той же породы. Так что Эмили ждет великое будущее, а меня — хорошие проценты с продаж.

Я оббежала все стенды, поздоровалась с кем надо, и удрала, от кого не надо. Купила себе лимонад и встала в сторонку — перевести дух.

У стенда напротив литагентша приставала к редактору:

— Так вас зовут Уилл? Чудесное имя! Откуда вы? Из Нью-Джерси? О, я обожаю этот штат!

— Врет, — шепнул мне стоящий рядом мужик.

Я покосилась на него: седой, толстопузый, борода как у боцмана.

— Не умеет продавать, — добавил он. — Она пытается быть любезной, а нужно быть полезной. Спросить: «Какие книги вам сейчас требуются?» и предлагать не то, что у тебя есть, а то, что ему нужно.

Мы познакомились:

— Ричард Мэнфред, поставщик летающих унитазов.

— В смысле? — не поняла я.

— Наша компания производит туалеты для самолетов. Незаменимая штука, я вам скажу. Особенно на высоте.

Ричард ходит на книжные ярмарки набираться идей. Его интересует «странный» бизнес: что-нибудь невероятное, иногда неприличное, но прибыльное.

Пару лет назад он основал компанию, которая занимается утилизацией ампутированных конечностей в больницах.

— Выкидывать их нельзя, хоронить глупо, вот мы и делаем эту работу.

— Ого!

— Другая моя компания печет пирожные для кошек в виде мышек. Еще классная штука — «настоящие» письма от Санта-Клауса. Доставляет карлик-курьер в костюме гнома.

Ричард придумывает идею, подыскивает исполнителей и дает деньги на раскрутку.

— А сегодня вы натолкнулись на что-нибудь интересное? — спросила я.

Ричард достал из портфеля пару книг: одна — по топ-менеджменту, другая — о проблемах бедности в странах третьего мира.

— Вот думаю основать компанию по антикризисному управлению государствами, — сказал он полушутя-полусерьезно. — Как вам такое рекламное объявление: привлечем инвестиции, замирим с соседями, подберем толковых министров. Через десять лет ваша страна обгонит Монголию, через двадцать — Францию. А там и США на поклон придут.

Я улыбнулась.

— Прогорите.

— Почему?

— Потому что вы не сможете уволить свой народ. Люди живут именно так, как хотят: кто-то по закону Мерфи, кто-то по закону шариата, кто-то по закону подлости. А правитель — это всего лишь символ.

Я рассказала Ричарду историю Екатерины Великой. В молодости она была большой поклонницей идей Просвещения: свободы, равенства и т.п. Однако Россия не желала спасаться: всех все устраивало. В 1767 году Екатерина созвала 500 депутатов от всех сословий, но они не только не пожелали отменить крепостное право, но слезно просили государыню более так не шутить.

Мы с Ричардом спорили целый час. Он бизнесмен и верит, что если поменять местами слагаемые, то сумма изменится. А я кухонный философ: я верю в то, что насильно нельзя осчастливить ни страну в целом, ни отдельного человека.

Мой собственный папа на днях звонил и возмущался: гады ГПДД-шники содрали с него взятку! Вот если бы было нормальное правительство, вот если бы закон торжествовал...

А ты не давай! Можно ставить себе высокие цели: я хочу изменить мир. А можно изменить данную ситуацию: вот сейчас не будет взятки. Извините, товарищ милиционер, но у вас нет выбора. Папа предпочитает считать, что от него ничего не зависит. Так проще.

Я предложила Ричарду написать книгу о нестандартных бизнес-решениях. Мои самые лучшие авторы именно так и находились: случайная встреча, разговор, а потом — бестселлер. Ричард обещал подумать.

— А вам самой хочется осуществить какую-нибудь дикую мечту? — спросил он.

Я ничего не сказала о ребенке. А то однажды в мою дверь постучится карлик в костюме аиста.

ЖЕНСКИЕ ДЕЛА

4 июня 2007 г.

Орла-то, небось, продалась привидениям. Иначе с чего мои издатели тянут резину? Обещали прислать план по раскрутке еще в пятницу, а сегодня понедельник — и ничего. И не надо про завал на работе: здесь без нечистой силы явно не обошлось!

Все хотят моей смерти. Кевин-злодей отправил Пола в Индию — судиться за права.

Неделю назад его пригласили на фестиваль индийского кино. Он пришел, прочел речь о дружбе народов... А потом выяснил, что одна из мумбаиских студий передрала его фильм один в один — только вставила в сценарий песни и пляски.

На прощание Пол вручил мне ключи от своей квартиры:

— Папа Жао уходит в отпуск, так что не забывай разбирать почту.

Почему он уехал тогда, когда моя душа так просит его тела?

В ванной все еще пахнет его одеколоном; я набрызгала на запястье несколько капель — сию, вдыхаю запахи своего мужчины.

Выцветшее от зноя небо... Я затемнила жалюзи; в лучах солнца — скучные пылинки. Часы на стене: тук... тук... тук...

Ожидание — тюрьма нестрогого режима.

— Во какого классного бой-френда ты себе завела! — восторгается Джош. — Посуду не пачкает, под ногами не болтается... Просто идеал!

А я через каждые пять минут проверяю имейл: «Дозу мне! Дозу!»

Я высчитываю, где Пол сейчас — вроде бы должен быть в отеле. Почему не пишет? Что-то случилось? В голову лезут дикие мысли про индийских красавиц. У них небось талия есть, а у меня — только экватор...

Джош сказал, что страдать от одиночества — это стадный инстинкт.

Я страдаю без любви.

Как комар без крови,

Наркоман без конопли,

Трансвестит без бигуди, —
Так я без любви.

Вечером:

Бог, привет. Это я. Помоги мне быть счастливой и самодостаточной.

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

5 июня 2007 г.

На интернет-призыв Агнессы откликнулась целая куча мужиков. Семь спросили, какой у нее размер груди. Трое были безработными, двое жили в Турции.

Стройный парнишка в ковбойской шляпе показался интересным, но сходяв на свиданку, Агнесса тоже разочаровалась. Дядя был ковбоем двадцать лет назад.

Последним, почти через месяц после размещения анкеты, откликнулся некто Каябьяб.

Агнесса показала мне фотографию азиатского мужика с усами.

— Говорит, что биолог, а выглядит как маньяк.

Мужик и вправду походил на полицейский фоторобот.

— Кто хоть он по национальности?

— Филиппинец. Мардж! Что делать? Он пригласил меня позавтракать в ресторане.

— Ну так сходи. Не понравится — сбежишь.

Агнесса долго смотрела в глаза Каябьяба, а потом сказала:

— Я к нему не пойду. По крайней мере, одна.

Пришлось тащиться за компанию.

Каябьяб действительно оказался маньяком, правда, не совсем типичным. Он пришел в ресторан в лабораторном халате. Простецкое лицо, а руки — как у хирурга.

— С кем я сейчас знакомлюсь? — спросил он, растерянно переводя взгляд с меня на Агнессу. — Ах, с вами? Замечательно!

Говорил он без акцента — значит, не иммигрант.

Мы сели за столик. Агнесса напряженно глядела себе в тарелку. Каябьяб тоже делал вид, что интересуется машинами за окном. Пауза в разговоре превратилась в немую сцену.

— Над чем вы сейчас работаете? — проговорила я.

Каябьяб выпрямил спину, расправил усы и стал маньячить:

— Видите этот корнеплод? — Он ткнул вилкой в гигантскую картофелину на тарелке. — Это наши результаты. Мы занимаемся генной модификацией продуктов.

У Агнессы отвисла челюсть.

— Я так и поняла: он — отравитель.

Каябьяб не знал, на кого напал. Агнесса и сама не может жить без здорового питания и другим не дает.

— Недавно проводился опыт, — угрожающе начала она, — и у всех крыс, которые питались вашей жратвой, отказала печень, селезенка, а потом и мозг!

— Поразительно! — вытаращил глаза Каябьяб. — Я этого не знал!

— Зайдите на сайт «Гринпис». Там все сказано.

— Кем? Среди их авторов — ни одного ученого-генетика.

Он демонстративно слопал еще один кусок картошки.

— А вы можете гарантировать, что ваши продукты... э-э... безопасны? — спросила я. — Вдруг из-за них вместо волос ботва будет расти?

Каябьяб посмотрел на меня с сожалением.

— Мардж, вы хотя бы представляете, как работает ваш желудок?

— Паршиво. Вчера погрызла семечек, ощущение было — будто гантель съела.

Каябьяб даже не улыбнулся.

— Вы сейчас яичницу едите, — сказал он, — а это носитель куриной генной информации. Не боитесь закудахтать?

— Не-а.

— В желудке ДНК полностью расщепляются. Там от них вообще ничего не остается. Так что никакой ботвы у вас в голове не будет. Если только сами ее не разведете.

Он скорбно замолчал.

— Сил нет каждый раз объяснять! За все время было лишь *три* исследования, подтверждающих опасность наших продуктов. И результаты каждого были потом опровергнуты. А *сотни* экспериментов говорят, что все нормально. Просто троим халтурщикам захотелось покрасоваться в телевизоре. Журналисты подхватили — им же деньги за сенсации платят! — и понеслось: караул — нас травят!

Агнесса, набычившись, смотрела на него.

— Но вы же не знаете, как это отзовется через сотни лет.

— Колумб тоже не знал, куда плыл. Но если бы он дома остался, мы бы с вами здесь не сидели.

Разошлись, каждый заплатив за свое.

— Больше не пойду в этот ресторан, — сказала Агнесса. — Они людям картошку ядовитую подсовывают.

— Не веришь Каябюбу? — спросила я.

— Я вообще мужикам не верю.

Придя домой, я отправилась в интернет. История с генно-модифицированными продуктами оказалась весьма любопытной. Когда американцы открыли, что в геном растения можно вставить ДНК другого организма, в сельском хозяйстве совершился переворот.

Ученые заговорили о том, что найдена панацея от голода. Поля, пригодные только для кактусов, стали засеивать кукурузой и пшеницей. Цены снизились, качество возросло.

Изобретатели нового метода ждали, что мир кинется к ним в объятья, но произошло обратное. Проблемы начались, когда американские продукты пустили на экспорт. Сельское хозяйство в Европе и так загибалось, а тут появился конкурент с более дешевым и красивым товаром. Европейские фермеры были поставлены перед выбором: либо перенимать чужие технологии, либо выдавливать

врагов с рынка. Проще всего было раздуть скандал, а под шумок принять нужный закон.

Сейчас в большей части Европы генно-модифицированные продукты запрещены. Многие страны Африки отказываются принимать гуманитарную помощь, если она «не настоящая». Ввоз «вредных семян» приравнивается к контрабанде наркотиков. Между тем детишки-скелетики мрут как мухи.

ВАШ ДОСУГ

6 июня 2007 г.

Жизнь опять не удалась.

Сходила к дантисту подлечить зуб. Он мне заодно и прическу сделал. Повернулся на стуле, зацепил пуговицей волосы — и так раз двадцать. Кстати, ничего вышло: перекошенная копна отлично гармонирует с перекошенной щекой.

У Пола сейчас полвторого ночи. Так и не позвонил. Я терзаюсь от разлуки, а он нет: не потому, что не любит, а потому что доверяет. Мне же по старой привычке кажется, что меня бросили.

Я ненавижу Лос-Анджелес за то, что в нем нет Пола. Мне в нем душно, как в тесном свитере с воротом под горло. Никак не привыкну к тому, что я сама *могу* делать себя счастливой.

Еду в машине — смотрю по сторонам: здесь мы с Полом были, сюда заходили, вот на этом месте он рассказал мне несмешной анекдот про пиявок. А я все равно смеялась, потому что рассказывал — он.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТЕЙ

8 июня 2007 г.

Как я не люблю, когда мои враги говорят что-то дельное! Орла, может, и хреновый писатель, но бизнесумен она — от Бога.

Я завела себе дурную привычку — каждый день читаю ее блог. Искренне радуюсь, когда она спрашивает поклонников, на какой фотографии она выглядит сексуальнее, и никто ей не отвечает. Еще лучше — перебранки с коллегами: Орла находит в Сети какую-нибудь писательшу и начинает стебаться. Та огрызается: «Да ты сама убогая! Тебя только в сортире читать!»

Битва «инженеров человеческих душ» выглядит незабываемо.

А сегодня Орла опубликовала блестящую статью «Как делать деньги на книгах». У хороших произведений есть одно общее свойство: мне всегда жалко, что их написала не я. Все четко продумано и разложено по полочкам; отличный деловой язык...

Не выдержав, я даже оставила комментарий: «А вот бизнес-статьи у вас получаются». Орла была сама любезность: «Мардж Тенш! Кажется, я дала вам понять, что меня не интересует ваше мнение. У вас плохо с памятью?»

Ах, если бы... В том-то и проблема, что с памятью у меня все отлично. Я не могу простить Орлу и выкинуть ее из головы.

Рассказала Мелиссе.

— Пропиши мне какой-нибудь отворот, что ли. Я не хочу о ней думать!

Мелисса сказала, что отвороты на меня не действуют, потому что я в них не верю.

— К тому же ты сама напросилась на грубость — хотела не восхититься, а лишний раз доказать Орле, что она не умеет писать художественную литературу. Когда ты делаешь людям больно, кто-то всегда страдает. Чаще всего — ты сама.

Надо вышить эти слова крестиком и повесить над столом. Приедет Пол, попрошу его заблокировать сайт Орлы.

Вечером:

Решила накропать еще более крутую статью для писателей — но по-русски. Однако дальше слов «Успешный автор должен писать каждый день» не уехала. Пришлось опять взяться за стихи:

Орла, вы цельная личность —
Зачем вам моя половина?
У вас есть успех, симпатичность,
И ваша, пардон, «писанина».

ТРУД

9 июня 2007 г.

Возвращаясь в гостиницу, Пол звонит мне. Он не хочет говорить о бизнесе («Приеду домой — расскажу»), и мы трепемся о всяких глупостях — лишь бы слышать голоса друг друга.

— Ты помнишь свое первое дело? — спрашиваю я.

— О, да! Я защищал мастера по татуировкам. На него подал в суд мужик, который решил вытатуировать у себя на плече имя девушки. А ему вместо «Сэнди» написали «Кэнди». Истец потребовал оплатить не только исправление татуировки, но и медицинские расходы — девушка его побила.

Я хихикаю.

— Ты выиграл?

— Продул, разумеется. Очень потом терзался.

Мы болтаем часами. Практика у Пола обширная — и каждая история лучше другой.

Индийцы, живущие в США, решили женить сына на девушке с исторической родины. Друзья, тоже американские индийцы, порекомендовали свою племянницу. Фотография понравилась, и весь клан отправился в Дели свататься.

— А на месте оказалось, что им прислали портрет, обработанный Фотошопом, — рассказывает Пол. — Девица была страшная, как змей. Вернувшись домой, жених подал иск на 100 тысяч: авиабилеты для всей родни, гостиница, подарки — у них же все с размахом делается.

— Ты выиграл?

— Частично. Судья сказал, что не будет поощрять дикость нравов.

Но больше всего мне понравился случай, который Пол разрулил перед самым отъездом.

Голливудские звезды лечатся по всяким элитным учреждениям: у них там и сервис, и техника на грани фантастики. В одной из таких клиник решили внедрить супер-современную базу данных на всех пациентов. На семинаре инструктор начал показывать врачам, как заполнять карточку больного:

— В графе «Имя» пишем «Тест». В графе «Диагноз»... ну, давайте внесем СПИД и сифилис. В графе «Состояние больного» — беременность, пятый месяц.

Врачи целый час изголялись над виртуальным пациентом.

— А как сохранять учетную карточку? — спросили из зала.

Инструктор нажал на кнопку «Сохранить».

А на следующий день был скандал. Всемирно известный актер позвонил в администрацию и начал орать, что его 15-летней дочери приписали целый букет постыдных болезней и беременность.

Персонал в ужасе засуетился.

— А как ее фамилия? Как у вас?

— Нет. У меня — псевдоним. А у нее — Тест. Дженнифер Тест.

ЧТО ХОЧЕТ ЖЕНЩИНА

11 июня 2007 г.

Надо бросать курить... А то я рожу ребенка, он вырастет и напишет обо мне в мемуарах: «Я до сих пор помню неповторимый запах материнского табака». Ужас!

А как бросишь? Я могу бросить работу или, например, камень в чужой огород. А для того, чтобы не курить, надо перестать покупать сигареты. С этим-то как справиться? Бросить привычку ходить в магазины?

В умных книжках написано, что в первую очередь нужно изменить свою идентификацию. Я должна считать себя некурящей — тогда мне даже в голову не придет мысль о сигарете.

Целый день считала себя табако-независимой женщиной. К вечеру передумала. Тварь я дрожащая или право имею?

Наимелась права, сижу довольная физически и недовольная морально.

Надо устроиться к Джошу на бензоколонку. Там не забалуешь.

До начала 20-го века дама с папиросой была социальным изгоем, и из-за табу на женское курение табачные фабрики теряли половину потенциальных доходов. Родоначалник PR Эдвард Бернес (племянник Зигмунда Фрейда, между прочим) предложил концепцию продаж, завязанную не на необходимости, а на символе. Женщины не нуждаются в папиросах, но они будут их покупать, потому что курение является знаком их социального статуса и позволяет им думать о себе лучше.

Что было сделано: во время традиционного нью-йоркского парада десятку красивых суфражисткок дали в руки по папиросе. А когда журналисты спросили, что это за вызов общественному вкусу, лидерша ответила, что папироса — это «факел свободы», который подчеркивает их равноправие с мужчинами. Мода на курение охватила Америку в считанные месяцы. Леди, которым нравилось думать о себе как о передовых и независимых, начали дымить словно паровозы.

Причина давным-давно ушла в прошлое, а стереотип держится до сих пор. Я ведь и сама взялась за сигарету, чтобы продемонстрировать: Минздрав мне — не указ.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

15 июня 2007 г.

Услышав Зэка в телефонной трубке, я вздрогнула. Предчувствие покатилося: сейчас в какую-нибудь авантюру втащит!

Так и оказалось.

— Твой Ронский еще жив? — спросил Зэк. Голос его звучал бодро.

— Жив, к сожалению.

— Слушай, а ты можешь его привезти к нам на студию? Мы тут снимаем рекламу собачьих консервов и нам мопса не хватает.

Меня подвели тщеславие и жадность.

— А денег дадите?

— Полтинник за съемочный день.

Я посмотрела на Ронского, любовно грызущего садовую галошу. Толстый, вредный, глухой как пень... Артист! Единственная достопримечательность — морщинистая рожа. Мопсов выводили специально для китайских императоров — как живой талисман. Чем больше складок — тем вернее среди них мог затеряться иероглиф счастья. Я как-то спросила Папу Жао, что написано у Ронского на лбу. Тот долго рассматривал его, а потом сказал, что мне лучше об этом не знать.

— Завтра пойдешь отрабатывать жратву, — сказала я Ронскому.

На студии нас ждал мужик в тренировочном костюме.

— Меня зовут Фрэнк. Я — тренер, — представился он. — Можно посмотреть вашу собачку?

Ронский покорно терпел, пока Фрэнк заглядывал ему в пасть и уши.

— Нормально. Он обучен каким-нибудь командам?

Я перечислила жизненные достижения Ронского. «сидеть», «лежать», «дай лапу», «чтоб ты сдох!» (при этом мой питомец валится на спину, подкатывает глаза и начинает хрипеть).

— Правда, он глухой и понимает только язык жестов, — пояснила я.

Фрэнк сдвинул кепку на затылок.

— Интересно. А еще что он умеет?

— Может сделать «По приютам я с детства скитался».

Я вытащила из кармана конфету, и Ронский тут же сделал трагическое лицо, сел на попу и замахал передними лапами.

— О, то, что надо!

Внутри съемочного павильона царил хаос. Штук десять разнопородных собак гавкали, чесались и заглядывали друг другу под хвосты.

Ронский заметил в толпе аппетитную пуделицу. Я дернула поводок.

— К ноге!

Он растеряно посмотрел на меня: «Мама, там же девочки! Там любовь!»

— Какая тебе любовь? Ты же кастрированный!

Ронский трагически передохнул: «Ах, да. Я забыл».

На Зэке была белая куртка, высокий колпак и белоснежный фартук. Он должен был играть графского повара, которому поручено накормить хозяйских собак.

— Мардж, привет!

Я смутилась. Он был такой открытый, праздничный, накрахмаленый. А я всю дорогу репетировала, как сухо поздороваюсь и пройду мимо.

Молчать было неудобно.

— Как карьера? — спросила я.

— Хорошо. Вчера фашиста играл, сегодня повара, а завтра буду Рим разрушать. Мне только что агент позвонил: НВО телесериал снимает, и им нужны вандалы. Я как раз подхожу — у меня даже опыт работы имеется.

Зэк рассказал, как у них в школе засорился женский туалет, и во дворе поставили пластиковую кабинку. Забравшись на верхний этаж, они с пацанами дождались, когда директриса вошла внутрь, и скинули на крышу кабины шарик с водой. Крышу проломило, директриса без трусов выскочила — а эти негодяи засняли все на камеру.

— Ну вы козлы!

— Знаешь, как меня папка ремнем отходил? А потом еще из школы отчислили.

Все вернулось на круги своя. Мы с Зэком болтали и хихикали — точь-в-точь как раньше. Не пойму я этого мальчишку. То он сильный и очаровательный, а то серый и протухший. Но себя я понимаю еще меньше... Зачем я потащилась на эти дурацкие съемки? Нервных потрясений захотелось?

Фрэнк позвал собачников к себе. Режиссер объяснил диспозицию:

— Здесь у нас графская кухня, здесь повар — он варит обед. В открытую дверь вбегают собаки, рассаживаются вокруг повара... Все знают команду «сидеть»?

— Все...

— Отлично. Потом цирковые собаки показывают номера и требуют в награду собачьи консервы. Остальные сидят смирно для массовки. Понятно?

— Понятно...

Звуковики выставили микрофоны, включились юпитеры.

— Мотор!

Собачья свора ворвалась в кухню.

— Сидеть! Сидеть! — зашипели владельцы.

Я помахала Ронскому рукой, и он сел вместе с остальными. Но тут ему вспомнилось, что он давным-давно не мыл свои причиндалы.

— Стоп! Стоп! — заорал режиссер. — Это что?!

Ассистенты и звуковики давились смехом. Я подошла к Ронскому и схватила его за шкуру.

— Сядь по-нормальному, сукин сын!

Он поглядел на меня беспорочными глазами: «Пардон, зачесалось!»

— Мотор!

Все заново: собаки бегут, рассаживаются. На этот раз попу Ронского захотела понюхать сексапильная пуделица.

— Стоп! Это чья собака?

Я выступила вперед.

— Моя.

— Уберите! Она всех отвлекает.

Фрэнк прошептал несколько слов на ухо режиссеру.

— Хм, сирота, говоришь? Давай его отдельной сценой.

Собак еще раз прогнали туда-сюда. Наконец нужное количество дублей было снято. Пуделица показала сальто, бульдоги станцевали полечку.

— Где этот ваш... как его? — сказал режиссер.

Я поставила Ронского под юпитеры.

— Ну, можешь показать сиротку?

При виде конфетки, глаза Ронского наполнились слезами, губы задрожали, а лапки потянулись за милостыней.

— Класс! Еще раз прогоняем. Мотор!

И на этот раз все пошло чудесно: Ронский подбежал к Зэку, сделал «сиротку» и получил миску с консервами.

— Круто! — шепнул режиссер и выставил сжатый кулак.

Он не знал, что это наша команда «чтоб ты сдох!». Ронский выронил из пасти корм, упал на спину и захрипел.

— Отравился, — констатировал Зэк.

Режиссер сказал, что Ронский вряд ли попадет на экран.

— Да ладно, не расстраивайся! — утешал меня Зэк. — Пошли лучше обмывать дебют.

Я смотрела на него и не могла понять, чего он хочет. Я ведь «больная мозоль»: какой смысл надавливать на нее? И все равно пошла с ним — не смогла отказаться.

Я бросила машину на стоянке и мы отправились в кабак. Если бы Пол узнал об этом, он бы меня прибил. Вернее, развернулся и ушел.

У всего есть свое объяснение. Я пошла пьянствовать с Зэком по двум причинам. Во-первых, нам нужно было превратить «почему» в «потому что». А во-вторых... ну ведь приятно, когда за тобой ухлестывают красотки!

В баре было душно и весело. Пианист брэнчал хиты 1980-х, общество с энтузиазмом подпевало, а мы с Зэком сидели в углу и сражались на зубочистках. Я победила и потребовала исполнять желание.

Зэк погладил мою коленку под столом.

— Это?

— Сейчас по мозгам получишь! — рявкнула я.

Зэк справедливо полагал, что мало кто в больном уме и нетрезвой памяти может устоять перед ним. Пришлось срочно припоминать его грехи.

— Я вообще-то тебя ненавижу. Ты трусливый, неблагодарный шантажист, пьяница и мелкий уголовник...

Зэк слушал меня, подперев щеку рукой.

— Ты такая смешная — пытаешься разгневаться, только не помнишь, как это делается...

— Еще как помню!

— Мардж, не разводишься со мной!

Я аж поперхнулась.

— Это еще почему?

— Да не нужен тебе этот адвокат! Он правильный и скучный, а за мной вся полиция графства гонялась. Обо мне интересно думать.

В этом весь Зэк. Он не понимает, что мы с ним слишком похожи, чтобы быть счастливыми вместе. И ему, и мне хочется прислониться к кому-нибудь сильному и взрослому, кто будет решать наши проблемы и подтирать наши сопли. А мы в ответ обещаем его забавлять.

— Зэк, у нас с тобой ничего не получится.

— Почему?

— Потому что мы — как две левых туфли: одинаковые, но непарные.

Зэк смотрел на меня исподлобья.

— Тогда давай нажремся.

Сесть за руль я не решилась и мы вызвали такси. Я упала на заднее сидение.

— Ты сейчас куда? — спросил Зэк.

— К Полу. До меня дольше ехать.

— Ну тогда сначала завезем тебя, а потом меня.

Внезапно Зэк хлопнул себя по лбу.

— Ой, блин! Подожди, я сейчас!

— Что-то случилось? — осведомился шофер.

Я пожала плечами.

— Наверное с барменом не расплатился.

Через пять минут Зэк снова сидел в машине — разгоряченный, как после битвы.

— Этот мудака забился под стойку и не желал выходить. Я ему: «Иди сюда, я тебе кое-что дам!». А он огрызается, сволочь. Как будто это мне, а не ему надо.

Лицо таксиста надо было видеть. Он не заметил, что Зэк притащил завернутого в куртку Ронского, которого я забыла в баре.

В два часа ночи такси подвез нас к крыльцу.

— Слушай, а можно мне в туалет? — шепотом спросил Зэк. — Я просто уписываюсь.

— А такси?

— Подождет.

— Ну, иди.

Мы поднялись на лифте и вошли в квартиру.

— Туалет — прямо и направо.

Я смотрела на себя в зеркало: глаза как у блудливой кошки. А вдруг Зэк начнет ко мне приставать? Ой, нет! На фиг, на фиг!

Зэк вышел из туалета — волосы взъерошены, ворот перекосялся... И тут случилось страшное.

Дверь в спальню приоткрылась и на пороге появился Папа Жао.

— Это кто?

Зэк заржал. Не помня себя, я вытолкала его в коридор.

— Иди отсюда!

Хлопнула дверь.

— Он пописать хотел! — только и смогла произнести я.

— Жао? — раздался из комнаты встревоженный голос, и в дверную щелку выглянула женщина.

Я уперла руки в бока.

— Ну-ка пойдем выйдем.

Жао зашел вместе со мной в кабинет Пола.

— Пока хозяина нет, вы по мужикам таскаетесь? — возмущенно прошипел он.

— Пока хозяина нет, ты в его квартиру своих баб водишь?

Мы долго стыдили друг друга и стращали последствиями, потом все-таки договорились, что будем молчать в тряпочку.

Я сунула Папе Жао двадцатку.

— Иди, скажи своей даме, чтобы ехала домой.

Боже, боже... Знал бы Пол...

— Чаю хотите? — проворчал Папа Жао, вернувшись.

— Давай. А ты что ж, врал своей тетке, что это все твое?

— Ну...

— Жао, ты негодяй.

— Да ведь вы тоже хороши.

М-да... Хороша.

ТАЙНЫ СОБЛАЗНА

16 июня 2007 г.

Все беру себя в руки и бросаю курить. Это будет моя искупительная жертва. Приедет Пол, понюхает меня — а я пахну как чайная роза. Он так обрадуется, что забудет обидеться, если Жао расскажет ему про Зэка.

Осталось придумала, как осуществить задуманное.

Вечером:

Опять начиталась книг по психологии:

Бросить курить, похудеть на 20 кило, выучить язык — такие задачи кажутся неприподъемными. Поэтому их надо разбить на маленькие цели, которые можно достичь за один день. Если задача — не курить до вечера, то это вполне

достижимо. Самое классное — ты постоянно чувствуешь себя успешным человеком, говоришь себе «я могу» и действительно *можешь*.

Великий шелковый путь — это пять тысяч миль пешком. Люди преодолевали его, потому что шли не от Китая к Средиземному морю, а от привала до привала.

Зэк не звонил и ничего не писал. Ура!

ПРАВДА

18 июня 2007 г.

Оказывается мы с Папой Жао не одиноки в своих пороках.

Леля задержалась в церкви дольше обычного: дамы-благотворительницы собирали гуманитарную помощь для дома престарелых в России. Одна из патронесс заглянула в Лелину коробку и нашла там непарную варежку.

— А где вторая? Вы, милочка, что — благотворительностью занимаетесь или домашний хлам выкидываете?

Но Лелю не так легко было смутить.

— В доме престарелых полно инвалидов! Эта варежка для однорукого человека!

Спорили и мерялись добродетелью до одиннадцати ночи.

Вернувшись с войны, Леля поужинала и отправилась умываться. Колька уже спал; у Джоша было тихо — наверное, как всегда, за компьютером торчал.

Смыть глаза, влезть в халат... На макушку — пять бигуди, чтобы завтра на человека быть похожей.

Леля открыла дверь в коридор... и остолбенела. Из комнаты Джоша выходила проститутка! На ней было то ли короткое платье, то ли мужская майка — в темноте Леля не разобрала.

— Это кто... — ослабевшим голосом произнесла она.

Девушка юркнула назад и из детской послышался сдавленный хохот.

Потерянная, ошалевшая, Леля добралась до кухни и съела таблетку.

«Зачем он ее привел?!»

Она ждала, что Джош сейчас выйдет и объяснится с матерью, но прошел целый час, прежде чем ребенок явился на доклад.

— Кто эта женщина? — трепеща, спросила Леля.

Джош налил себе воды. По лицу его гуляла счастливая улыбка.

— Мам, да это не женщина, это Белла. Помнишь, я тебе рассказывал о Кевине, режиссере? Это его дочь.

Леля схватилась за сердце.

— Да как же... Да ты видел, в чем она ходит?! В таком платье только на панель...

Рассмеявшись, Джош сказал, что Белла на самом деле — правильная девушка. Срамное платье она надела под костюм — вместо блузки. Сходила на работу, а потом юбку с пиджаком сняла.

— Чтоб сексуальнее выглядеть.

Леля смотрела на парня, стоящего перед ней. Высокий, небритый, на груди — курчавая поросль.

«Они ведь с ней...» — на эту тему Леля даже думать не могла.

— Пусть выйдет, — попросила она, но Джош только хмыкнул.

— Она тебя боится. Завтра с утра посмотришь.

— Она что, ночевать останется?

— Ага.

Всю ночь Леля страдала. Глядела на дрыхнувшего рядом Кольку. Поднималась, нащупывала в тумбочке презервативы, купленные зачем-то в прошлом году.

Дать им или у них свои есть? А вдруг нет? В голову лезли жуткие мысли о СПИДе.

Леля на цыпочках прокралась к детской. Из-под двери пробивался неясный свет ночника. Спят? Не спят? Встав на четвереньки, Леля попыталась заглянуть в щель. Ножка кровати, женская туфля — боже, боже!

Щелчком ногтя Леля отправила презерватив сыну. Замерла, вслушиваясь в тишину. Раздался скрип, смешок и презерватив приехал к ней обратно. Леля вернула его детям, но он опять вылетел наружу.

Никто не произнес ни слова. Она поднялась на ноги и подошла к стенному шкафу, где висели джинсы сына. «Пусть в кармане носит. А отцу завтра скажу, чтобы поговорил с ним. Мальчик должен знать, что ему грозит».

Когда Леля проснулась, Кольки уже не было. Из кухни раздавались голоса. Она цапнула со стула халат, стащила бигуди и торопливо накрасила губы. Сердце билось сильнее, чем перед первым свиданием.

На кухне стоял дым коромыслом: Коля как всегда сжег яичницу. Джош и Белла сидели рядом.

— О, вот и мать проснулась! — зашумел Колька. — Давай к нам! Тебе сколько яиц пожарить?

Леле было мучительно стыдно за его плохой английский. Джош тоже сидел перед девушкой — неприбранный и лохматый как бродяга. А она была ничего — свеженькая. Даже юбку успела нацепить поверх развратного платья.

— Мама, это Белла! Белла, это мама!

Девушка протянула Леле руку с перстнем исключительной красоты.

— Здравствуйте миссис Подкопски.

— Белла — ювелирный дизайнер! — нахвастался Джош.

— Приятно познакомиться! — отозвалась Леля и подумала, что девушка-ювелир наверное сможет оценить по достоинству мальчика с золотыми руками и золотым сердцем.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

19 июня 2007 г.

Позвонили из Москвы и попросили найти несколько книг о Японии для перевода на русский. Тема модная: камикадзе, суши, самураи... Покопавшись в

интернете, я выяснила удивительную вещь: оказывается, в Штатах продается множество книг, выпущенных японскими, сингапурскими и индонезийскими издательствами.

Повальное увлечение Востоком — это во многом их заслуга. Архитектура, садоводство, кулинария, мода, история — азиаты сами переводят книги на английский, редактируют у себя в Токио или Джакарте, печатают в Китае, а потом контейнерами переправляют в США. В Америке у них работают торговые и маркетинговые представительства.

И так за Россию стало обидно! А наши-то что? Репутация страны напрямую связана с тем, что о ней пишут. Ну мелькнет раз в неделю новость, что в Чечне опять был совершен теракт, ну опубликуется очередной роман о Russian mafia. Отсюда и растут ноги у «ушанка, водка, матрешка». Очень мало достоверной и качественно поданной информации.

Обзвонила знающих людей и выяснила еще более любопытные подробности. Оказывается, азиатские культурные проекты в США (в том числе и издательские) спонсируются либо крупными зарубежными компаниями, либо туристическими фирмами. А иногда и правительством. Шаг за шагом, постепенно, они создают своим странам такой имидж, который помогает им зарабатывать деньги в Америке. Глядишь, в Лос-Анджелесе открываются филиалы японских банков — и клиенты туда идут; в Индонезию едут туристы, с сингапурскими корпорациями подписываются миллиардные сделки... Репутация — великая вещь!

ШТУЧКА

20 июня 2007 г.

Есть вопросы, которых я никак не жду от своего племянника:

— Теть, хочешь со мной в музей?

Мне сделалось жутко.

— Что там будут показывать? Мумифицированные трупы?

— Да нет... У моей девушки там мероприятие. Помнишь Беллу? Она крутая-я-я! Мы с ней... ну, это самое...

Мальчику очень хотелось произвести впечатление.

Музей естественной истории в Лос-Анджелесе находится рядом со стадионом. Когда там играют в футбол, в музее никого нет: вся округа забита машинами болельщиков, и высоколобым ботаникам негде парковаться. А когда нет игры — милое дело: броди по гулким залам, любуйся на пыльные окаменелости.

Джош ждал меня под скелетом тиранозавтра, нападающим на скелет трицератпоса.

— Я тоже завещаю свои останки музею, — сказал Джош. — Пусть посадят меня верхом на тиранозавра и дадут мне копьё. Прикинь, как круто: я буду охотником на ящеров!

Я перебила:

— Где Белла?

— В ювелирном отделе. Она детям лекцию читает — о пользе драгоценных камней.

«Ювелирный отдел» — это несколько полутемных залов с сияющими стендами. За стеклом — несметные богатства: золотые слитки размером с мой кулак, огромные топазы — с кулак Джоша.

Школьники носились среди витрин, не обращая внимания на сокровища. Их гораздо больше занимал вопрос «Кто начал толкаться?»

— Ти-хо! — рявкнула учительница.

Дети замерли. Из задних комнат вышла Белла — в изящном костюмчике, в прямоугольных очочках.

— Хороша, да? — искательно спросил Джош.

Я кивнула.

Белла вытащила из сумки пригоршню мутно-коричневых камешков.

— Знаете, что это?

— Алмазы! — загалдели дети.

— Нет. Это гравий с дорожки при входе в музей. А вот это?

Новая порция камешков.

— Алмазы?

— Камешки из цветочного горшка. А это?

Все молчали. На ладони Беллы красовался точно такой же коричневый камень.

— Вот это и есть алмаз. Если его огранить, получится бриллиант — самый дорогой и самый твердый из всех драгоценных камней.

Я слушала лекцию Беллы, открыв рот. Джош тихо млел, поглядывая на меня. В первый раз в жизни я всецело одобряла его выбор.

Толстый мальчик с безумной прической поднял руку.

— А вон у той тетеньки на руке кольцо, — показал он на меня. — Как узнать, в нем настоящий сапфир или нет?

— Такие вопросы неприлично задавать! — шикнула на него учительница.

Но мне и самой было любопытно.

Через минуту я выяснила, что я нищий человек. Мое обожаемое кольцо — низкосортная халтура, а я сама — лопух тропический, вислоухий.

— Это настоящий сапфир, — сказала Белла. — Но... Скажите, он поменял цвет с тех пор, как вы его купили?

Я кивнула:

— По-моему, он потемнел и потускнел.

— Перед продажей ваш камень нагрели, чтобы придать ему товарный вид. Ювелиры используют массу приемов, чтобы ввести покупателя в заблуждение: облучение радиацией, обработка специальными составами... Натуральные камни часто бывают с дефектами. Скажем, если в них есть трещины, их заливают пластиком или стеклом.

— Продавцы мне никогда об этом не говорили!

— Если их спрашивают, они обязаны ответить. Но вы наверняка не спросили.

Присутствующие дамы начали оглядывать свои кольца и вытаскивать серьги из ушей. Дети смаковали зрелище.

— А у меня тоже бракованный рубин? — спросила учительница.

Белла взглянула на ее кулон.

— Почему бракованный? Сейчас в лабораторных условиях выращивают отличные камни. У них та же структура, что у натуральных, только они не являются раритетом. Редкость, красота и размер — это то, по чему оцениваются драгоценности.

— Вот за это она меня и любит! — шепнул мне Джош.

ЗЯТЕК

21 мая 2007 г.

Мне абсолютно понятно, что Джош нашел в Белле — она умная, красивая и целеустремленная. Кроме того, у нее есть папа-звезда и дом в Беверли Хиллз. А вот что Белла нашла в Джоше? Что толку в золотых руках, если они не тем концом вставлены? Да и золотое сердце имеет явно выраженный металлический «привкус».

Но тем не менее я горда за мальчика. Пусть у нас с Кевином ничего не получилось, так хоть Джош с Беллой наверстают.

Я все гадала: а Кевин знает? И если знает, то что думает?

Оказалось, что знает даже его жена, Сьюзан. Выяснив, что ее дочка водится с моим «отродьем», она захотела подробностей.

Мы с Сьюзан ведем друг против друга Священную Холодную Войну. Как и положено Священной, она тянется годами. Как и положено Холодной, она направлена не на собственную победу, а на чужое поражение. Сьюзан не может простить, что Кевин любит меня платонически; я страдаю, что он до сих пор с ней не развелся. При этом обоим, по большому счету, Кевин на фиг не сдался как мужчина.

Сьюзан сделала вид, что позвонила просто так: спросила про работу, про Зэка, про мамино здоровье. Но потом все-таки не выдержала:

— Вы, Мардж, должно быть, в курсе, что ваш племянник встречается с Беллой... Как далеко зашли их отношения?

— Думаю, до пары раз в день. А может, еще дальше.

Я с удовольствием представила ее лицо.

— Понимаю, — отозвалась Сьюзан. — Это у вас *le sens de l'humour*¹ такое. И все-таки у вашего Джоша серьезные намерения, или он просто хочет трахнуть мою дочь?

Когда Сьюзан в бешенстве, она разговаривает на особом, ею самой изобретенном диалекте: французские слова и туалетный слэнг. Первое — заученный язык аристократов; а «жопа» и «говно» прут из нее сами по себе — от природы.

Я хотела сказать, что Джош всегда серьезен первые два месяца, но потом решила промолчать. Иначе по ушам достанется даже не мне, а Белле.

Сьюзан оценивала Джоша, как будто покупала комод. Запрашивала отзывы о качестве и придиралась к стране-производителю. Под конец сказала мне «*Au revoir*²», но не успела вовремя выключить телефон, и я услышала «Сучья порода!»

А у меня отношение к Джошу, как у Пушкина к Родине: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство». Сьюзан — иностранец, и я обижаюсь на нее.

Кевин привез свою мадам из Канады. Сказал, что она его поразила: «Это была такая целостная личность!». Ага, чугун литейный, чушковый.

Главное в жизни Сьюзан — это справедливость. Не доброта, не сострадание (это все оправдания для слабаков), а чтобы «всем досталось по заслугам».

Сьюзан никому не прощает ошибок. Если гостя возьмет яблоко, а потом положит обратно на тарелку, она тут же прикажет вымыть его. И громкогласно заявит: «А то мисс Сандра все здесь перетрогала».

Ее бестактность принципиальна. Если человек «урод», он должен об этом знать.

Сьюзан отнюдь не одинока. Каждую пятницу в ее доме собрание — целый дамский табун в шляпах. Гоняют чай и размышляют об искусстве.

¹ Чувство юмора (фр.)

² До свидания (фр.)

Кевин, конечно же, «убивает» Сьюзан. А то как же — пьет, шляется бог весть где. И даже Кафку не читал ни разу. Но она ему не изменяет — это не в ее принципах.

Кевин говорит, что Сьюзан всегда была такой. Двадцать лет она напутствовала его словами: «Ты куда?! Если опять нажрешься, домой не приходи!» Кевин поначалу морщился, а потом стал развлекаться. Теперь живописует ей в подробностях, куда и зачем он ходит.

Сьюзан привычно поднимает брови.

— Ты меня напугать или рассмешить хочешь? Нет, дорогой, у тебя таланта для этого не хватит.

В принципе, она всегда права. Но ее правда — как фотография прыща крупным планом. Все натурально, все верно схвачено — только смотреть противно.

GIRL

24 июня 2007 г.

Кевин со Сьюзан уехали за границу, и пока родителей не было дома, Белла решила устроить маленький сабантуй. Позвола меня и Джоша с родителями.

Стол поставили на террасе. Кремовая скатерть, серебряные подсвечники.

Белла возилась на кухне, и Джош повел нас на экскурсию.

— Это коллекция карликовых деревьев бонсаи, это искусственный водопад, а это пруд — в нем живут карпы «кои». Каждый стоит пятнадцать тысяч.

— Вот бы уши из них сварить! — гыкнул Колька.

Леся одернула его.

— Молчи, Христа ради!

Ей было стыдно за своих гуппешек в аквариуме и за бусы из фальшивого жемчуга. К тому же Джош недавно уволился с бензоколонки и вновь объявил себя свободным художником.

Я украдкой поглядывала на Беллу: она тоже стеснялась. Носилась от холодильника к столу, пытаюсь ничего не забыть. Вилки ронялись, соль просыпалась.

За столом, краснея до слез, Белла завела разговор о Набокове.

— Я почти совсем не знаю русскую литературу, но Набоков произвел на меня огромное впечатление. Он, кажется, был наполовину американец?

— Что вы! — ахнула Леля и пересказала биографию Владимира Владимировича.

Мы с Джошем перепихивались под столом ногами и старались не ржать. Коля налегал на салаты.

Эта девчонка, Белла, нравилась мне все больше и больше. Отличница, перфекционистка. После ужина она показывала нам свои работы.

Эстетика синтоизма¹, роккоко и авангарда. Над столом — портрет Фридриха Великого, на полках — куклы в роскошных нарядах. Белла сама их шьет — с учетом всех деталей, вплоть до китового уса в корсетах.

— Когда ты все успеваешь? — изумилась Леля. — Ты же, наверное, жутко устаешь.

Белла пожала плечом.

— Для меня это хобби. А от хобби не устают.

Целостная натура, как и мать; но Сьюзан — чугунная, а Белла — как вода. На нее бесполезно давить, ее нельзя деформировать — структура не та.

— Береги ее, — сказала я Джошу на прощание. — Второй такой тебе не дадут.

— Да я даже женюсь на ней! — приложил он руки к груди. — Только ты ей пока об этом не говори. А то зазнается.

ЕСЛИ

25 июня 2007 г.

¹ Синтоизм — традиционная религия Японии.

Позвонил Пол. Скучает, солнце мое!

— Нам только и остается, что вилять друг другу хвостами на расстоянии, — сказал он.

И тут понеслось.

Мы размышляли на тему «а что, если б у человека был хвост?» Небольшой такой, сантиметров пятьдесят. Пушистый.

Тогда бы к юбкам и штанам пришивали рукава для хвоста. Иногда короткие, иногда длинные. Девочки бы делали на хвосте прически: веер, косички, стрижечки... Была бы специальная краска для хвоста — хочешь в блондинку перекрашивайся, хочешь в брюнетку.

В магазинах бы продавались средства по уходу за хвостом.

Некоторые панки, без сомнения, брили бы хвост, покрывали его татуировками и унизывали цепочками и колечками.

В гламурных журналах писали бы про важную роль хвоста в сексе. А на порносайтах показывали, как именно его нужно применять.

Для некоторых облысение хвоста было бы настоящей трагедией. Они платили бы бешенные деньги за пересадку волос на хвост. Широкое распространение получили бы парики для хвостов.

В газеты бы писались слезные письма: «Уважаемая редакция! Мой хвост всего лишь сорок сантиметров в длину и 8 миллиметров в толщину. Если вы мне не поможете, я повешусь».

На имейл приходили бы десятки предложений от спамеров: «У вас проблемы с хвостом? Тогда мы идем к вам!»

А если бы парень хлопнул девушку по попе, то в ответ получил бы неслабый удар хвостом.

Повилять, поджать, выставить трубой, загнуть колечком... Красавицы при ходьбе помахивали бы не столько бедрами, сколько хвостом: туда-сюда, туда-сюда... А у мужчин от страсти бились бы не только сердца.

— В соседнем от меня номере живет мужик из Лондона, — вдруг прервался Пол. — Они с женой двадцать лет лечились от бесплодия, а недавно у них родились тройняшки.

— С хвостами?

— Глупыш! Я это к тому, что чудеса случаются.

Вечером:

Ходила с тремя подушками в руках: пыталась представить себя матерью-героиней. Потом два геройства убрала. С одной подушкой намного легче.

ТОВАРЫ И ЦЕНЫ

26 июня 2007 г.

Сейчас посылки из-за границы совсем неинтересно получать. Мама прислала мне новые штаны (made in China), кружевные трусы (made in Korea) и книгу (отпечатано в ОАО «Рыбинский дом печати»). Все то же самое можно купить и в Лос-Анджелесе.

Это я не в зубы дареному коню смотрю — подарки все нужные. Просто грустно: чем удобнее становится мир, тем меньшему я могу удивляться.

Впрочем, кое-что в маминой посылке меня действительно поразило. На бандероль была приклеена марка с нарисованным глобусом. Родину, как и положено, выделили красным цветом. А сверху поместили слова: «РОССИЯ 50 рублей».

ЖИВОТНЫЕ СТРАСТИ

28 июня 2007 г.

Зэк опять уехал на съемки, и вечер Агнессы тянулся по обычному сценарию: приготовить ужин, уложить ребенка, включить телик.

— Дзи-и-инь! — телефон.

Это был Каябьяб.

— Нам надо поговорить. Я в прошлый раз повел себя как чурбан: набросился на вас, наговорил черти-что...

Агнесса растерялась.

— Да нет... Да что вы... Все нормально...

Все это время она думала о нем. Агнесса не поленилась сходить в библиотеку и почитать книги о генно-модифицированных продуктах. Каябьяб оказался прав — и это было ужасно. До нее вдруг дошло, что все могло сложиться по-другому.

Написать ему? Поговорить? Но как общаться с человеком, который считает тебя законченной идиоткой? Ведь нельзя же ему сказать: «Извините, но я не все время дура».

И тут он сам позвонил.

— Он приехал, и мы полночи сидели внизу, у бассейна, — продолжала Агнесса. — Он мне сказал, что это очень здорово, что я не вожу дочь в садик. Наша система образования устроена по принципу фабрик: цеха-классы, мастер-учитель... Все делается от звонка до звонка и по заранее определенному стандарту.

— Прикольно, — отозвалась я.

— Он говорит, что школы в том виде, в котором они есть, были придуманы на заре индустриализации. Детей учили, чтобы они потом могли работать на заводах. Сейчас наступила другая эпоха, и самое важное в наше время — это умение мыслить не как все. А вот этому наши школы не учат.

Разговоры об умном перетекли в поцелуи: Агнесса схватила Каябьяба за руку и потянула к лестнице.

— Поднимайся ко мне.

— А как же Пи-Пи?

— Мы пойдем в другую комнату. Она ничего не услышит.

Лифчик на лампе, шорты на полу. Дверь скрипнула, и Агнесса едва успела накинуть на Каябьяба одеяло.

— Мама... Мне страшно! — На пороге стояла взлохмаченная Пи-Пи.

— Ох ты, боже мой!

Вздохи, увещевания, песенка на ночь. Кажется, уснула.

Агнесса на цыпочках подобралась к кровати и поцеловала Каябьяба.

— Прости, она обычно спит крепко, а тут...

Он не дал ей договорить. Но когда счастье достигло кульминации, ручка двери снова задергалась.

— Мам... Меня тошни-и-ит!

Агнесса вернулась в спальню через час. На душе было и грустно, и сладко. В присутствии Каябьяба она почему-то не чувствовала себя «жертвой социального насилия». Объяснения этому феномену не было: он просто случился.

Каябьяб лежал, закинув руки за голову. Агнесса прикорнула рядом.

— Ты о'кей?

Он обнял ее. Агнесса думала о том, что жизнь — не так уж плоха; что иногда счастливый билет выпадает и костюмершам... Жалко, конечно, что Каябьяб сейчас встанет и уйдет навсегда. Кому нужны тетки с детьми, которых тошнит обломками восковых карандашей?

— Ты уйдешь?

— Нет.

— Это хорошо.

Специально для Пи-Пи Каябьяб сделал вид, что он только что явился в гости. Агнесса готовила завтрак, а он играл с ребенком в пожар.

— Давай я буду диспетчер, а ты пострадавший. Какой у тебя адрес?

Пи-Пи наморщила лоб.

— Кажется, не помню.

— Да помнит она все! — крикнула Агнесса из кухни. — Мы с ней сто раз проходили.

— Я улицу знаю и город знаю. А номер дома забыла.

— Ну, как же так? — огорчился Каябьяб. — Вот будет у тебя дома пожар, ты наберешь 911 и что скажешь?

— Приезжайте на 14-ю улицу к дому, где пожар.

— Каябьяб — это особенный человек, — проговорила Агнесса задумчиво. — Умный, интересный, ленивый...

— То есть? — не поняла я.

— Он сказал, что ему будет лень мне изменять. Понимаешь, всю жизнь моя душа была как театральный туалет: мужики туда заходили, гадили, умывали руки и исчезали. А этот — совсем не такой. Он даже детей и театр любит.

Я попыталась поспрашивать про Ээка: как он живет, что думает обо мне, но Агнесса была не в состоянии говорить ни о ком, кроме Каябьяба. На всякий случай я не стала особо допытываться: а то она еще сболтнет Ээку, что я им интересуюсь.

ДРУЖБА НАРОДОВ

29 июня 2007 г.

Я не нахожу себе покоя с тех пор, как Папа Жао застукал меня с мужем. По ночам в голове крутятся мысли: что мне делать, если он все-таки выдаст меня?

Папа Жао не знает, что Зэк — мой официальный супруг, да и вообще он видел его впервые. Сказать, что я привела друга? Мало ли у меня всяких приятелей? Или лучше вообще отпираться — сказать, что у Жао глюки?

Он вроде не должен болтать — иначе самому надо объясняться Поллом... Но он-то в этом случае только работу потеряет, а я пойду топиться.

В конце концов я решила втереться к Папе Жао в доверие.

Одна из моих клиенток как раз собралась в Китай. Я позвонила Жао:

— Тебе чего-нибудь привезти?

Он передал список из 34 наименований — ни одно из них не выглядело приличным.

— Это что? — спросила я.

— Не бойтесь, не наркотики.

Клиентка обещала помочь. Папа Жао тоже в долгу не остался.

— Завтра в ботаническом саду будет фестиваль. Члены нашего общества шарманщиков-любителей будут демонстрировать свои инструменты. Так что приходите.

Папа Жао раскрывал передо мной все новые и новые глубины души. А я-то все думала: почему он предпочитает механическую мясорубку?

Одной на мероприятие идти не хотелось и я позвала Агнессу. Но ей было не до шарманок. После встречи с Каябюбом у нее в голове что-то переклинило, и она сменила ура-феминизм на ах-романтизм.

— Представляешь, я набрала Каябюбу ванну, положила туда ароматических солей и лепестков роз. Свечки зажгла...

— А он?

— А у него глаза, как у несчастной собаки. Залез в воду, посидел пять минут. «Долго еще?» — спрашивает.

Я сочувствовала, пытаюсь не заржать. Каябюб в розовых лепестках — это сила! Мы с Полом как-то обсуждали романтические советы из глянцевого журнала: «встретьте его в одном кружевном фартучке и туфлях на шпильке», «обмажьте его взбитыми сливками и слизните»... Представили себя — я в переднике и с голой задницей, а Пол весь в сливках, как пирожное. Так хохотали — чуть с кровати не свалились.

— Агнесса, на фиг тебе эти лепестки?

— Я хочу, чтобы у нас были красивые отношения!

Объяснять что-либо бесполезно.

Еще у ворот я слышала карусельные звуки шарманок. Причем не одной, а сразу нескольких: они перекрывая друг друга, как репетирующие студенты консерватории.

Народу было полно. Члены общества шарманщиков — в пикейных жилетах и шляпах-канотье, — крутили ручки музыкальных ящиков. Только агрегат Папы Жао работал на ножном приводе: рядом с огромной шарманкой стоял велотренажер, на котором трудился взмыленный подросток. Рядом помещался ящик с корявой надписью: «Покрутить шарманку — \$3».

Медные трубы сияли на солнце; под бравурную музыку на сцену выезжали деревянные лошадки, разворачивались и уезжали. Дети смотрели во все глаза.

— Мам, смотри! — верещал какой-то мальчишка. — Это дедушка телевизора!

Пока желающие играли на шарманке, Папа Жао расставлял товар в палатке сувениров.

— У меня самая лучшая шарманка во всем обществе, — сказал он, не поднимая взгляда. — Девятнадцатый век, Австрия, ручная работа.

— А что за музыка? — спросила я. — Что-то восточное?

Папа Жао даже оторопел.

— Это гимн Китайской Народной Республики!

Он был явно разочарован во мне. Некоторое время Жао бормотал что-то себе под нос, а потом все-таки решил дать мне еще один шанс.

— Вы можете помочь мне с сувенирами?

Я оглядела разложенные на прилавке игрушечные шарманки.

— Могу, наверное. А что нужно делать?

— Стойте в сторонке — вон там, в кустах, и когда я спрошу: «Сколько?», кричите: «Двадцать пять!»

Что он имел в виду, я поняла через минуту, когда к сувенирной палатке подошел мужчина с дочкой. Девчонка висела у него на руке и канючила: «Папа, купи шарманку, купи шарманку!»

— Почему они у вас? — устало спросил мужик.

Жао сдвинул канотье на затылок.

— Мардж! Сколько?

— Двадцать пять! — отозвалась я.

Он приложил руку к уху.

— Не слышу!

— Двадцать пять!

— А?

— Двадцать пять!!!

— С вас двадцать долларов, сэр!

Мужика надо было видеть. Осознав, что он может надуть глухого продавца, он тут же вытащил кошелек.

— Вот деньги. Спасибо. Пойдем, дочка.

Довольно ослабившись, папа Жао сунул двадцатку в карман. Точно таким же способом мы продали еще четыре игрушки, и каждый раз покупатель был уверен, что совершает сделку века.

Коммерция сроднила нас с Жао лучше, чем совместное преступление. Я попросила у него записать китайский гимн на мобильник. Он рассказал мне два анекдота, из которых следовало, что китайцы — самый умный и предприимчивый народ.

— Белые тоже иногда умные попадают, — из вежливости добавил Папа Жао. — Мистер Пол, например. Вы, Мардж, хотя бы понимаете, как вам повезло?

— Понимаю.

— А вы с другим мужиком гулять пошли... Позор, между прочим.

Про свои грехи Папа Жао напрочь забыл.

— Да у меня ничего с ним не было! — оправдывалась я.

— То-то он первым делом в ванную пошел.

Пришлось на ходу изобретать историю о том, что Зэк — это мой клиент, что у него семья, что его жена сидела в машине, пока он ходил писать. Жао недоверчиво слушал.

— Что на это скажет мистер Пол — ума не приложу.

Я не успела ответить: на меня кто-то налетел, поднял в воздух и поцеловал.

— Привет, дорогая!

Это был Зэк. Вокруг прыгала Пи-Пи.

— А нас мама отправила гулять. Сказала, что ты будешь здесь.

Я оглянулась на Папу Жао. У него был взгляд Председателя Мао, разоблачившего врага народа.

Сбежала. Зря, конечно: нужно было вести себя как ни в чем ни бывало.

Поспрашиваю у знакомых: может, у кого есть связи с китайской мафией? А то они уж который год ищут Папу Жао — надо помочь ребятам.

ИГРЫ СО ЗВЕЗДАМИ

1 июля 2007 г.

Нормальные женщины часами думают о любимых мужиках, а ненормальные — о ненавистных тетках. Следят за ними, пытаются найти ответы на «Как она могла?!»

Орла написала в блоге, что у нее взял интервью какой-то журнал. И тут меня озарило.

Мысль была гнусная, но интересная: я написала Орле письмо, представилась журналисткой польской газеты «Psia Krew¹» и попросила ответить на вопросы редакции.

Я очень надеялась, что меня разоблачат и не дадут совершить задуманное: ничего подобного! Орла с охотой согласилась. Сейчас читаю распечатку нашего разговора по ICQ:

Psia Krew: Почему вы начали писать?

Orla: В один прекрасный день посмотрела на себя в зеркало и увидела бесполезного человека. Паровоза не изобрела, в космос не слетала... Пришлось стать писателем.

Psia Krew: Вам нравится то, что получилось?

¹ Psia Krew — польское ругательство. Буквально означает «собачья кровь».

Orla: Я реально помогаю людям — и этот факт говорит сам за себя.

Psia Krew: Чем же?

Orla: Убивать время. Подавляющее большинство людей читает книги исключительно с суицидальными целями: они хотят уйти из своей жизни... например, в мою. Вернее, в ту, что я придумала.

Psia Krew: И вам не страшно помогать им в этом?

Orla: Гораздо страшнее, если они останутся в своей жизни больше, чем это необходимо. Представьте себе: вы работаете на консервном заводе. Ваш день наполнен рыбьими кишками и воплями мастера. Дома муж в застиранной майке; сына опять выгнали из школы. Вы, журналисты, обитаете в чистеньких офисах с кондиционерами, и знать ничего не хотите о том, кто режет ваших цыплят и вывозит ваш мусор. Между тем, таких людей большинство, и среди них немало читающей публики.

Psia Krew: С теми, кто вас любит, все понятно. А что вы думаете о тех, кто вас критикует?

Orla: Они дураки. Если исходить из их логики, все картины должны писаться в одном стиле (который нравится лично им), а все женщины должны выглядеть на одно лицо. Нет такого понятия как «качественная литература», понимаете? Есть простые вещи — земля, ложка, яблоко. А качество — это ваше личное мнение об этих вещах. Если вы думаете, что Шекспир — это великая литература, проведите опрос общественного мнения и покажите мне результаты. Но вопрос надо задавать по всему миру — арабам, китайцам, эскимосам. Великое — оно же для всех должно быть очевидным, правда? Иначе чем Шекспир лучше Барбары Картланд¹? Тем, что кто-то когда-то поместил его в школьный учебник?

Psia Krew: Давайте поставим вопрос по-другому: исторически сложилось, что великое произведение должно соответствовать ряду канонов. Вы стремитесь их придерживаться?

Orla: Исторически сложилось, что в этом нет необходимости. Я вам могу объяснить, что такое табуретка, а вы можете объяснить мне, что такое великое произведение? Табуретка — это набор атомов и пустоты. Причем атом — это ядро,

¹ Барбара Картланд (1901-2000) — английская писательница, автор немудрящих 723 дамских романов.

электроны и пустота. Если вы возьмете ядро атома, то выяснится, что и оно — набор пустоты и нуклонов. Нуклон — это пустота и кварки, и так далее. Если смотреть вглубь вещей, то окажется, что наш мир — это пустота. Теперь отвечайте, что такое великое произведение!

Psia Krew: Ну хорошо, оставим это. Какие у вас планы на будущее?

Orla: Стать самым продаваемым писателем Америки.

(Корреспондент долго хохотал, но потом взял себя в руки).

Psia Krew: Вы увлекаетесь чем-то еще, кроме литературы?

Orla: Мне нравятся станковые пулеметы первой половины XX века. Я разбираюсь в них лучше, чем любой военный и уж тем более историк.

Psia Krew: Откуда такое странное увлечение?

Orla: Это память о дедушке. Он был итальянцем и во время Эфиопской кампании¹ попал в окружение. Вы представляете, что это такое — когда на вас несутся всадники на боевых верблюдах? Если бы не пулемет, меня бы на свете не было.

Psia Krew: Вы счастливый человек?

Orla: Нет. Для того, чтобы быть счастливым, нужно не иметь мозгов и совести. Нужно верить, что наше трепыхание имеет смысл.

Psia Krew: А как же ваше желание быть полезной? Это тоже не имеет смысла?

Orla: Это имеет смысл только для меня самой. Так я убиваю свое время.

Psia Krew: Что говорят о вашем творчестве близкие? Они поддерживают вас?

Orla: У меня нет близких. И это ни в коей мере не трагедия для меня. Я люблю и уважаю себя в одиночестве.

Psia Krew: Но у вас были, наверное, мужчины?

Orla: Польским читателям знать об этом не нужно.

Psia Krew: Ну хорошо. Что вы думаете о себе и своих взаимоотношениях с мужчинами?

Orla: Я стерва — умная, независимая и способная на серьезные поступки, — и мне ничего не стоит запудрить мужчине мозги. Но долгосрочные отношения — то есть дружба — меня не интересуют.

¹ Итало-эфиопская война 1935—1936 гг. — попытка Италии присоединить Эфиопию к своим восточно-африканским колониям.

Psia Krew: А как же любовь?

Orla: Любовь — это продукт из той же серии, что и «качественная литература». Влюбленность — да, такое явление существует. Но это очень недолговечная штука: все охи-ахи под луной заканчиваются через несколько месяцев. Потом надо либо дружить с мужчиной, либо терпеть его. Терпеть я никого не собираюсь, а дружба для меня священна: она должна быть абсолютно бескорыстной. Но так могут дружить либо мужчины с мужчинами, либо женщины с женщинами. Дружба между полами — это нонсенс: и с той, и с другой стороны всегда будет присутствовать элемент потребительства. Женщина захочет от своего «друга» денег или общественного положения, а мужчина будет просто хотеть женщину. Разумеется, когда мне надо, я могу притвориться, что это не так, но только до тех пор, пока это выгодно.

Psia Krew: Довольно смелое заявление для СМИ. Не боитесь распугать потенциальных поклонников?

Orla: С поклонниками все будет в порядке. Поверьте мне, ничто так не возбуждает мужчин, как открытый вызов.

Psia Krew: И все-таки, наверное, не стоит сводить любовь только к романтической влюбленности. На этой планете живет 3 миллиарда мужчин. Неужели среди них нет тех, кто любит вас такой, какая вы есть, — всерьез и надолго?

Orla: Почему? Есть. Но это любовь не к человеку, а к божеству. Что-то вроде индусской богини-разрушительницы Кали. Извините, мне нужно работать. До свидания.

Какой персонаж! Забавно, что Агнессин «феминизм» и «стервология» Орлы во многом перекликаются. Но Агнесса — теплая и родная, хоть и со странностями. За это ей Каябьяб и достался. А Орла — девушка-танк. Наверное, в глубине души она тоже мечтает о Принце на Белом Конне. Но кто ж с конем против танка поперет?

Ощущения от разговора смешанные.

Вечером:

Кстати, не все так просто с пустотой. Я посмотрела в справочнике: вокруг ядра атома находится не пустота, а «электронное облако». Электрон движется по нему с такой бешеной скоростью, что совершенно невозможно сказать, где он находится в тот или иной момент. Он как бы везде и нигде в пределах своей орбитали.

Кажется, электрон — идеальная модель смысла жизни.

ВЗГЛЯД

2 июля 2007 г.

Судя по всему, тема стерв сейчас крайне популярна. Публикуются статьи в глянце, выходят пособия для начинающих. Говорят, даже специальные курсы существуют. Я все понимаю: девочкам охота шубу, шапку и, если можно, босоножки на платформе. С прохожего снять страшно, заработать — никак, вот и приходится обучаться стервологии: вдруг поможет?

Тут, вероятно, есть путаница в терминологии.

По-русски «стерва» — это 1) падаль, полуразложившийся труп, 2) отвратительный, подлый человек.

По-английски «bitch» — это 1) самка собаки, 2) злобная, язвительная, навязчивая женщина, любящая доминировать.

Откуда пошла легенда, что стерва — это синоним успеха и крутизны, неизвестно. Это все равно, что считать, что собака, которая громче всех лает, лучше всех живет.

Стерва — человек по определению недалекий. Она может быть умной в бизнесе или на кухне, но в общем, по жизни, она именно дура.

Глупо ожидать, что мужчина, с которым ты ведешь себя как стерва, будет по-настоящему тебя любить. Разве что какой мазохист-стервятник попадется.

Глупо верить, что коллеги, будут помогать тебе в работе, если ты стерва.

Глупо считать, что если мужчина захотел с тобой переспать, то это потому, что ты стерва. Скорее всего, у тебя просто красивые ноги, или он перебрал лишнего на вечеринке. Когда он слегка привыкнет к ногам (или протрезвеет) и выяснит, что перед ним стерва — он либо бросит тебя, либо будет *откупаться*. Неизвестно, что унизительнее.

Глупо полагать, что шапка и шуба сделают тебя счастливой. Так могут думать только те, у кого ни шапки, ни шубы отродясь не было.

Единственный способ надолго привлечь к себе умного и состоявшегося мужчину — это быть умной и состоявшейся женщиной. А это никакого отношения к «стервологии» не имеет.

Единственный способ стать умной и состоявшейся, это читать умные книжки, заниматься своим здоровьем, не общаться с дураками, не сидеть сложа руки и быть хорошим человеком (то есть великодушным и справедливым). Работает только все вместе.

Я видела стерв на своем веку — ни одна из них не счастлива. У некоторых есть деньги, но ни у одной нет настоящих друзей и любви.

Я видела на своем веку очень умных и интересных мужчин — ни один из них не свяжется со стервой: они не общаются с дурами и берегут свое здоровье (Кевин не в счет — у него раздвоение личности, и он умный не то что через день, а скорее через час).

Перечитала написанное — долго смеялась. Автор сего опуса четыре раза была замужем и каждый раз мужики от нее сбегали. Она флиртует со своим бывшим, подставляет нынешнего, надсмехается над беззащитным племянником... А не далее, как вчера, она подло обманула несчастную писательницу.

Интересно, на что рассчитывает автор?

КАРЬЕРА

3 июля 2007 г.

Орла уже определилась с направлением карьеры. Она у нас богиня разрушения — в первую очередь, мозгов.

А я богиня чего? Ну, чисто теоретически?

Плодородия? Тут личный пример надо показывать. А у меня с плодородием как-то туговато.

Искусства? Любви?

Пожалуй, лучше всего быть богиней искусственного оплодотворения. Я бы и себе заодно помогла.

КАРАВАН ИСТОРИЙ

4 июля 2007 г.

Орла упомянула о своем итальянском предке — участнике нападения на Эфиопию в 1935 году. Дуче Муссолини — с артиллерией, бомбардировщиками и ядовитыми газами — навалился на феодальное царство, где самым грозным оружием считалась кривая абиссинская сабля. Семь месяцев бойни — 750 тысяч покойников.

В 1997 году я добровольницей ездила в Танзанию — строить деревенскую школу. Самолет задержался в Дар Эс Салааме, и мы полдня проторчали в аэропорту. В числе нашей группы был историк Эдвард Дел Амо, красавец-дед, специализирующийся по Восточной Африке. Он-то и рассказал мне про русского летчика Мишку Бабичева — героя эфиопской войны.

Его так и звали — Мишка. Папа был поручиком русской армии, осевшим в Аддис-Абебе, мама — местной аристократкой. Мишка сроду не бывал в России, но по-русски знал прилично и Богу молился по-православному.

Жизнь текла неспешно — запах лучшего в мире кофе, раскаленная пыль, священники под вышитыми зонтиками... Уйдя в отставку, батя Иван Филаретович, развел под столицей хозяйство — по всем правилам барского подворья. Тут тебе и

коровники, и конюшни, и помещицья усадьба с колоннами по фасаду. Только вместо рязанских мужиков — длинноногие негры.

Мишку, как сына старшего и даровитого, отправили учиться за границу. Вскоре батя настучал телеграмму: «Езжай домой. Дело есть». Делом оказались шесть французских бипланов «Потэ», купленных императором Хайле Селассие для создания национальной авиации.

Так Мишка превратился в личного пилота его величества.

Небо — такой синевы, что казалось накрашенным. Под крылом — желтая, как масло, земля...

Мишка летал во все концы страны — со срочными депешами, медикаментами и важными персонами. Иногда на борт поднимались вожди дружественных племен. Подобрал бусы, разрешали надеть на себя шлем с очками. После приземления Мишка вытаскивал их чуть живыми из кабины и сдавал начальству.

Все предчувствовали, что с Италией будет война — все, кто вообще знал, что такое Италия. Слава римских императоров не давала спать Муссолини: Эфиопию надо было завоевать потому, что ее еще никто не завоевал. На каждого босоного воина приходилось по 3 итальянских солдата с винтовками. На каждый допотопный Потэ — 11 современных самолетов.

Мишке и его коллегам — французским летчикам на эфиопской службе — был отдан приказ: ни при каких условиях не вступать в бой. Эфиопия могла терять людей, но не машины.

Небо попрежнему было синим, а земля, как ковром, покрывалась трупами: итальянцы считали эфиопов чем-то вроде тараканов, и расправлялись с ними тем же способом: травили химией. «Высшая раса» оказалась хуже людоедов.

Мишкин Потэ мог поднимать 4 бомбы за раз — однако поднимать было нечего. Император Хайле Селассие молил Лигу Наций о помощи: «Сегодня — мы, а завтра будет ваша очередь!». Но шел 1935 год, и мало кто верил, что Муссолини — это серьезно. Италию осудили, и на этом все кончилось: французы и англичане делали деньги на этой войне — не напрямую, конечно, а за счет поставок нефти.

Газеты пестрели жуткими фотографиями, а европейцы заворачивали в газеты рыбу. До голода и концлагерей в самой Европе оставалось совсем чуть-чуть.

Мишкин Потэ сломался еще в воздухе. Мотор закашлял, как туберкулезник. Сердце ухнуло вниз: «Ой, мама...»

Мишка приземлился посреди деревни: круглые хижины, над одной из них — крест: церковь.

Выскочил из кабины — улица была пуста.

— Эй, кто тут живой? Я из столицы! У меня авария!

Осторожно, шаг за шагом, стали приближаться люди. Некоторые с саблями.

— Я — человек императора!

— Вот это еропла-ан! — запищала ребятня и первой сунулась знакомиться.

Девушки цвета горького шоколада. Удивительной красоты лица. Мишку боялись и заранее обожали, ибо летать по воздуху без колдовства нельзя.

Безногий старейшина, ездивший по всем делам на осле, принял Мишку у себя. Понимали друг друга плохо: у каждого свой диалект.

— Мужчины ваши где?

— Так ведь негус, царь царей, забрал их на войну. Сказал, что даст оружие...

Теперь каждый домой по оружию принесет.

Мишка передохнул. Половина эфиопской армии встала не под ружье, а под копье. Это против пулеметов!

Он попытался объяснить, что для починки самолета нужен шланг; показал деду, что откуда отвалилось...

— Богу надо молиться, — подумав, сказал тот. — И шамана для верности позвать. Он у нас — голова!

Мишка сел на землю. В планшете у него лежала важная депеша. У эфиопов не было толковых шифровальщиков, и все сообщения по радио перехватывали итальянцы. Единственной надеждой оставались маленькие Потэ да их летчики.

Девушка в платке пожарила для Мишки кофейных зерен, растолкла в ступке и заварила крепко-крепко... Потом принесла огромную лепешку-инджара с овощами.

— Вчера человек заходил, — сказала она, не поднимая глаз. — Говорил, с неба пошел дождик — а туч не было. Все люди вдруг повалились на землю, ухватились за глаза и стали кричать. Потом умерли. И коровы умерли, и козы... А еще у них был верблюжонок — он тоже сдох. Это казнь египетская или как? Нам про нее в церкви рассказывали — когда я маленькая была.

— Тебя как зовут? — спросил Мишка.

Она не успела ответить. Послышал гул мотора. Мишка вскочил. По дороге ползла металлическая коробка на гусеницах. Танкетка!

Дальше все было как во сне: строчил пулемет, орали дети. Схватив булыжник, Мишка кинулся за машиной. Вскочил сзади на броню и жажнул камнем по дулу. Очередь захлебнулась. Танкетка завертелась на месте, пытаясь обнаружить врага.

Обоих итальянцев — командира и водителя — зарезали саблями: пацаны тыкали ими в смотровые щели, пока внутри все не стихло. Машина врезалась в дерево и завалилась набок: ее гусеницы еще долго крутились на холостом ходу.

Перевязывали раненых, хоронили убитых. Девушка, которая поила Мишку кофе, получила пулю в спину.

— Уходите отсюда, — сказал Мишка старейшине. — Они опять придут.

Тот почесал ослу шею.

— Куда же мы уйдем?

Мишка ничего не ответил. Поковырявшись в танкетке, он раздобыл все, что нужно для ремонта. Недаром батя, Иван Филаретович, говорил: «Технарь! Из ведра лопату сделает!»

Доставленная депеша помогла разгромить обоз итальянцев,двигающийся на подкрепление генералу Бадольо. Впрочем, это уже были последние дни сопротивления. Эфиопы сражались так, как их учили отцы и деды: забывая себя, на полном скаку. А враг, не торопясь, расстреливал их как на охоте.

В мае 1936 года Мишка вместе с императором отправился в изгнание. Они вернулись через пять лет вместе с английскими войсками. К тому времени Британия уже воевала и с Гитлером, и с Муссолини, и ей был нужен контроль над

Красным морем. Через Суэцкий канал в Северную Африку шло подкрепление из Австралии и Индии, и подход к нему нельзя было оставлять в руках итальянцев.

Мишка до конца дней оставался любимцем императора и его личным пилотом. Когда он умер, его похоронили возле собора Святой Троицы в центре Адис-Аббебы. На могиле сделали надпись: «Здесь лежит Мишка Бабишев, первый эфиопский летчик».

КНИЖНЫЙ БИЗНЕС

5 июля 2007 г.

На книжном рынке Америки та же ситуация, что и в России — львиная доля продаж приходится на пятерку ведущих издательств. Они-то и зажигают литературные звезды, и платят им миллионные гонорары.

Пробиться туда, на Олимп, — мечта каждого агента. Но если тебя не знают лично, очень мало шансов, что к твоим рукописям притронется кто-нибудь, кроме уборщиц.

Когда я сунулась в литагентский бизнес, я думала, что стоит мне найти толкового автора, как от предложений отбоя не будет. Ага, как же...

С первой сделкой мне повезло — редактор полез в кучу *самотека* и выудил «мою» рукопись. Книгу опубликовали, автор пришелся ко двору... А вот дальше дело застопорилось: нужны были новые связи. У меня на столе лежал роман начинающей писательницы ужасиков. Конечно, ее можно было пристроить куда-нибудь в средненькое издательство, но дело бы кончилось мягкой обложкой и ерундовым гонораром. А я чувствовала, что книга может пойти — ей требовался лишь вменяемый редактор, преданный пиарщик и толковый дистрибьютер.

...Студент-медик ехал на машине и слушал радио. Покрутил ручку настройки и вдруг наткнулся на странную передачу, которую вел... призрак. Мертвые передавали приветы и песни живым.

Мисс Зиновия возглавляла редакцию психологических триллеров в одном из крупнейших издательств Нью-Йорка. Но как к ней подъехать, я не представляла.

Идею подкинул Джош.

— Не пойду к зубному! — вопил он.

Леся пыталась его увещевать.

— Но он только с тобой познакомится.

— Хочет знакомиться, пусть платит деньги!

Перебрав подшивку Publishers Weekly, я выяснила, кого из авторов-новичков выпустила Зиновия. Нашла, прочитала их книги и изучила биографии.

Дозвонившись до редакции, я представилась президентом читательского клуба.

— Могу я поговорить с мисс Зиновией?

— По какому вопросу? — осведомилась секретарша.

— Мы учредили премию «За литературное открытие». Она присуждается редактору, выпустившему лучший роман автора-новичка. В этом году награждается мисс Зиновия.

Меня сразу же соединили с виновницей торжества.

— Наш приз — поездка на Карибы в любое удобное для вас время!

Мисс Зиновия была тронута. Она назначила дату, я купила билеты и, как президент читательского клуба, отправилась вместе с ней.

Целую неделю мы не расставались: загорали, купались и болтали. Я слушала ее, затаив дыхание. Ас! Настоящий литературный волк! А Зиновии до смерти нравилось мое восторженное внимание.

Расстались подругами. Через пару недель я отправила ей рукопись. Ответ пришел через три дня: «Берем!»

На Карибы я потратила три тысячи долларов (не считая своих билетов). Заработала на этом деле отличного друга и десять штук.

Несколько лет спустя за бутылкой вина мы разоткровенничались.

— Я ведь тебя пасла, как влюбленный — девушку, — призналась я.

— Да знаю! — хмыкнула Зиновия. — Я молчала. А то думаю, испорчу девчонке аферу: она испугается и за мой коктейль не заплатит.

Сегодня ей еще одну книгу продала. И корзину цветов отправила — такой у нас ритуал ухаживания.

YES!

6 июля 2007 г.

Я придумала, как бросить курить. Лелин благотворительный фонд при церкви опекает в России детский дом. Леся показала мне фотографию мальчика, у которого заячья губа. Ему сделали неудачную операцию, и в шесть лет ребенок не говорит — не может.

Администрации детдома все равно. А у воспитательницы, которая рада бы помочь, нет денег на врачей.

Я профинансирую новую операцию из своих сигаретных трат. Если я покупаю пачку, эта сумма вычеркивается из денег на операцию. Мне совесть не позволит курить.

ВОКРУГ СВЕТА

7 июля 2007 г.

Пол вернулся!

Когда он сказал, что полетит в Мумбаи, я даже не сразу поняла, где это. Оказалось, что в Индии: это теперь так Бомбей называется. Местные националисты аж до 1995 года переживали: как так, крупнейший город страны носит имя, данное португальцами? Теперь все в порядке: с колониальным наследием покончено, народная совесть может спать спокойно.

Вывеска сменилась, а суть, разумеется, нет.

Красота и страх господень чередуются в Мумбаи по принципу «вдох» — «выдох». Туристы так и реагируют: роскошные дворцы — ах! А рядом буйвол насрал — «фу-у-у!».

На заплыванной мостовой спят прохожие. Это нормально: устал, прилег — очень удобно.

Нищие — стаями. Суют детей в окошко такси, показывают такие уродства, что голливудским гримерам и не снились. Упаси господь дать кому-нибудь денег: весть о щедром иноземце мигом разнесется по окрестностям — и тогда уж не отстанут.

Сюда едут мигранты со всей страны — ради заработков, ради шанса на лучшую долю. Шестьдесят процентов населения живут в трущобах. Индийская трущоба — это четыре палки, воткнутые в землю, сверху — целлофан, снизу коробка и ведро. Дом готов, заходите в гости.

Пол показывает мне фотографию рекламного щита: джентельмен в костюме держит мобильник новейшей конструкции. Снизу надпись: «Зачем платить больше?» А под щитом сидит мужик в чалме и продает рупоры.

Продают все и вся — краденые ложки, старинные свитки, самодельные печати, зажигалки, цветы для ритуальных церемоний и сломанные зонты — на запчасти. Мимо медленно ползут автомобили — таких пробок, как в Мумбаи, наверное, нигде нет. Буйволы ревут, водители сигналият, пассажиры чертыхаются, вылезают из машин и идут пешком.

В Мумбаи — сердце Индии. Именно здесь находится знаменитый Болливуд¹. Спроси любого араба, перса или идийца: Кто такой Роберт де Ниро? Он только глазами похлопает. А вот Айшвайю Раи или Хритика Рошана знают все.

— Индийцы снимают в два раза больше фильмов, чем Голливуд, — говорит Пол. — Наши фильмы смотрят два с половиной миллиарда человек. Их — три с половиной. Голливуд курит.

Я вспоминаю свою юность — в СССР индийские фильмы были хитами номер один. Сколько слез было пролито над несчастной любовью, сколько денег потрачено на дополнительные сеансы...

¹ Термин произошел от слов «Бомбей» и «Голливуд». С Болливудом обычно ассоциируется индийское кино на языке хинди, но помимо него существует еще и Колливуд, выпускающий фильмы на тамильском языке, и Толливуд — выпускающий фильмы на бенгальском языке и языке телугу.

Вражеская киностудия приняла Пола как родного. Кланялись всем коллективом.

— Откуда вы приехали? Как вам Индия?

Владелец, господин с невыговариваемой фамилией, выслушал жалобы Пола.

— Да, да... Нарушение авторских прав... Мы сами жутко страдаем от этого. Наши фильмы перегоняются на пиратские DVD еще до начала проката. Даже в Пакистане, где индийское кино запрещено, и то расходятся миллионные тиражи. Вам хорошо — вы и так забираете 75 процентов мировых киноборов. А у нас половина фильмов даже в прокат не выходит.

Пол ему о плагиате, а он ему — о бедах индийского кинематографа.

— У нас кредит на фильм выбить невозможно. Знаете, кто нас финансирует? Очень часто мафия. А потом нас же и шантажирует. Это очень тяжелый бизнес.

Пол тщетно пытался перевести разговор в нужное русло.

— Сочувствую. Только за использование чужих работ надо платить.

— Где использование? У нас использование?! Ну да, некоторая схожесть имеется. Но вы сами посудите: у вас боевик — у нас мелодрама. У вас главный герой — блондин, а у нас брюнет, красавец, любимец индийских женщин.

Крутили-вертели несколько недель — с нулевым результатом. За это время Пол побывал на десятках съемочных площадок и пересмотрел кучу фильмов.

Кино длится три часа. Все сюжеты похожи друг на друга как драже-горошек. Страсть и ревность, песни и танцы. При этом поцелуи на экране запрещены, а мордобитие — сколько угодно.

Кевин чуть ли не каждый день названивал Полу.

— Так они денег дадут?

— Индийскому правосудию — да. Нам — нет. Это другая планета. Знаешь, сколько у них длится процесс? Годами. В Индии запрещено работать иностранным адвокатам. Так что если ты хочешь судиться, тебе придется нанять местного юриста.

Кевин бился в конвульсиях.

— Это им так просто не сойдет с рук! Я буду сражаться до конца!

— Ну и зря. Лучше договорись по-хорошему. У нас фильм стоит 60 миллионов, а у них — пять: производственные расходы очень низкие.

Представляешь, их плотники берут по 6 долларов в день.

— Сколько?! Шесть баксов? А массовка?

— И того дешевле.

— Хм, надо нашим продюссерам сказать. Может, мне к вам приехать?

Слушай, а в этом Мумбаи есть приличные гостиницы?

Получив необходимые инструкции, Кевин рванул в Индию.

Свастики на заборах особняков — древний символ благополучия. Парная жара, лужи на дорогах.

Почетных гостей провели в сумрак дома. Хозяин с невыговариваемой фамилией поблагодарил за оказанную честь.

— Это правда, что ваши актеры одновременно снимаются в дюжине фильмов? — спросил Кевин.

Хозяин вежливо улыбнулся.

— Иногда — да. Актерам нужно зарабатывать деньги и давать как можно больше поводов для сплетен. Конкуренция бешеная: если не будешь работать на износ — затопчут.

— Но ведь качество фильма наверняка страдает?

— Мы по-разному понимаем, что такое качество. Вы не знаете Индию: весь этот аутсорсинг, индийское экономическое чудо и IT-технологии — туфта. Наш зритель простой, необразованный и сроду никуда не ездивший. И его интересуют простые вещи: любовь-кровь, песни-танцы. А ваши демократические лозунги и нравственные выборы его не волнуют.

Египет, Иран, Афганистан, Китай, Тайланд, Индонезия... Жители самых густонаселенных стран, затаив дыхание, смотрят индийское кино.

Их работа тяжела и однообразна, их браки нередко составляют родители. Какая уж там любовь? И сказки о красивой жизни и красивых чувствах — это как раз то, чего им не хватает.

Вечером:

Задумалась: интересно, чего не хватает Кевину, если он все время снимает кровавую хрень? Тот же вопрос к его зрителям.

ЭГО

8 июля 2007 г.

Неправ был старик Линней¹, назвав человека Homo sapiens. Какой тут, на фиг, разум!

Пол и я так скучали друг по другу, так мечтали встретиться... Он приехал, и мы тут же превратились в нервных и обидчивых придурков.

Пол привез мне индийских сигарет, а я курить бросила. Он надулся: «Что ж ты мне по телефону не сказала?» Что-что... Хотела сюрприз сделать.

С другим сюрпризом тоже черти что получилось: я купила Полу наикрутейший портфель, и вчера ему прислали каталог изготовителя. На каждой странице был запечатлен Зэк в качестве модели. Пол решил, что я это специально подстроила, чтобы напомнить про обещанную юридическую помощь.

— Раз я обещал, что вытащу его, значит, вытащу. Я не понимаю, почему ты так цепляешься за Зэка?

— Да ничего я не цепляюсь!

— Неужели?

Мы с Папой Жао столкнулись в коридоре. Оба на секунду замерли.

— Ты ничего не рассказал?

— А вы не рассказали?

Недоверие — худший яд. Папа Жао чистил сковороду, я писала дневник, Пол смотрел футбол. Каждый разве что искры не пускал.

Когда Жао ушел домой, Пол оторвался от телевизора.

— Как дела у Зэка?

¹ Карл Линней (1707-1778) — шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира.

Не поворачиваясь, я напечатала во весь экран: «НОРМАЛЬНО».

Спали порознь: я на кровати, он на диване в гостиной. С утра проснулась — а у него на подушке книга Орлы, раскрытая на середине.

Придурки...

ПОДРУГА

9 июля 2007 г.

Я красила в ванной глаза, когда в дверь позвонили. Пол пошел открывать.

— Привет, к тебе можно?

Это был Тедд Тернер, муж Мелиссы.

— Что случилось? — Голос Пола звучал встревожено.

— Ну... Я, собственно...

Они прошли в гостиную. Закинув тушь в косметичку, я выскочила следом.

Тедд сидел на диване: борода растрепана, веки красные.

— Вчера мой младший сын пришел домой весь в крови. Его избили...

— Кто? — ахнула я.

Пол замахал на меня руками:

— Иди, иди!

— Тедд, кто его избил?!

— Дети! Я записал его в спортивный лагерь при школе. Брайан стал переодеваться в раздевалке, и они увидели *это*...

Мелисса никогда не говорила, что у Брайана на спине есть родимое пятно — огромное, черно-коричневое и сплошь заросшее волосами.

— Они стали кричать, что в Брайана вселился Чужой, и что его надо убить, — сказал Тедд. — Они закидали его кроссовками...

Пол налил ему виски.

— Вот звереньши!

— Брайан отказался возвращаться в лагерь. Сжался в комочек на кровати, глаза такие — «Папочка, спаси!» Мелисса орет и плачет. Я ушел о них...

Я слушала, прижав руку к губам. В голове метались мысли: бежать к Мелиссе, утешать Брайана, утешать Тедда...

На него было больно смотреть. Мне вспомнились слова, сказанные когда-то Мелиссой: «Тедд все переваливает на меня. Вообще не умеет бороться с проблемами и чуть что — удирает».

Я перевела взгляд на Пола.

— Поехали к ним! — сказал он.

Семейство Тернеров обитает в масонском храме, переделанном под жилой комплекс. Мелисса купила самую маленькую квартирку в самом дальнем углу — на большее денег не хватило.

— Понимаешь, тут особая атмосфера!

Чугунные винтовые лестницы, запах старой пыли, охранник, похожий на стражника.

Я еще издали заметила, что на крыльце масонского дома что-то происходит. Охранник стоял, растопырив руки, и пытался сдерживать наседающую толпу человек в тридцать.

Я опустила стекло машины.

— Нельзя сюда! — орал он. — Отойдите, а то полицию вызову!

— Ведьма! Да ее убить мало!

Я оглянулась на Тедда. Он был белым, как яйцо.

— Это Мелисса. Она что-то натворила.

Парковаться было негде — все тротуары были забиты машинами. Покружив по улицам, мы нашли свободное место и бегом помчались назад.

На место происшествия уже прибыла полиция. Толпа выросла вдвое за счет любопытных. Пол ринулся в атаку:

— Я адвокат. Пропустите!

Мы с Теддом продирались следом. Охранник узнал его, и нам позволили войти в дом.

Тедд постучал в дверь.

— Дорогая, это я.

Мелисса не сразу открыла.

— Ты один?

— Со мной Мардж и Пол.

— Я их прокляла — всех до единого! — кипятилась Мелисса.

Мы сидели вокруг кухонного стола. Время от времени из детской высовывался Шон:

— Мама...

— Я кому сказала: сидите там?! — рявкала Мелисса.

Пол морщился как от боли.

— Ты чокнутая баба.

После того, как Тедд уехал, Мелисса оставила детей дома, а сама отправилась в школьный лагерь, разыскала каждого из обидчиков Брайана и прокляла их. Причем не просто так, а наслала на их головы все, что только можно — от “F”¹ в таблице до импотенции.

Перепугавшись, дети бросились названивать родителям. Через час вокруг масонского дома образовался стихийный митинг. Возмущенные мамы требовали выдачи ведьмы и предания ее суду Линча.

— Им это даром не пройдет! — буйствовала Мелисса. — Мои проклятья крепкие. Их еще в Древнем Египте использовали.

— Балда ты, прости Господи! — отозвалась я. — Эти дети учатся вместе с Брайаном. Теперь его придется в другую школу переводить.

— Это мы еще посмотрим!

В дверь постучали, и Пол пошел открывать.

— Полицейские хотят переговорить с тобой, — сказал он, вернувшись.

¹ F — самая низкая оценка в американских школах.

Когда Пол, Тедд и Мелисса ушли, я заглянула в комнату к мальчишкам. Двухъярусная кровать, компьютер, обычный детский беспорядок... Брайан лежал на одеяле носом к стенке. Шон сидел рядом и молча держал его за руку.

— Брайан, — позвала я.

Он не откликнулся.

— Мы разберемся с этой проблемой, и все будет хорошо.

Шон плакал.

— Если бы я мог, я бы забрал его пятно себе! — сказал он тихо.

Каково это: узнать, что ты — урод? Ты маленький, тебе всего-то девять лет, ты никому не желал зла... Какая несправедливость порой обрушивается на детские плечи!

Разборки с полицией и разгневанными родителями заняли целый час. Каким-то чудом Пол умудрился унять полезших в драку мамаш. Одним сказал, чтобы не верили в ерунду, вторых припугнул судом. А я читала Шону и Брайану «Гадкого утенка» — мою любимую сказку, которая очень помогла мне когда-то.

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

10 июля 2007 г.

С Полом как-то незаметно помирились. Каждый сделал вид, что ничего не произошло.

Он весь вечер просидел в интернете, выискивая, как помочь Брайану. Время от времени откидывался в кресле:

— Ага! Это сработает.

А я вспоминала себя в школьном возрасте. Была у меня подружка Оля — друг и враг в одном лице. Мы могли вести задушевные беседы, списывать друг у друга домашку и ходить по гостям. Но когда Оле хотелось поднять свой авторитет, она вставала мне на голову. Предметом насмешек были мои очки — здоровые, тяжелые, закрывающие поллица.

— У кого четыре глаза, тот похож на водолаза! — ликовала Оля.

Я не могла ответить ей тем же. У нее не было недостатков; ее любили учителя и мальчики. Меня не любили даже аквариумные рыбки.

Я пыталась обходиться без «биноклей», садилась на первую парту, но даже оттуда мне ничего не было видно. Впрочем, когда я снимала очки, у меня тут же обнаруживался другой серьезный недостаток — большие глаза. «Эй, лупоглазик!» — вопили мальчишки. А Оля снисходительно добавляла: «Ну ты прищурься, что ли... А то смотреть противно».

Это потом я обнаружила, что если мои глаза подкрасить, то ими вполне можно сводить с ума доцентов. Но в школу краситься было нельзя, да и кто бы мне дал мамину дефицитную тушь, привезенную аж из самой Москвы?

Чтоб не считать себя единственной ошибкой природы, я завела «девочку для битья» — сестру и, как могла, тиранила ее.

— Леля, ты не можешь с нами играть.

— Почему-у-у?!

— Потому что дур мы не принимаем.

На контрасте я казалась себе чуть ли не гением. Еще я била свою первую любовь, Запаскина, и кое-кого по мелочи.

— Шестьдесят процентов школьных задир в будущем будут иметь, по крайней мере, один привод в полицию, — сказал Пол, не отрываясь от компьютера. — А у тех, кого травят, почти всегда проблемы с общением.

Ну да, меня уже арестовывали за участие в антивоенной демонстрации, а проблемы с общением — это моя хроническая болезнь.

Пол вставил бумагу в принтер и начал что-то распечатывать.

— У Тернеров один имейл на двоих. А я не хочу, чтобы Мелисса разговаривала с Брайаном о том, что случилось. Ты можешь передать этот список Тедду?

Я посмотрела. Страница была озаглавлена «Как бороться с врагами»

1) Если можешь уйти — уйди. Их право хамить; твое право — не слушать.

2) Если кто-то прицепился к твоей внешности — родимому пятну, прическе, свитеру, — отвечай: «Да, я знаю. Но мне нравится отличаться от тебя».

3) Задиры всегда мысленно просчитывают твою реакцию: не оправдывай их ожиданий. Они предполагают, что ты будешь плакать, обижаться или вступать в спор. Реагируй по-другому. Тебе обзовут уродом — достань записную книжку и скажи: «Гениально! Можно, я это запишу?»

4) Если есть возможность, высмеивай обидчиков. У тебя отбирают рюкзак — отдай и скажи: «Ты всегда носишь сэкондхэнд? Рюкзаки с чужого плеча, чужие книги... Ты наверное и ешь сэкондхэнд».

5) Если у тебя проблемы в школе, всегда говори об этом учителям и родителям.

— У нас это называлось «стукачеством», — сказала я Полу. — За такие вещи бойкот объявляли.

— А если ребенок ничего не говорит, то это называется «маразмом». Задиры всегда наступают стаей — и призывают на помощь всех возможных союзников. Жертве отказано в этом праве? Нет уж — либо драка один на один в равной весовой категории, либо стенка на стенку. И пусть наша стенка повыше будет.

Перед уходом я спросила Пола:

— А тебя в школе били?

— А то! Я же был маленький, очкастый и умный. Меня чуть ли не каждый день заталкивали в трубу, чтобы я ни ногой, ни рукой пошевелить не мог. Конструкция называлась «Мозговая кость».

ВСЕ ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ

11 июля 2007 г.

Тэдд невысок и молчалив. Его неумение ценить себя просто изумительно. У него диплом по экономике, а он работает утенком в Диснейленде.

Я не решилась прямо спросить, почему. Пыталась выведывать у Мелиссы — она только злилась: «Потому что дурак!»

Сегодня Пол рассказал мне, в чем дело: как обычно, он знал все про всех.

Тедд родился в очень богатой семье, его отец был успешным адвокатом, владевшим несколькими домами в Палос-Вердис, одном из шикарнейших пригородов Лос-Анджелеса. Но двадцать лет назад он оказался замешан в какую-то смутную аферу, связанную с ЦРУ: его чуть не посадили и отобрали все имущество. Восстановить утраченное папа так и не смог. У него началась паранойя: клиенты казались ему подосланными убийцами.

История закончилась совсем печально: папа бросил юриспруденцию и устроился привидением в комнату страха. Только там, среди пластмассовых покойников и пауков, ему было хорошо.

Разумеется, мать не выдержала и развелась с ним.

Проблема заключалась в том, что она не умела быть бедной. Ни дня в своей жизни не проработав, она остро нуждалась в мужчине, который заботился бы о ней. Все ее надежды сосредоточились на старшем сыне, Тедде. Пока он учился в университете, мать мечтала о том, как он разбогатеет, и ее жизнь вернется на круги своя.

Когда у Тедда что-либо не получалось, она впадала в панику. Металась, кричала и глотала антидепрессанты. «Ты что, хочешь нас по миру пустить, как твой отец? Я столько сил в тебя вложила!»

А у Тедда душа не лежала к бизнесу. Он чувствовал ответственность за мать, за младших сестер, но ничем не мог им помочь. Вина волочилась за ним, как ядро за каторжником.

Оценки у Тедда были отличными, и после вуза он сразу же получил место в банке. Но через несколько недель босс сказал, что «тормоза» — это не его специальность, и пусть Тедд убирается к чертям собачьим.

Узнав о случившемся, мать упала в обморок. Каждый день начинался с криков: «Когда ты слезешь с моей шеи?! Пойди и устройся хоть кем-нибудь!» Тедд пошел и устроился Дональдом Даком.

— Ты бы послушала его истории о Палос-Вердис, — сказал Пол. — Тедд там каждый камень знает. И рассказывает лучше любого экскурсовода.

Я не верила своим ушам. При мне Тедд никогда ничего не рассказывал. Сидел в углу и предоставлял Мелиссе править балом.

Они познакомились в Диснейленде. Увидев длинноногую блондинку с волосами до пояса, Дональд Дак забыл обо всем на свете. Он водил ее по парку и катал на аттракционах. То, что красавица не оттолкнула его, показалось Тедду чудом. К тому же она им командовала, что освобождало его от ответственности. А именно ответственность Тедд ненавидел больше всего на свете.

Они поженились потому, что «так было суждено». Мелисса погадала на картах и выяснила, что Тэдд — ее будущий муж. Он переехал к ней в Нью-Йорк и устроился на очередную случайную работу: в школу для недоразвитых детей. Родились сыновья: старший Шон был нормальный, а младший, Брайан, оказался с дефектом. Тедд воспринял это как очередную личную вину. Ему казалось, что белоснежка Мелисса не может быть виновна в щетинистом черном пятне, покрывавшем всю спину ребенка.

Они его прятали, как могли. Никто ничего не знал, кроме матери Тедда, которая случайно заглянула под майку Брайана. «Это тебе Божья кара за то, что ты дьявольщиной балуешься!» — кричала она на Мелиссу. С тех пор они не разговаривают.

Поначалу Брайан пытался отскрести от себя пятно, как будто это была грязь. А потом решил, что так и должно быть — родители хоть и таскали его по докторам, но при этом умудрялись избегать слова «диагноз». Тедд со страхом ждал, когда его сын обнаружит, что он «не такой». Сам он тоже был счастлив до определенного момента — пока ему не объяснили, что он «тормоз».

— Неужели с этим пятном ничего нельзя сделать? — спросила я Пола.

— Гигантский невис не лечится. Это врожденная аномалия, причем в каждом третьем случае дело кончается раком кожи.

— Но существуют же всякие лазерные технологии...

— Риск слишком велик. Ты знаешь американских врачей: они боятся, что на них подадут в суд, и не берутся за подобные операции. В Нидерландах есть доктор, специализирующийся на гигантских родимых пятнах, но прием у него стоит целое состояние...

Я вспомнила, что Мелисса не раз и не два проклинала Америку, говоря, что тут черствые люди, которым нет дела до чужой беды. «А вот в Нидерландах...» — заводила она любимую песню.

— А Тедд что?

— Тедд вообще против операции. Он нашел в Интернете форум, на котором собираются люди с этой проблемой. Многие из них перенесли операцию, и они говорят, что лучше бы оставили все, как есть. Тут без пересадки кожи не обойтись, а пересаженная кожа далеко не всегда приживается.

У каждого свой скелет в шкафу. И нет никого на сто процентов счастливого. Мелисса никогда не говорит, что любит Тедда. Она недовольна его пассивностью, его способностью не обращать внимания на оскорбления.

— У тебя нет гордости, вообще никаких чувств! Ты не человек, а чурбан!

Он молчит, набычив голову, и сносит ее слова, как привык сносить все — мать, ненавистную работу...

— Он сам меня никогда не любил! — бушует Мелисса. — Единственное, что ему нравится, так это ковыряться в железках!

У Тедда в гараже три машины: старинные, найденные на свалках и полностью отреставрированные. Он действительно любит работать с техникой, потому что она никогда подгоняет и не учит его, что и как делать.

И еще Тедд очень любит Мелиссу. 11 сентября, когда она чуть не погибла, было для него шоком. Дети следили за происходящим по телевизору, и потом Мелисса страшно ругала Тедда за это. Но я уверена, что в тот момент он сам смотрел на экран и ни о чем не мог думать, кроме свалившейся на него беды: «Они убили мою жену...»

Тедд перевез семью назад в Лос-Анджелес, который так любил, и опять пошел работать в Диснейлэнд. Мелисса взялась за колдовство — после того, что случилось, она окончательно убедилась, что у нее есть *дар*.

В общем, Мелисса — балда. Только человек, бесконечно любящий ее, способен терпеть ее закидоны.

РЕМОНТ КВАРТИР

12 июля 2007 г.

Брайан отказался идти в лагерь, оставить его было не на кого, и Тедд взял отпуск за свой счет.

Мелисса орала, как резаная, что она не желает горбатиться одна за всех, и что Брайану нечего строить из себя кисейную барышню. Но Тедд стоял на своем.

— Он боится идти — и правильно делает. Только дураки дважды встают на одни и те же грабли.

— И что, ты намерен сидеть с ним до совершеннолетия?

Я предложила Тедду сделать у меня ремонт в ванной: так он мог и за Брайаном приглядеть, и деньги заработать.

— Что вы решили насчет школы? — спросила я Тедда.

Тот пожал плечами:

— Я за то, чтобы перевести его в другую. Мелисса слушать ничего не желает, она думает, что Брайан должен сражаться за себя, и вся эта ситуация только закалит его.

Ни черта не закалит. Единственное, чего она добьется — ребенок будет считать ее предателем. Он искал у нее защиты, а она выдала его врагам: «Иди, закаляйся».

Брайана было жалко до слез. Он сидел у меня на кухне за столом и рисовал рыцарей. Сколько бы Мелисса не орала, что Тедд слабовольный, но он, по крайней мере, защищает своего сына. В том числе и от нее.

После обеда приперся Джош. Попробовал помочь Тедду — разлил краску. Сунулся поговорить со мной — я его отослала: мне надо было работать.

— Ну а ты чем занимаешься? — подсел он к Брайану.

Ребеныш уже покрыл рыцарями пять листов и теперь перешел на роботов.

— Это Супер-Боевой Робот-Терминатор, — пояснил Брайан. — У него есть лазерная пушка и он из нее стреляет по врагам. А когда враги пытаются до него докопаться, он включает энергетический щит, и они не могут его достать.

Я вышла на улицу, чтобы подобрать почту, а когда вернулась, не поверила своим глазам.

Джош сидел на полу в позе лотоса и вещал, а Брайан слушал его, затаив дыхание.

— Ты знаешь, кто такие инфузории? Нет? В общем, это такие маленькие звери, которые живут в воде. Я сейчас объясню, почему на тебя напали. Если тебе будут говорить, что человек произошел от обезьяны, не верь. Человек произошел от инфузории. На протяжении всей жизни мы повторяем ход эволюции. Сначала, в животе у мам, мы одноклетчатые, потом напоминаем червяка, потом рыбку — у нас даже жаберные щели есть.

— Где?!

Джош показал.

— Но они временные — потом рассасываются. Когда человек рождается — то он как раз и похож на обезьянку: ни говорить, ни думать по-нормальному не умеет. В год он как неандерталец, в четыре — как вполне цивилизованный дикарь.

— А в девять кто? — спросил Брайан.

— А в девять у вас начинается Средневековье. Верите во всякую хрень, деретесь из-за ерунды, королей себе заводите... Ну и еретиков сжигаете.

— Я — еретик?

— О, да!

— Джош, откуда ты все это взял? — вмешалась я.

Тот лучезарно улыбнулся.

— Телевизор надо смотреть.

Джош говорил о том, что если ты живешь в Средневековье, тебе нужно изучить, как выигрывались средневековые битвы. Ни количество войска, ни его сила не имеют значения. То, что имеет — это «боевой дух» и способность идти до конца.

— Твои одноклассники понимают только закон силы и наглости. У них уже есть правила: кулаками драться можно, бейсбольной битой — нельзя. Всем против одного можно, а одному против всех — никак. Нарушай эти лимиты. В этом как раз и есть сила и наглость. Если к тебе подойдет какая сволочь, возьми в руки битву.

— Ты хоть думай, чему ты его учишь! — проворчала я.

Джош скривился.

— Ой, тетя, не лезь в мужские разговоры! — и снова повернулся к Брайану.
— Немного промахнись, но дай понять, что тебя ничто не остановит. И срать ты хотел на последствия.

Брайан заморожено глядел на него.

— Они подумают, что я сошел с ума!

— И никто тебя пальцем не тронет. Побоятся. Но ты учти, что в старших классах у вас начнется Ренессанс, а потом Новая история. А там уже на средневековых методах не выедешь — нужно будет головой думать.

В коридоре грохнуло ведро. Тедд стоял в дверях и слушал. Я подошла к нему.

— Джош — тот еще учитель. У него у самого в башке никаких лимитов.

— Я бы хотел, чтобы у меня тоже не было, — отозвался Тедд. — Тебе хорошо, ты живешь в 21-м веке и сама оттуда же...

— А ты?

— А у меня дома эпоха колониальных войн, а на работе — вообще доисторический мрак.

ПОДВИГ

13 июля 2007 г.

Больше всего я удивляюсь, когда люди воспринимают мир не так, как я. Вроде очевидно, что белое — это белое, черное — это черное, а Джош — это раздолбай. Ничего подобного! Целая куча людей — от Лели до Брайана — считают его героем.

Может быть, все дело в том, что мы по-разному воспринимаем героизм?

Когда Джош записался в морскую пехоту, я думала, что Леля в кому впадет. Но она была спокойна как Будда.

— Пусть едет, если ему сердце велит.

Я взбесилась:

— Да ведь оно ему велит за подвигами ехать — людей пострелять.

— Сейчас у подвигов совсем другой смысл, — отозвалась Леля. — Раньше было «уничтожить», а сейчас — «спасти». Джош едет спасать.

Да, странная штука — репутация. Тут из кожи вон лезешь, чтобы тебя считали звездой, — с нулевым результатом. А Джошу даже делать ничего не приходится: сказал, что хочет спасти иракцев — и сразу герой; посоветовал Брайану черти чего — лучший друг детей. Главное, говорить то, что хотят услышать окружающие.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

14 июля 2007 г.

Вчера созвонилась с Женей, редактором.

— У нас готова обложка, — сказала она. — Сейчас пришлем.

Странное это чувство — смотреть на обложки своих книг. Вроде бы сидишь дома за компьютером, пишешь, что в голову придет, а потом твои фантазии становятся реальностью — книгой. Обложка — это символ материализации.

— Вам самой она нравится? — спросила я.

Женя ответила не сразу.

— Ну, увидите...

На красном фоне была нарисована огромная груша в трусах. Пол подошел, присвистнул.

— Это чья задница? Твоя?

Мне было плохо: я представляла, как дарю знакомым авторские экземпляры, завернутые в газету.

В прошлом году в России вышло 86 тысяч наименований книг; в этом будет еще больше. Задача толкового маркетолога — не соответствовать моему вкусу, а продать мою книгу. А для этого на обложке должно быть помещено что-то, что привлечет массового читателя.

К сожалению, человечество в целом интересуется очень немногими вещами: деньгами, здоровьем, сексом и смертью. Здоровье не так-то просто изобразить, деньги на обложке смотрятся дешево — вот и приходится штамповать либо трусы, либо пистолеты.

Выделиться из общей массы хотят все, и все рисуют одно и то же. В результате под розовой обложкой с цветком может оказаться умный роман. Сколько мне таких за последнее время попадалось? Штук пять, не меньше. Немудрящая тетя купит и будет плевать. А интеллигент пройдет мимо и даже не взглянет: не царское это дело — розовые книжки читать.

Эх, эх... Нельзя на коробку с орхидеями клеить ярлык «Газонокосилка».

Женя сама все прекрасно понимает. Но не редактор решает такие вопросы... У «сбыта» своя логика: грушу в трусах берут, а умные профили — не берут.

Обложку забраковала. Если художнику так хочется постебаться над моей фигурой, пусть соблюдает достоверность: у груши должен быть бюст третьего размера и голова — а не палка с листиком.

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН

15 июля 2007 г.

Мелисса позвонила:

— От чего бы мне лопнуть — от гордости или негодования?

У Тедда в Диснейленде есть враг — Русалочка. Она считает, что в ее служебные обязанности входит не только участие в параде, но и доказывание Дональду Даку, что он кретин. Полгода Тедд молчал: все-таки женщина — не станешь же ей морду бить. Но на этот раз Русалочке не повезло — после лекции Джоша Тедд сменил правила игры.

Перед парадом, пока сказочные герои готовились к выходу, Русалочка заявила Тедду, что от него воняет таблетками.

— Ты что, транквилизаторы принимаешь? Они тебе все равно не помогут: генетика не лечится.

Тедд взял ее за хвост и сунул в ведьмин котел. Сказочные герои замерли.

— Тедд Тернер! — завопил менеджер.

Разговор был коротким. Менеджер сказал, что он голову Тедду оторвет за срыв представления. Тедд снял с себя башку Дональда Дака и сунул ее в руки менеджеру.

— Держи.

— Ты уволен с работы!

— Нет, Сэм, это ты уволен из моей жизни. Я больше не хочу видеть ни тебя, ни эту суку.

Мелисса пришла в ужас от случившегося.

— Что ты наделал?! Ты и так гроши зарабатывал!

Но Тедд уже вошел во вкус. Схватив Мелиссу за руку, он затолкал ее в туалет.

— Постучись, когда сможешь по-нормальному разговаривать.

Сначала Мелисса барабанила ногами в дверь, а потом затихла. Тедд заглянул к ней: она сидела под раковиной и, закрыв лицо, всхлипывала.

— Успокоилась?

Обнял ее.

— Я не собираюсь сидеть у тебя на шее. Я позвонил Полу: у него есть какой-то знакомый в Голливуде, которому нужен человек, разбирающийся в технике.

Я слушала Мелиссу, не веря своим ушам.

— Ну... Тедд дает! А что с Брайаном?

— Мы договорились перевести его в другую школу. Собрались всей семьей и сказали, что всегда будем на его стороне — что бы ни случилось. И что мы не хотели бы иметь вместо него другого сына — без пятна.

Как я люблю этот мир!

МУЖСКОЙ ВЗГЛЯД

17 июля 2007 г.

Пол пришел ко мне — улыбка до ушей. Играли сегодня в пейнтболл — руководство фирмы против подчиненных.

— А я ему в башку — бац! Он на спину — хлобысь!

Мужику к пенсии готовиться надо, а он все в войнушку играет.

Пол повалил меня на кровать:

— Сдавайся!

Я послушно сдалась.

— Где твоя национальная гордость? — возмутился он. — Чуть что — сразу белый флаг... Надо сражаться за свою независимость!

— А мне она на фиг не нужна.

Пол заскакал коленками по кровати:

— Вы, женщины, ничего не понимаете. Давай родим мальчишку, я с ним буду на пейнтбол ходить. И на бокс, и на баскетбол... Банзай!

МЕДИЦИНА И ЗДОРОВЬЕ

18 июля 2007 г.

Впервые я попробовала, что такое секс еще в школе. Дело было на картошке. Мы с Запаскиным удрали из отряда на речку, нашли заброшенную пристань и долго исследовали ее темные переходы. Потом решили поисследовать друг друга.

На Запаскина было очень интересно смотреть: он прикольно дышал, и глаза у него были — как у пьяного.

Я ничего не успела почувствовать, как все кончилось.

— А...?

— Я люблю тебя, — сказал Запаскин и принялся застегивать штаны.

Вернувшись домой, я позвала Лелю на разговор.

— А у нас было *того!* — объявила я.

Леля ахала и просила подробностей

— Да я уже все рассказала, — отмахивалась я.

— Ну вспомни еще что-нибудь!

Несколько недель я носила в себе тайное знание. Меня буквально распирало от счастья и желания заявить подругам: «Эх вы, серость!»

Но наступило 15-е число, должны были начаться месячные, а их не было.

Помню свой животный ужас перед беременностью: из школы меня выгонят, в вуз я не поступлю, мама не перенесет позора... Единственная перспектива — мытье полов в соседних «Продуктах».

Леля отпаивала меня компотом и всхлипывала от жалости.

— А если это «оно», ты скажешь Запаскину?

Я покрутила пальцем у виска. Какой из него отец? Он до сих пор козьявки из носа ест — я сама видела!

Аборт, только аборт.

Да, это была беременность. В женской консультации мне назначили «процедуру» и велели принести чистую пеленку и тетрадь (чтобы записывать историю болезни).

С перепугу я забыла и то, и другое.

— Ну, трусы под себя подложи, — сказала врачиха.

Липкая кожа сидения, холодные железки... Я ждала распятия за грехи человечества.

Врачиха громыхала инструментом и привычно ругала «девку-дуру» — меня:
— Шалава ты! Вам сколько раз говорить, чтобы до свадьбы «ни-ни»?

Дверь без стука распахнулась и в кабинет вошла санитарка с ведром. Не обращая на меня внимание, она принялась возить тряпкой по полу.

— Петровна, ты помидоры солила в этом году?

— А то! Десять банок закрутила. Мне Анастасия Федоровна чесноку прислала; у нее чеснок — зверь. Так я насовала в рассол.

— А мои банки все полопались.

Я чувствовала себя выпотрошенной. У меня интимное, сокровенное, больное, а у них — тухлые помидоры.

Наконец врачиха натянула перчатки.

— Ну что, готова?

Сверкнула сталь.

— Вечерний звон, бом-бом, — запела санитарка, —

Вечерний звон!

Как много дум, бом-бом,

Наводит он.

Операция прошла успешно: я не умерла ни от инфекции, ни от ненависти к себе. Сейчас моему ребенку было бы 23 года.

ПОТРЕБИТЕЛЬ

19 июля 2007 г.

Встретила Джоша и Беллу: идут — довольные, за ручки держатся.

— Здорово, тетя Мардж! А я придумал книгу!

— Гениальную! — подтвердила Белла. — Называется «Как прожить в Америке на халяву».

Оказалось, что они уже целую неделю экспериментируют на эту тему. Белла взяла отпуск и сказала родителям, что уезжает по делам. Джош то же самое наврал маме. Наличность, кредитки и ключи от машины оставили дома и принялись бомжевать.

— Ну и как, получается?

— А то!

Они целыми днями бродят по городу, валяются на пляжах и целуются. Туалетов общественных у нас завались, а бесплатно пожрать можно двумя способами — либо заказать еду в ресторане и найти в ней таракана (носится с собой в коробочке), либо пойти на рынок и пробовать там все подряд. К тому же в каждом втором супермаркете проводятся дегустации.

— А моетесь вы где?

— В госпиталях или в спортзалах — там первое занятие всегда бесплатное.

— А спите под мостом?

— Ха! Мы спим на лучших кроватях мира! Мы нашли магазин спальных принадлежностей, в котором всего одна видеочка...

— И та на вход нацелена!

— Забираемся под кровать, там простыни до самого пола свисают, и нас не видно. Уборщица приходит в семь утра: пока она моет в одном углу, мы ползком перебираемся в другой. То же самое — когда продавец обновляет товар.

Как их до сих пор не поймали — ума не приложу.

— Еще в универмаге можно бесплатно накраситься и попрыскаться духами, — сказала Белла. — А рядом есть магазинчик See's Candy и там всегда дают конфеты на пробу. Знаете, как вкусно!

И все-таки я не понимаю. Что заставило эту умницу-красавицу связаться с Джошем? Забросить свой ювелирный бизнес, уйти из дома, ночевать черт знает где...

— Главная фишка в том, чтобы не примелькаться, — сказал Джош. — А то народ поймет, что мы его объедаем.

— А может, тебе лучше на работу устроиться?

Джош подкатил глаза к небу.

— Теть, у меня есть то, чего нет у 99% населения этой планеты: время, свобода и любовь. На кой хрен мне работа? Чтобы у меня появилась неврастения и начальство?

Белла смотрела на него с нескрываемым восхищением.

Любимый анекдот Джоша:

Лежит мужик под яблоней, усеяной крупными плодами. Мимо идет прохожий.

— Эй мужик, собрал бы яблоки да продал.

— А зачем?

— Выручишь деньги, купишь тележку, соберешь еще больше яблок и отвезешь на базар.

— А зачем?

— Выручишь деньги, наймешь других мужиков: они будут за тебя яблоки собирать, а ты будешь сидеть в сторонке и ничего не делать.

— А я и так ничего не делаю.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

20 июля 2007 г.

Не было бы счастья, да несчастье помогло: мои книги издадут отдельной серией. Отвергнув грушу в трусах, я вспомнила, как Кевин проталкивал свой последний фильм, и тоже написала бизнес-концепцию:

Мои читатели — это умные тетьки и дядьки, которым интересно жить. Они не читают, чтобы «убить время» — им и так его не хватает. Им нужны вопросы и что-нибудь веселенькое на закуску. А ответы они любят находить сами.

Концепция понравилась. Женя прислала имейл: «Подумайте, какие рекламные ходы мы можем использовать для продвижения ваших книг».

Теперь хожу — фантазирую:

В безветренную погоду запускаем маленький самолет с дымовушкой, чтобы он начертил в небе гигантскую букву «Ж». Старушки крестятся, мужики трут глаза: «Вот и допился...» А на следующий день в СМИ появляются заголовки: «Вчера Небесная Канцелярия проанонсировала выход новой книги «Женщина с большой буквы «Ж».

Еще мысль — установить памятник на родине героя. Дизайн позаимствуем у Туркменбаши — он был большой специалист по фольклорным персонажам. Устраиваем помпезное открытие монумента — с флагами и речью губернатора... Хотя, наверное, лучше ограничиться бюстом — без задницы я гораздо лучше смотрюсь. Заодно и на бронзе можно сэкономить.

Но больше всех мне понравилась идея с демонстрацией. Я уже выяснила расценки: московский студент с транспарантом стоит 200 рублей. Это у них бизнес такой: сегодня покричать за одних, завтра — за других, глядишь, на пиво и набегает.

Подгоняем к американскому посольству толпу человек в сто. Пылкие юноши скандируют: «Отдайте нам Мардж! Мы ее любим!» Сюжет, разумеется, попадает во все новости. Посол волнуется, докладывает госсекретарю, а там и до президента доходит: так и так, желают отнять национальное достояние. Меня приглашают в Белый дом, а я отказываюсь: «Приличные девушки к незнакомым мужчинам на квартиру не ходят!» На следующий день я просыпаюсь кумиром молодежи.

Вечер провела в мечтах о славе. Дала себе два мысленных интервью и один раз выступила с речью перед зеркалом. Между прочим, умные слова сказала.

БЕРЕМЕННОСТЬ

23 июля 2007 г.

В приемной клиники «Репродукция» висит огромная фотография — счастливые родители с малышами на руках. Внизу — число детей, зачатых в местных пробирках, — 603.

Ласковая докторша выдала нам с Полом «домашнее задание».

— Сначала вы, Мардж, будет принимать противозачаточные таблетки, чтобы стабилизировать менструальный цикл. Потом вы, Пол, начнете делать ей ежедневные инъекции. В результате у Мардж сформируется не одна яйцеклетка, как положено, а штук пятнадцать-двадцать.

Пол побледнел.

— Нам столько не надо...

— Ой, да что вы! Мы все их вытащим, потом оплодотворим, четыре зародыша поместим обратно в Мардж, а остальных заморозим на случай, если вам еще захочется иметь детей. Человеческие эмбрионы прекрасно переносят заморозку.

Мы с Полом переглянулись.

— Четыре тоже многовато.

— 25 шансов из ста, что вы родите двойню, если забеременеете. Тройню и четверню — намного меньше. Большинству женщин вашего возраста мы присаживаем еще больше эмбрионов, потому что они далеко не всегда приживаются.

— А сколько у нас шансов на беременность?

— Пятьдесят на пятьдесят.

Я подсчитываю таблетки, которые мне нужно проглотить, и инъекции, которые придется сделать. Накачаюсь лекарствами по самое горлышко — как аптечный пузырек.

Пол изучает инструкцию по уколам в попу.

Седина в бороду — бес в задницу.

МЫ

24 июля 2007 г.

Спрашиваю Пола:

— Ты мог бы убить человека?

— Ага.

Собственно, этим он сейчас и занимается: сидит за компьютером и мочит виртуальных врагов.

— Не, ну серьезно? Мог бы?

Мне хочется рассуждать о высоком: о ценности человеческой жизни, о нормах морали, о психологических табу...

Но, к сожалению, Пол отслужил в армии, и это не лечится.

— Можно подумать, ты сама была тихой овечкой.

Да нет, конечно. Вспомнить, к примеру, университет. Пока парней терзали на военной кафедре, мы осваивали азы медицины. На зачете студентки разбились попарно, чтобы перевязывать друг другу ноги, а мне пары не хватило — пришлось бинтовать скелет.

Закончив, девчонки расселись по партам, а я все мучалась — бинт никак не хотел держаться на голых костях.

— Плохо, девушка, плохо... — шипел преподаватель.

Я стала поправлять повязку, а нога возьми и отвалилась. Зачет мне не поставили.

— Вы искалечили пациента, — сказал препод. — Возможно, он даже скончался от потери крови.

Я оправдывалась, что пациента убили еще до моего рождения, но ничто не помогло.

По дороге домой, я все жалела, что мне не дали перевязать преподавателя: хоть бы пользу обществу принесла.

Да, наверное, я могу убить человека. Не из-за проваленной сессии (прошла та романтическая пора), а защищаясь. Трусила бы и тянула до последнего, но в случае угрозы кому-нибудь из *близких* ничуть не постеснялась. Собственно, на то и пистолет в хлебнице лежит.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

25 июля 2007 г.

Меня как крутого агента и знатока литературных тонкостей позвали проводить семинар для молодых писателей на интернете.

Все было организовано по высшему разряду: на экране слайды, я — в наушниках и с микрофоном — вещаю о судьбах индустрии. Народу набралось порядочно: я потом смотрела статистику — 593 человека.

Последним пунктом семинара был разбор произведений новичков. На роль жертвы вызвался молодой человек по имени Конан-Варвар.

Conan the Barbarian: «Я написал детектив про студентов».

Marge Tensh: «Давайте начнем с краткого описания сюжета».

Conan the Barbarian: «Преподаватель обращается к частному детективу с просьбой расследовать ЧП, произошедшее в стенах университета. На следующий день назначен важный экзамен, и преподаватель обнаружил, что кто-то проник в его комнату и списал экзаменационное задание».

Marge Tensh: «И чем заканчивается история?»

Conan the Barbarian: «Детектив расследует дело и припирает виновного к стенке».

Marge Tensh: «Понятно. Пришлите первую страницу текста».

Я разгромила Конана-Варвара в пух и прах: сюжет примитивный, характеры героев не раскрыты, все улики притянуты за уши.

Marge Tensh: «Но самая большая проблема — это слог. Первое предложение просто ужасно: *“В 2005 году ряд обстоятельств — я не буду здесь на них останавливаться — привел мистера Семлоха и меня в один из наших знаменитых университетских городов; мы пробыли там несколько недель и за это время столкнулись с одним происшествием, о котором я собираюсь рассказать, не слишком запутанным, но весьма поучительным”*. Так нельзя писать».

Conan the Barbarian: «Скажите это сэру Артуру Конан Дойлю, уважаемая Мардж Тенш. Вы только что забраковали рассказ о Шерлоке Холмсе «Приключения трех студентов». Я всего лишь изменила дату и написала имя

Holmes наоборт — Semloh. Искренне желаю вам дальнейших профессиональных свершений. С приветом, Орла».

Как могла, я постаралась свести все на шутку. Писала, что для конца 19-го века такая проза была приемлемой, а сейчас так не пишут, что лично я вообще не люблю Конан Дойля... Кто-то меня поддерживал, кто-то нет... Репутация таяла, как мороженое на солнцепеке.

Выключив компьютер, я отвалилась на спинку кресла. Ну что Орла за сука?

Позвонила Мелиссе. А она, вместо того, чтобы утешать, сказала, что мы с Орлой друг друга стоим.

Пол, свет очей моих, пришел домой, выслушал.

— Как я теперь людям в глаза буду смотреть? — причитала я.

— Не было этого, — отозвался он. — Прошное — это не то, что случилось раньше, а то, что мы думаем о себе сейчас. Помнишь?

Пойду придумаю, что я распрекрасная Царевна-Лебедь и Василиса Премудрая. А кто с этим не согласен — я того вообще не помню. Значит, его не существует на свете.

Вот была бы красота —

Скинуть девушку с моста:

Баба с возу — сразу легче...

Я — кобыла, да?

СМЕНА

26 августа 2007 г.

Раньше я писала дневник чуть ли не ежедневно. А сейчас мне некогда! Вот уже месяц как я, Пол и коллектив клиники «Репродукция» трахаемся, чтобы завести ребенка.

Уколы, от которых дико ломит задницу. От одних таблеток меня тошнит, от других — звенит в ушах. А ведь наш будущий карапуз ничего не оценит... Его еще нет на свете, а у меня к нему нежность. Опять шансы — как при игре в рулетку. Черное или красное? Или вообще зеро?

Рассказала маме про нашу затею. Она уже смирилась, что я непутевая по женской части, а тут...

— Господи, радость-то какая! — прошептала она.

По ее дрогнувшему голосу я поняла, что мама плачет.

— Мамуль, ты чего?

— Я до сих пор помню, как держала тебя на руках. Папа спит, а я встану кормить — у тебя головенка мокрая, вспотела вся... Держу на руках и боюсь дышать... И ничего дороже нет...

Мама плакала потому, что это нечто особенное, непередаваемое словами: твоя дочь — самое дорогое существо — вдруг *понимает*, как ты ее любишь. Потому что сама начинает любить точно так же — безумно, безотчетно, первобытно.

Мама рассказывала, что каждый день молится о нас с Лелей. Не Богу — а всему миру, и нам тоже: «Доченьки мои! Пусть у вас все будет хорошо!»

У мамы не одна, а три жизни: это от нее уходили мои мужчины, это у нее в почках обнаружили камни. Мои книги, Лелина вера принадлежат ей без остатка.

— Все поменяется, — сказала мама. — Ты будешь смотреть на ребенка, на свои руки, на ваше отражение в зеркале: «Неужели это я сделала? Как? Я же не умею!» А ответа нет: ты просто понимаешь, что создала чудо из небытия.

Государства, мужчины, карьера, красота — все проходит. А материнство — это навсегда, что бы ни случилось.

— Мам, дети — это счастье?

— Нет. Счастье — это свобода и покой; дети — это любовь. А если любишь — ни свободы, ни покоя не будет.

Все вернулось к инь и ян — двум изначальным противоположностям, связанным в одно целое. Любить — жить для других. Быть свободным и спокойным — жить для себя.

Рука правая, рука левая: отними любую — будешь инвалидом.

Только рядом, дополняя и уравнивая, — дракон и тигр, идущие по кругу.

НОВЫЙ МИР

27 августа 2007 г.

Две недели назад Люси подошла ко мне:

— Мне нужен отпуск.

Я посочувствовала:

— Что, совсем Ронский-Понский достал?

— Нет. Моя подруга Анна приглашает меня в археологическую экспедицию в Мексику. Это заброшенное индейское поселение в пустыне. В шестнадцатом веке его жители вымерли от оспы, а дома очень хорошо сохранились. Их нужно раскопать.

За окном палило калифорнийское солнце; воздух над асфальтом колыхался от зноя...

— Вставать будем в пять утра, чтобы успеть поработать до солнцепека, — мечтала Люси. — Кругом кактусы, небо высокое-превысокое... Недавно там на раскопе нашли золотую подвеску...

В ее глазах горели отблески сокровищ, а в моих — разве что отсвет монитора. Я в такую жару даже за хлебом съездить не могу.

— Отправляйся, конечно, если тебе надо.

Я чувствовали себя старше, чем самый древний скелет на индейском кладбище.

Вскоре Люси уже была на раскопе. В лагере кипела жизнь: техники возились с образцами, рабочие подготавливали инструмент, на кухне шаманила повариха Камил — огромная женщина-баобаб.

Начальник экспедиции Сандро потащил Люси по своим владениям.

— Здесь был храм, — показал он ей квадратную яму. — А вон там — амбар; дальше по улице — остатки жилого дома.

— А где у них тут ювелирный магазин? — улыбнулась Люси.

Сандро укоризненно покачал головой.

— Изделия из драгоценных металлов, как правило, обнаруживаются на покойниках. Но мы не разрешаем новичкам копать могилы. Твое место будет на деревенской помойке: там тоже весьма интересные находки попадаются.

Во время ужина Анна представила Люси будущих коллег:

— Это наш археобиолог Дэвид, — шепотом объясняла она. — Умеет жрать саранчу и пить из лужи. Говорит, что так делал Иоанн Креститель. Это компьютерщик Самуэль. Если тебе нужен лак для ногтей или тушь — обращайся.

В том же духе были охарактеризованы техники, рабочие и начальство.

В этот момент к кухне подошел белокурый ангел в майке с надписью «Иисус Христос — супер-звезда». Люси перевела взгляд на Анну. Та выкладывала из макарон слово: «Забудь».

Подъем в лагере объявлялся с помощью матюгальника. Овсянка на завтрак, чашка паршивого кофе из бачка... Так до конца и не проснувшись, Люси полезла за остальными в раскоп, где находилась индейская помойка.

Джентельменам выдали по лопате, а леди — по совку и кисточке.

Собираясь в экспедицию, Люси втайне надеялась, что среди археологов можно встретить приличного парня. Но даже ангел Марио оказался не на высоте.

Сначала никто не мог понять, почему он брезгует стряпней Камил и при этом остается жив- здоров.

— Святым духом питается! — восторгался археобиолог Дэвид.

Вскоре оказалось, что запасы «святого духа» лежат где-то в тайнике среди кактусов — ангел припер их из дома и надежно спрятал от общественности.

Каждый вечер Марио застегивался в палатке, включал мощный фонарь и на виду у всех устраивал театр теней: жрал тушенку и пил кока-колу.

Сандро с Камил ездил за продуктами раз в неделю. Археологи радовались их возвращению до поросычьего визга. Макароны — о-о-о! Сухое молоко — а-а-а! Ящик мороженого — экстаз!

Но однажды джип Сандро не вернулся. Солнце зашло; по лагерю поползли тревожные слухи. Начальство нас бросило? На него напали бандиты и отобрали наше мороженое? Черная оспа? Марсиане?

Сотовой связи не было. До ближайшего города 30 миль пешком. Из имеющихся продуктов — мешок риса, ящик консервов и упаковка перца красного жгучего. Воды — три канистры.

По утру на работу никто не вышел. Посоветовавшись, народ решил выставить на холме часового — следить, не появится ли начальство. Но прошел день, другой, а от цивилизации не было ни слуху, ни духу.

На третьи сутки на горизонте показался вездеход. Археологи принялись махать белыми платками.

— Э-эй! Стойте! Спасите нас! — вопил в матюгальник ангел Марио.

Вездеход остановился. Когда пыль осела, из него вылез человек в шортах.

— Наше почтение! — сказал он. — Меня зовут Хосе Антонио.

На вид ему было около тридцати лет: смуглый, черноволосый, с головы до пят расписанный татуировками неприличного содержания.

Взяв из рук Люси бутылку с водой, Хосе Антонио жадно напился.

— Спасибо тебе, родная. У вас еще попить не будет? А то у нас даже пиво кончилось.

Он не договорил. Вездеход взревел и умчался прочь.

— В бога душу-мать!!! — завопил Хосе Антонио. — Они ж меня бросили, собаки моторные!

Он оказался переводчиком, нанявшимся к американским ботаникам, которые приехали изучать пустынную флору. До поры до времени служба его протекала гладко, но, к сожалению, Хосе Антонио понравился жене клиента.

Археологи настолько прониклись историей Хосе Антонио, что даже скормили ему тарелку риса.

— Так чего вы до людей-то не доберетесь? — спросил он, обливав ложку.

— Днем идти страшно: тут солнце жарит как в аду. А ночью дороги не видно,
— объяснила ему Люси.

Хосе Антонио оглядел ее плотоядным взглядом.

— Ну, мы, собственно, никуда не торопимся.

Хосе Антонио определили в палатку Анны и Люси.

— Спать буду посередине! — заявил он. — А вы, девочки, меня грейте.

Но спать он, разумеется, не собирался. Едва сгустилась тьма, Хосе Антонио раскинул руки и стал искать любви.

— Пшел на хрен! — шипела Люси, натягивая спальник себе на плечо.

Любвеобильные переводчики никогда не внушали ей доверия.

Анна же наоборот подумала, что ей наконец-то привалило счастье. Некоторое время Люси мученически терпела охи, вздохи и возню, но когда ей по голове заехали ногой, вылезла наружу.

У догоравшего костра сидел Марио и грустно жевал сухарик. Его палатка находилась рядом, и он первым не выдержал накала страстей.

Хосе Антонио оказался весьма ценным приобретением для экспедиции. Он обладал неистощимым оптимизмом, менеджерскими способностями и навыками первобытного охотника.

— Дети мои! — обратился он к археологам. — Нас наверняка найдут, потому что ваши мамы скоро пригонят сюда всю мексиканскую армию. А пока наша задача — не скопытиться.

Хосе Антонио разделил всех на тройки и велел заняться добычей мяса. Люси пошла на охоту вместе с компьютерщиком Самуэлем и археобиологом Дэвидом.

Выслеживать ящериц среди камней оказалось весьма азартным занятием.

— У нас в бойскаутском отряде был инструктор-индеец, очень красивый мужчина, — вспоминал Самуэль, стараясь схватить ящерицу отманикюрными ноготками. — Он говорил, что суп из пресмыкающихся очень даже ничего, особенно если с перцем.

Но на суп добычи явно не хватало: за целый день охотники поймали только три хвоста и одну целую, до смерти перепуганную ящерку, которая потом все равно сбежала.

На обратном пути Дэвид нашелдохлого койота. Он внимательно оглядел его торчащие в разные стороны ноги.

— Я думаю, это с перцем тоже пойдет.

Но питаться койотами им не пришлось. Когда они вернулись, Сандро и Камил уже приехали. Оказалось, их задержала полиция: официально — за превышение скорости, неофициально — за сопротивление властям.

— Слушай, я ведь знаю, что вы нашли золото, — сказал полицмейстер: толстый и черноусый как жук-навозник. — Отдай добром, а то я приеду и сам возьму.

Сандро орал, что не потерпит надругательства над наукой, что если надо, он дойдет до президента... В конце концов, их отпустили, но джип так и остался стоять рядом с участком — «как вещественное доказательство».

Назад Сандро и Камил прибыли на попутке: здоровенном фургоне с надписью «Клиника святого Иосифа. Неотложная психиатрическая помощь».

Археологи собрали совет.

— Им, видно, кто-то проболтался насчет золота, — сказал Сандро. — Они теперь с нас не слезут.

— Слезут, — пообещал Хосе Антонио. — Как ты говоришь, зовут эту наглую собаку?

Утром он уехал на «Психиатрической помощи» в город.

— Боже мой! — переживала Анна. — Он ведь сейчас пойдет к этому полицмейстеру и набьет ему морду. И его пристрелят.

Археологи начали готовиться к самообороне. Сандро еще из города позвонил руководству университета и потребовал, чтобы экспедицию эвакуировали. Грузовики для перевозки оборудования должны были прибыть с минуты на минуту. Но первым на раскопки явился полицмейстер.

— Я к вам с инспекцией, — сказал он, поигрывая дубинкой. — Давай, показывай, что вы тут нарыли...

Тут к лагерю подъехала еще дюжина машин. Из передней выскочил Хосе Антонио, а за ним показались вооруженные люди.

— Стоять! Руки за голову!

Ошарашенного полицмейстера и его подручных обрядили в наручники.

У Сандро отвисла челюсть. Мексиканские силовики имеют настолько дурную репутацию, что ему даже в голову не пришло обратиться за помощью к властям.

— За что их арестовали? — спросил он у Хосе Антонио. — Неужели за нас?

Тот таинственно улыбнулся.

— За кактусы.

На вверенном полицмейстеру участке процветала нелегальная торговля редкими видами кактусов.

— Их называют «живые камни». Они растут очень медленно — буквально по несколько миллиметров в год, и за здоровое растение коллекционеры готовы платить бешеные деньги. Кроме того, некоторые из «живых камней» являются мощными галлюциногенами. Индейцы испокон веков варили из них «суп», который проводит в страну духов.

Хосе Антонио был не столько переводчиком, сколько агентом правительственной природоохранной организации, отслеживающим контрабанду растений. Он нанимался к американским «ботаникам» — основным потребителям «живых камней» и через них выходил на браконьеров.

— Это мультимиллионный бизнес, — сказал он. — Местные крестьяне очень бедны и плевать хотели на охрану природы. За маленький кактус им платят столько, сколько они зарабатывают за месяц. Вот они и прочесывают пустыню. Полиция, разумеется, обо всем знает. Они и с коррупцией борются только за взятку — что уж говорить про остальное.

— Так почему за них взялись именно сейчас? — спросил Сандро. — Ведь полиция наверняка отстегивает что-то наверх.

— Время от времени правительство устраивает показательные порки. Чтобы народ знал, что с ним шутки плохи.

— Мардж, я наверное уволюсь, — сообщила Люси, вернувшись домой. — Мы с Анной решили, что хотим поработать на Национальную природоохранную федерацию. Хосе Антонио поможет нам устроиться.

— А как же университет? — удивилась я. — Как же самолеты?

— Мы ведь только на год сделаем перерыв. А дальше посмотрим.

Сегодня Люси собрала вещи. Мы поцеловались, попрощались, и она уехала.

— Ну что, перебираемся ко мне? — подмигнул Пол. — Жао сказал, что он согласен.

Я вдруг подумала, что мне страшно переезжать к Полу насовсем. Обжегшись на молоке, дуешь на воду. Я создала свой остров свободы, где могу ходить без штанов, раскидывать газеты и петь оперные арии. У меня есть нора, куда я могу сбежать в случае чего.

Но когда родится малыш, у него должна быть нормальная семья. Так что на личном пространстве нужно ставить крест.

А Пол веселится:

— Слушай свою маму: она у тебя великий философ. Любовь и счастье — не одно и то же. Это как розетка и лампа — каждая по отдельности совершенно бесполезна, а соединишь одну в с другой — и будет свет.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

5 сентября 2007 г.

Сегодня Пол сделал первый укол в живот — теперь во мне должны развиваться полтора десятка будущих детей. Вычитала на этикетке, что лекарство, которым меня пичкают, производится из яйцеклеток китайских хомячков.

Ночью приснился кошмар: я снесла целую упаковку яиц, из которых вылупились хомяки.

«Родила царица в ночь НЕ ТО...»

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

6 сентября 2007 г.

Моим клиентам порой легче написать роман, чем определить, в каком жанре они работают. Спрашиваешь: «О чем ваша книга?» Морщат лбы: «О жизни...» Или еще лучше: «Ну, это, в принципе, любовная история, но мою книгу можно назвать и городским фарсом с элементами мистики».

Спросите лучше у меня!

Вы автор дамского романа, если ваши герои хотят друг друга, но у них ничего не получается.

Вы автор порнухи, если у них получается всегда и везде, даже когда не хочется.

Вы автор боевика, если за вашим героем охотятся женщины, злодеи и правительство. Последнее — чтобы вручить медаль.

Вы автор детектива, если при виде покойника ваш герой ищет улики, а не пузырек с валерьянкой.

Вы автор ужастика, если покойник съедает героя вместе с уликами.

Вы автор фэнтези, если ваш герой ищет магический артефакт, сражается с колдунами и спит с принцессой.

Вы автор научной фантастики, если он делает то же самое с альтернативным топливом, пиратами и борт-инженером.

Вы поэт, если никто не хочет вас печатать.

СЕГОДНЯ

7 сентября 2007 г.

Ладно, когда царица рождает «не то». Бывает, что рождает не та царица...

Леля примчалась ко мне — вся зареванная.

— Белла беременна!

— Ха! Круто! А чего рыдать-то?

— Джош не хочет ребеночка!

Первая реакция была — не постигаю! Как это не хочет? Я тут таблетки упаковками глотаю, на игле сижу... А он...

Леля пила минералку. Зубы стучали о стакан.

— Я к Белле кинулась. А она говорит: «Если ему не надо, я рожать не буду: делайте, что хотите».

— Откуда ты узнала, что Белла беременна?

Леля шумно высморкалась.

— Я подслушала по телефону! Джош прибежал домой — как наэлектризованный. У меня сразу сердце перехватило. Спрашиваю, что случилось, а он глаза отводит. А потом Белла позвонила, и они начали ругаться...

Я слушала, как Леля клянет своего балбеса; держала ее за руку...

Не постигаю. У меня над столом висит календарь — голопятый малыш в папиных ладонях. Убрала его. Не могу смотреть.

ИТОГИ

9 сентября 2007 г.

Кевин в шутку сказал, что у него есть личный божок, который наказывает его за все хорошее. Сделал карьеру — с женой не повезло. Хотел снять фильм в Индии — студии денег не дают. Божку не хочется, чтобы желания Кевина сбывались: ему так неинтересно.

Теперь он отнимает у него и внучку: Белла решила сделать аборт.

Я не пытаюсь сочувствовать Кевину — моей религии он не примет, а больше утешать его нечем.

Как в старые добрые времена мы сидим в баре на Санта-Монике. В телевизоре серьезная журналистка рассказывает об очередном убийстве в Даун-тауне:

— ...нанес ножевое ранение в грудь, отчего потерпевший скончался на месте.

Кевин отворачивается от телевизора.

— Сколько лет смотрю новости, а они все убивают и убивают... Зачем?

Раньше я не понимала, почему он уступил меня сначала Зэку, потом Полу. А сегодня вдруг поняла: он не верил, что мы с ним можем быть счастливы. Его божок не позволил бы ему.

— Белла — дура, — говорит Кевин, глядя перед собой. — Она бы никогда не пожалела, что родила. Пусть от этого долбоеба Джоша, пусть от кого угодно...

Я знаю, о чем он сейчас думает. Когда Белла сказала ему о беременности, Кевин расцвел. В голове понеслись мысли — как он будет гулять с внучкой (именно с внучкой!), как научит ее ездить на велосипеде, как будет сажать на шею и показывать ей слонов в зоопарке.

Не будет ни смешных юбок с рюшками, ни куколячьих носков, ни детского дыханья в темноте спальни. Все улетит в канализацию. У Беллы уже назначена встреча с доктором.

Кевин раскладывает в шахматном порядке пакетики с сахаром.

— Знаешь, я их всех ненавижу — и Беллу, и Сьюзан...

— Сьюзан тоже хочет, чтоб Белла сделала аборт?

— Разумеется. Для нее «честь семьи» гораздо важнее чужой жизни.

Кевин просил отдать ребенка ему: «Я сам буду за ним ухаживать!» Они только рассмеялись.

— Белла стала так похожа на мать...

Удивительно, что он не держит зла на Джоша. Я бы на его месте думала о «ножевом ранении в грудь». Хотя наверное все дело в том, что самые ответственные вопросы в семейных делах Кевин перекладывает на плечи женщин. И Джош тут как бы автоматически «не считается». Хотя он-то как раз и принял решение первым.

Можно винить в своих бедах мстительного божка, а можно схватить черта за хвост и завязать его узлом. Если тебе действительно нужен этот ребенок, запрети Беллу дома, поговори с ней, убеди не идти на аборт.

— Так что ты собираешься делать? — спрашиваю я.

Кевин не слышит моего вопроса.

— Я тебе всю жизнь немножко завидовал.

— Мне? Почему?

— Потому что у тебя всегда все впереди. А у меня — все в прошлом. Каждый день я сожалею об упущенных возможностях.

Я спорю, что-то доказываю.

— Вот именно про это я и говорю, — усмехается Кевин, — у тебя есть мечты, а у меня — только воспоминания, причем далеко не самые приятные.

Завтра он уезжает в Иерусалим — учить древнеарамейский язык и жалеть себя.

НЕВЕСТУШКА

12 сентября 2007 г.

У Агнессы что ни день — новое потрясение. Вчера она выяснила, что Каябьб — атеист, что для доброй протестантки совершенно неприемлемо.

— А что ты хотела? — спрашиваю я. — Он же ученый!

— Меня не касается! Пусть выбирает — либо я, либо Дарвин!

— А он что?

— Не знаю! Он с вечера не звонил.

Мы пьем чай у меня в гостиной и обсуждаем вероломство мужчин. Наглядный пример вероломства, Джош, сидит на ковре и играет с Пи-Пи.

Я с ним поговорила. Он расходится с Беллой. Джош решил, что она специально залетела, чтобы привязать его к себе.

— А я не готов! — говорит он. — Она не хочет меня такого, какой я есть. Она мне галстук подарила! Представляешь?!

В глазах Джоша — нечеловеческий ужас. Да, представляю. Классическая история — она думает, что ради любви он способен на все: только она под любовью понимает «семью», а он — экстремальный секс.

— Да ты, детка, мудака.

— Я?!

Джош краснеет до корней волос.

— Я ответственный человек! Неужели лучше, чтобы у меня появился ребенок, которого я не люблю? От женщины, которую я побаиваюсь?

— Ты о Белле?

— Да! Я думал, она меня понимает. А она втиралась ко мне в доверие!

Пи-Пи нарядилась в принцессу: поверх майки моя кружевная рубашка. Джош нацепил на голову меховую наволочку от диванной подушки: он — людоед.

— Стой, принцесса! Куда это ты идешь?

Пи-Пи кокетливо обмахнулась веером.

— На работу.

— А кем ты работаешь?

— Девочкой в песочнице.

— Пошли лучше жениться!

— Ой, пойдём!

От неожиданности Пи-Пи забыла, что она боится людоеда. Ей еще никогда не делали предложение.

Джош подарил ей кольцо с камнем, взятое из набора «Барби и друзья».

— На ближайшие пятнадцать лет я, кажется, свободен, — сказал он удовлетворенно.

Агнесса с сожалением посмотрела на Пи-Пи.

— Наверное Каябьяба надо брать. В конечном счете, он не самый большой негодяй на этом свете. Бог с ним, с Дарвином.

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ

13 сентября 2007 г.

Я ждала этого дня как манны небесной. На 9 часов был назначен суд над Зэком. Разобраться, расквитаться и вырвать его из своей жизни как «двойку» из дневника.

— Ты пойдешь на заседание? — спросил Пол, застегивая рубашку.

— Нет.

Я покосилась на Папу Жао, который расставлял на обеденном столе чашки с кофе. Насколько я знала, он ничего не разболтал насчет Зэка. Мы ходили мимо друг друга — вежливые и непримиримые — как фальшивомонетчики, слишком много знающие друг о друге. Что Папа Жао думал обо мне — понятия не имею. Уже потом, задним числом, я вспомнила, что сбежав с фестиваля шарманщиков, я оставила Зэка и Жао наедине. А ведь они могли поговорить. И Зэк мог навешать нашему китайцу какой угодно лапши.

Но до сегодняшнего дня все было тихо.

Пол пошел в ванную.

— Куда ты мой одеколон... Жао, это что?

Он вернулся, держа в руке какую-то коробочку. Жао посмотрел.

— Хе, презерватив. Это вы из Индии привезли?

У меня похолодело под ложечкой. Я сразу узнала упаковку: такими пользовался Зэк. Сукин сын специально подбросил ее, чтобы рассорить нас с Полом.

— Мардж, я нашел эту штуку за сливным бачком. Откуда она там взялась?

Я лихорадочно пыталась придумать какое-нибудь оправдание, но в голове каталась только одна мысль: «Я почти беременная — меня нельзя расстраивать!»

— Пол, я...

— Ты что, кого-то приводила сюда, пока меня не было?

— Это не то, что ты думаешь!

— А что?

Я его в жизни не видела таким — Пол был не в ярости. Его как-будто подстрелили.

— Мистер Вардлоу, это я приводил сюда свою девушку, — произнес Папа Жао.

— То есть?

— Ну что я ее, к себе поведу? Она приличная женщина, у ее дяди магазин в Чайна-тауне есть.

Пол схватился за лоб.

— Жао, у меня сейчас процесс, я опаздываю, но когда я вернусь, я тебя убью.

Едва дверь за ним захлопнулась, я подошла к Папе Жао.

— Спасибо.

Тот не поднимал на меня глаз.

— Мне еще кое-что нужно из Китая привезти. Вы уж поспособствуйте.

Казалось бы я весь день должна была думать о Зэке: о том, что он козел, и что хорошо бы Пол продул его дело. Но мысли текли совсем в ином направлении. Я смотрела на Папу Жао, угрюмо смахивающего пыль с книжных полок.

К Люси я относилась с гораздо большим уважением: она работала у меня ради денег. А Жао нравился статус прислуги, и наверное поэтому я подозревала его в подлости — ведь он так непохож на меня.

Даже то, что Жао помог Полу справиться с болезнью, ничего не изменило. Даже его концепция об инь и ян.

У него была личная жизнь, о которой я ничего не знала. Я обращала на него внимание лишь тогда, когда он был источником занимательной истории или угрозой моему благополучию.

Жао тоже меня не любил, но мирился с моим существованием — как персидский кот с наличием дуры-хозяйки. И тем не менее он подставил бок, чтобы защитить меня.

— Почему ты сказал, что это твой презерватив?

Папа Жао нахмурил редкие брови.

— Это не из-за вас, это из-за того... бритоголового. Плохой человек — презик вам подсунул и мою шарманку веломагнитофоном обозвал. За что он вас ненавидит?

Я хотела сказать, что напротив — Зэк меня любит, но как-то язык не повернулся.

— Жао, иди домой, а я с Полом поговорю, чтобы он на тебя не сердился.

Папа Жао презрительно хмыкнул.

— Как будто я его сердитым не видел!

Но закончив уборку, все же свалил от греха подальше.

Пол вернулся поздно. Я не звонила ему: не хотела лишний раз напоминать, что меня волнует судьба Зэка.

Наконец он явился: взгляд бесстрастный, даже суровый.

— Есть что-нибудь перекусить?

Я разогрела ему ужин.

— Ну спрашивай, что ли! — произнес Пол. Он уже не мог сдерживать себя и улыбался от уха до уха.

У каждого адвоката есть свой фирменный способ ведения дел: кто-то травит противника, кто-то задавливает интеллектом, кто-то взывает к судейской жалости. Пол — остроумничает. Причем с серьезным выражением лица.

Я никогда не была на его процессах, но мне приходилось видеть Пола в действии. Полгода назад он представлял интересы супер-модели, разводящейся с мужем. На кону стояло 150 миллионов.

В ожидании пресс-конференции Пол сидел в роскошном фойе «Шератона» и делал пометки в документах. Вокруг на почтительном отдалении перешептывались журналисты.

Черные ботинки, неброский, застегнутый на все пуговицы костюм, на манжетах — старомодные запонки с тигровым глазом. Пол вел себя так, будто ожидал, что ему вот-вот принесут кофе.

Один из журналистов не выдержал:

— Мистер Вардлоу, вы считаете, что ваша клиентка не должна делить все нажитое в браке пополам?

Пол отложил блокнот в сторону.

— Боюсь, что ее муж тоже так считает. Иначе ему придется взять себе половину ее котов, опухоль правого колена и одну из силиконовых грудей.

Прокурор требовал для Зэка чуть ли не смертной казни.

— Подсудимый является образцом недостойного поведения. Дорожный патруль трижды задерживал его за превышение скорости. При этом ни один штраф так и не был уплачен. Теперь на совести подсудимого еще более тяжкие правонарушения: вождение в пьяном виде, вандализм, сопротивление властям. Совершенно очевидно, что этому молодому человеку нужен серьезный жизненный урок, который наглядно продемонстрирует, что есть порок, а что — добродетель. Я считаю, что мы все ответственны за то, чтобы этот урок был преподнесен. Иначе последствия могут быть самыми печальными.

Судья повернулся в сторону Пола.

— А вы что скажете?

— Я абсолютно согласен, ваша честь. Моему подзащитному действительно нужно продемонстрировать разницу между Добром и Злом. Как справедливо заметил господин прокурор, порокам моего подзащитного уже кто-то обучил до нас. Соответственно, наша задача — вплотную заняться добродетелью: милосердием и человеколюбием.

Зэк отделался штрафом и неделей исправительных работ.

Меня распирало от гордости за своего мужчину. Успех, образование, ум — это все замечательно. Но великодушие — это самое лучшее, что есть в человеке.

— Так ты не сердись больше на Зэка? — спросила я.

Пол вытаращил глаза.

— Да я его терпеть не могу! Только я предпочитаю, чтобы это он чувствовал себя негодяем, а не я.

— Тогда обещай не увольнять Папу Жао.

Пол игриво посмотрел на меня.

— А ты мне что?

— А я тебе похудею. Буду стройная как велосипед.

Пол сказал, что ему нравятся Царевны-Лебеди, а не Царевны-Велосипеды. Я, конечно, не верю, но все равно приятно.

PLAYBOY

14 сентября 2007 г.

Папа Жао был прощен за просто так. Но Пол потребовал, чтобы тот рассказал про женщину, побывавшую у него в постели.

Жао вытер нос рукавом.

— Да я сам про нее ничего толком не знаю. Я ее на кролика поймал.

— То есть?

— Ну, если мне надо с кем-нибудь познакомиться, я беру ангорского кролика, кладу себе за пазуху и иду в метро. Дамочки сами ко мне пристают: «А что это у вас за прелесть? А можно погладить?» Все остальное — дело техники.

Пол не стал спрашивать, как давно Папа Жао рыбачит на живца.

— А то вдруг он этим *годами* занимается?

На всякий случай мы купили новую кровать, а старую я отдала Жао в качестве компенсации.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь я буду говорить девушкам, что я разорившийся аристократ.

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

17 сентября 2007 г.

Сегодня пошла в банк сдавать чеки, смотрю — Зэк в очереди стоит. Мы на секунду встретились глазами, и оба сделали вид, что не заметили друг друга.

Бочком, бочком я вышла из операционного зала и решила подождать в кафе на верхнем этаже.

Через полчаса вернулась к лифту. Двери раскрылись...

— Привет, — сказал Зэк.

Я повернулась к нему спиной.

— Тебе на какой этаж?

— На третий.

— И мне на третий.

Некоторое время мы молчали. Я первой не выдержала.

— Ты хоть спасибо-то Полу сказал?

— Мардж, ты превратилась в зануду.

Мы вышли из лифта, столкнувшись плечами, и остановились посреди коридора.

— А ты превратился в законченную сволочь! — прошипела я. — Зачем ты презерватив за бачок сунул? Ты хоть головой подумай: за что ты мне мстишь? Ты сам от меня ушел! Ты прекрасно понимаешь, что мы с тобой не пара! У Пола чуть инфаркта не было, когда он нашел...

Зэк привалился спиной к стене и начал ржать. Я смотрела на него, ничего не понимая.

— Это был не презерватив, это только коробочка, — всхлипывал он. — Мардж, дорогая, прости! Я положил ее на бачок, думал, ты сама ее найдешь...

Дурдом какой-то. Оказалось, Зэк решил сделать благородный жест: составил бумагу, по которой он отказывался ото всех претензий на мое имущество, сложил ее в несколько раз и сунул в упаковку от нашего первого презерватива.

— Это был сувенир на память.

Я не помню, что наговорила Зэку: кажется, ничего хорошего. Сев в машину, я набрала Папу Жао:

— Ты не знаешь, куда делась та коробочка из-под презерватива, которую Пол нашел за унитазом?

— Да я ее в мусорную корзину выкинул. Только не помню, в какую — то ли в ванной, то ли в офисе.

— А мусор ты выносил?

— Да вот, приготовил — все в мешки сложил.

Через десять минут я была на квартире у Пола.

— Жао, мне нужно срочно найти эту коробочку!

Когда Пол вернулся домой, он застал следующую картину: посреди кухни стояли два огромных мусорных мешка, а мы с Папой Жао тщательно перебирали их содержимое.

— Кушать захотели? — спросил Пол.

Пришлось каяться и объясняться. Пол слушал меня с непроницаемым лицом.

— Значит, Жао привел сюда свою даму потрахаться, а ты — своего бывшего мужа — пописать? Очень мило.

— Зэк хотел пойти на мировую — только выбрал самый идиотский способ.

Пол, да не стой ты, как вкопанный! Помоги нам найти коробочку!

Теперь мы рылись в мусоре втроем.

— Слушай, а ты уверена, что тебе так важна эта штука? — наконец спросил Пол.

— Там бумага, которая...

— Да я ее с самого начала вытащил. Я просто думал, тебе хочется оставить коробочку на память.

Я запустила в него тапкой. Пол, оказывается, с самого начала понял, в чем дело. Просто ему было интересно послушать наши с Папой Жао оправдания.

ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ

18 сентября 2007 г.

— Мардж, ложись на кровать.

— Ы-ы-ы... Не хочу!

— Ну что мне, тащить тебя, что ли? Иди выполняй долг.

Шлепанье босых ног по полу. Скрип матраса.

— Лежи смирно. Я лед принесу.

Шорох, смешки.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Щекотно!

— Не дергайся, а то будет больно!

Возня на кровати.

— Сейчас буду вводить.

— Только нежнее, нежнее... А-а-а!

— Мардж, тебе больно?!

— Не-е-ет! Мне приятно!

— Я тебе сделаю массаж, и все будет хорошо. Массаж расслабляет. Вот так лучше?

— Да-а... Ка-а-айф!

Пол делает мне инъекции.

НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР

19 сентября 2007 г.

Я проверяла имейлы, когда позвонила Мелисса.

— Включай телик! Там Орлу показывают!

У меня сердце екнуло. Я уже решила, что я благородная и незлобивая, как Папа Жао, что ничто не может вывести меня из равновесия... А тут оказалось, что может. Вражья морда давала интервью по телику — да еще по центральному каналу.

Я стояла, скрестив руки, перед телевизором. Ведущая ток-шоу — известная на всю страну домохозяйка — готовила вместе с Орлой салат и параллельно беседовала о литературе:

— Когда вы поняли, что хотите стать писателем?

— В детстве. На уроках литературы...

Я злилась. Интересно, ведущая читала Орлины книги? Если да, то как она могла пригласить ее на передачу? Если нет — вопрос остается в силе.

Впрочем, если уж быть до конца честной, мне было завидно: я тоже хотела перчить салат перед камерой.

Я смотрела на Орлу и то ли с досадой, то ли с удовольствием отмечала: «Дуреха, не рассказывай, как ты хотела стать писательницей — это никого не интересует. Продавай свою книгу! Цитируй, расхваливай, сделай так, чтобы зрители захотели купить ее!»

В этот момент из моего офиса послышался грохот. Я кинулась назад и замерла. Компьютерная клавиатура и все бумаги были засыпаны землей, а на кресле, где я сидела несколько минут назад, лежал тяжелый цветочный горшок.

У меня над столом висят полки, и на верхнюю из них я поставила здоровенный куст диффенбахии. Когда земля высохла, стебли, повернутые на одну сторону, перевесили, и горшок упал. Если бы не Орла — лежать бы мне сейчас с проломленным черепом.

Мы с ней делим даже не мужчину, а планы на будущее и воспоминания. Нам — каждой по отдельности — кажется, что только такие люди, как мы, достойны счастья, и нас не устраивает обратное. Именно поэтому нам хочется подкорректировать ситуацию: отомстить, напакостить, выставить в дурном свете.

Я недавно подумала: а ведь я могу влюбить Орлу в себя. Я уже так давно читаю ее блог, что отлично знаю, что ей нужно, чтобы потерять голову. Всего-то требуется: открыть в интернете дневник от имени мужчины, поместить туда три-четыре фотографии и писать. Я уже и образ придумала: 35 лет, высокопрофессиональный программист, разведен, воспитывает маленького сына. Каждый день короткий пост о смысле жизни и смерти, и красоте этого мира. Хобби — книги о магии и полеты на спортивных самолетах. Орла в пять минут бы купилась. Но не буду. Врагов нужно любить: они меня от смерти спасают.

А еще надо сфотографировать Папу Жао и повесить его портрет в качестве обоев на экране компьютера.

Вечером:

Разговорились с Полом о врагах. Как мы похожи! Оказывается, Пол часами думал о Зэке — точно так же, как я об Орле. Хитроумные планы, зарок не тратить время на ерунду, и снова планы...

Мы выяснили, что ненавидим врагов за то, что они нас не уважают. А еще — за то, что при скромных талантах они замахиваются на статус звезды.

— Зэк — бездарь! — кипятился Пол. — А все туда же: мечтает об Оскаре!

— Орла — тоже бездарь, — поддакивала я.

Бездарность «чужого врага» нас ничуть не задевает. Тут важен личный момент. Пол не любит Зэка еще и потому, что немного завидует ему. Он тоже мечтал об актерской карьере, но сошел с дистанции. А Зэк попер дальше.

А мне крайне неприятна Орлина деловая хватка. Мне самой ее недостает: будь я более активна, я бы не работала как волк-одиночка, а создала крупное агентство с офисом в небоскребе.

— А почему ты все-таки не напакостил Зэку во время суда? — спросила я Пола.

Он вздохнул.

— Я подумал: порадовался бы я, если бы Зэк хорошо сыграл в каком-нибудь фильме? Наверное, да. Лучше, если на этом свете появится классное кино, нежели еще один несчастный уголовник. Я подтолкнул Зэка в нужном направлении.

Кажется, я тоже хочу, чтобы Орла написала хорошую книгу. Мне же самой будет что читать. Помогу ей добиться этого (если представится возможность).

TIME-OUT

21 сентября 2007 г.

В меня поместили четыре зародыша по восемь клеток каждый. При зачатии (или как это называется?) присутствовал симпатичная докторша и две медсестры. Папы не было — он выступал в суде.

Два дня лежать, задрать ноги — за это время эмбрион должен прицепиться к стенке матки.

Я капризничаю — привыкаю к роли беременной. В двенадцать ночи потребовала себе сосисок в постель. Пол явился в спальню: в одной руке половник, в другой — поваренная книга.

— В каком ковшике нужно варить сосиску? В кастрюле можно? Слушай, напиши мне подробный рецепт, а то я уже совсем запутался.

У меня такое чувство, что я за эти дни превращусь в Страшилу Мудрого.

РАБОТНИЦА

23 сентября 2007 г.

Эрни позвонил и пригласил нас с Полом на свадьбу. Но я-то не могу, мне нужно лежать. А Пол поехал — как-никак брат женится.

Несколько раз в день он звонит и рапортует с места событий.

Я была готова к тому, что у Эрни и свадьба фальшивая — оказалось, что нет.

— Где он невесту-то нашел?

Пол уже выяснил подробности: Эрни как-то забрел в стрипклуб. К нему подошла девушка и предложила лэп-дэнс, но Эрни был не при деньгах. Слово за слово, они разговорились.

Гайя (так звали стриптизершу) сказала, что почти все девушки в клубе иногородние и прилетают в Вегас только на выходные. За ночь можно заработать до двух с половиной штук. Полтинник клубу, сотка — ди-джею, какая-то мелочь — швейцарам и официантам. Остальное — себе в карман. Идеальный вариант для бедной студентки или одинокой мамашки. Тем более, что все абсолютно легально: каждая барышня имеет государственную лицензию и платит налоги.

— Самые красивые стриптизерши работают без души, — сказал Эрни. — Им и так платят за красоту. А вот девушки попроще вынуждены интеллектом брать: подходить к клиенту, общаться, нравиться... Вот как Гайя, например. В ней душа чувствуется... А ведь она всякое повидала — с 1987 года танцует.

— Так Эрни что, женится на стриптизерше с 20-летним стажем? — спросила я Пола.

— Да нет — он себе хорошенькую выбрал, без души. Их Гайя познакомила.

Пол прислал мне на сотовый фотографию невесты — тоненькой, как колокольчик, и прекрасной, как грузинская княжна.

— Вчера у нас был мальчишник, — сказал он, — и мы ходили в клуб, где они встретились. Прикольное местечко, я тебя потом свожу...

Я усиленно делала вид, что со мной можно разговаривать на такие темы. Я ведь своя в доску, я все понимаю. Но по-моему, это дурной тон — рассказывать мне про стриптизерш, когда я лежу одна-одинешенька и пытаюсь забеременеть.

В конце концов, я не выдержала:

— Убей бог, не понимаю: почему мужикам так нравится, когда по ним чужая баба ерзает?

Пол развеселился и пообещал отдать меня в умелые руки Эммануэль.

— Она всех стриптизеров в Лос-Анджелесе знает. Устроите девичник, пригласите подруг и вызовите себе мальчика.

Я поклялась, что спрячусь в ванной и не выйду, пока это чудовище не исчезнет. Пол остался очень доволен моими словами. Теоретически он за равноправие: раз ему можно ходить по стрипклубам, то и мне не возбраняется. Но это только теоретически.

РАЗГАДАЙ!

26 сентября 2007 г.

Я всегда просчитывала свое будущее на много лет вперед. А сейчас у меня нет будущего.

Вчера ездила в Палос Вердис¹: забралась на самый верх, подошла к перилам, откуда должен был открываться вид на океан. Но за перилами ничего не было. Пространство, затянутое тучей, кончалось на расстоянии вытянутой руки.

То же самое происходит с моим будущим. Я знаю, что оно где-то должно быть, но мне его не видно.

Наклеиваю на себя пластыри с эстрогенами²: хожу как Золушка — вся в заплатках. Со мною что-то происходит, только вот что? То ли я беременная, то ли вконец обдолбанная лекарствами.

Пол вернулся с работы довольный: заработал целую кучу денег. Посмотрел на меня и сразу сник. Ему тоже страшно — за меня, за нашего ребенка. Вчера делали анализ крови. Уровень прогестерона³ низкий — велели увеличить дозу инъекций в полтора раза.

Как быть, если внутри меня — пусто?

АВТОМИР

30 сентября 2007 г.

Интересно смотреть на людей, когда сидишь в пробке. Особенно, когда они одни в машине. Автомобиль — это личное, огороженное от внешнего мира пространство, и человек чувствует себя в нем полностью свободным — как если бы он был один в комнате.

Можно матюкаться в три этажа. Можно ковырять в носу. Можно улыбаться зеркалу и думать: «Красавица! Ну просто звезда!»

Когда машины несутся на полной скорости, этого всего не видно. А когда еле-еле тащутся — привычка к личному пространству остается.

¹ Палос Вердис Эстейтс — престижный пригород Лос-Анджелеса. Расположен на берегу Тихого океана, на горе, с которой открывается изумительный вид.

² Эстрогены — женские половые гормоны.

³ Прогестерон — женский половой гормон; подготавливает матку к имплантации и питанию яйца и регулирует обмен веществ во время беременности.

Я сижу в пробке и развлекаюсь. Вот мужик в катафалке треплется по телефону и гогочет во все горло. Вот мусульманка спустила платок с волос — верх бесстыдства! У рыжей девчонки в машине играет та же радиостанция, что и у меня — я не слышу ее голоса, но по движению губ угадываю, что она поет «мою» песню.

Когда люди идут по улице, всех накрывают защитные колпаки. В машинах такого не бывает. В машине каждый сам по себе — вроде бы со всех сторон закрыт железом и стеклом, а на самом деле — как на ладони.

Насколько проще любить этот мир без колпаков...

ВРЕМЯ НОВОСТЕЙ

1 октября 2007 г.

Первый том моего дневника, «Женщина с большой буквы «Ж», выйдет через месяц. Мы с Женей сделали это — ура!

Великое произведение переворачивает сознание.

Хорошее произведение — это когда не жаль потраченных денег.

Бестселлер — это когда хочется рассказать о книге ближним («Супер!» или «Ужас-ужас!» — не имеет значения).

Бесцеллер — это все остальное.

Что же я создала? А бог его ведает. Сижу теперь, как родитель на конкурсе бальных танцев, жду, как судьи отреагируют.

Эту книгу тоже пора заканчивать. Учебника жизни у меня, конечно, не вышло, ну да ладно: «Сказки, стихи и загадки» — тоже неплохой результат. Через несколько дней станет ясно — будет ли у моей сказочки хэппи-энд.

ПОДАРОК СУДЬБЫ

3 октября 2007 г.

Я сказала Полу, что я разведусь сама: благо дело, опыт имеется. Перед судом пришлось немного подождать. Мы с Эком сели рядышком на стулья.

— Брак у нас был по расчету, а развод, кажется, по любви, — сказал он.

Застарелое чувство плеснулось где-то внутри. Красивый, остроумный... Ведь уйдет к другой бабе и будет с ней счастлив... Впрочем, ладно, не надо о грустном.

Судья нам попалась хорошая. Спросила, как долго мы живем в Калифорнии, и по какой причине хотим расторгнуть брак.

— Из-за полного несходства характеров, — отозвалась я.

— Ого, уже четвертый развод! — удивилась судья, проглядывая мои бумаги.
— Что ж это вы, мисс Тенш, до сих пор в поиске?

Я объяснила, что по статистике счастливым оказывается лишь один из пяти браков. Четыре я уже отработала. Она покачала головой и сказала, что раз стороны не имеют друг к другу претензий, дело можно считать решенным.

Выходя от судьи, мы с Эком дали друг другу «пять». Пара, отправившаяся разводиться за нами, посмотрела на нас как на больных.

— Ты не обижайся на меня, — сказала я Эку на прощание. — Просто так карта легла...

Он улыбнулся.

— Да ладно, переживу. Я тут устроился в фирму, которая организует массовки. Они мне рабочую визу обещали. С завтрашнего дня буду гонять толпу на съемках.

— А ты умеешь быть начальником?

— Справимся как-нибудь. У меня первая должность была — кладбищенский сторож. Подо мной было пятьсот человек, и все вели себя тихо.

Ну и слава богу... Теперь мой малыш может смело рождаться: его непутевая мамка больше не состоит в постороннем браке.

НАШ ЛЮБИМЫЙ МАЛЫШ

4 октября 2007 г.

Я написала письмо своему малышу. Вырастет — дам почитать.

Привет, ребенок!

Доктор показывала мне твою фотографию — ты смешной: похож на мыльные пузыри, прилепившиеся друг к другу.

Я уже накупила тебе подарков: пару наимоднейших штанов, банный халат и носорога, поющего «Jingle Bells¹». Еще мы с папой спорим по поводу твоего имени. Он пока никак не хочет тебя называть, потому что боится сглазить, а мне не терпится. Как тебе имя Габриэль? Подходит и для девочки, и для мальчика. Бабушка, конечно же, будет против: скажет, что это не по-русски, но мы ее как-нибудь задобрим. Она тебя увидит — моментально растает.

Кстати, у меня большие планы на твой счет: если ты родишься мальчиком, я выращу из тебя Принца на Белом Коне. Если девочкой — Принцессу на Розовом Кадиллаке. Папа говорит, что у нас нет стойла для лошади, и что не надо обещать ребенку всякой ерунды. Но мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Подумаешь — стойло! Мы тут человека создаем из мыльных пузырей!

В общем, ты приходи к нам: у нас весело.

Твоя мама

ВСЕ ЯСНО

5 октября 2007 г.

Ничего не вышло. Все псу под хвост — надежды, нервы...

Единственным результатом стало то, что у меня болит исколотая попа. Нашла приключений себе на задницу.

¹ Популярная рождественская песенка.

ИДЕАЛЬНЫЙ ДОМ

16 октября 2007 г.

Я рыдала часа три подряд... Пол осторожно стучался в ванную, но я не открыла. Потом в дверь начал скрестись Ронский-Понский. Упорно — чтобы я поняла: если надо, он створку насквозь продерет.

Я выглянула в щелку.

— Ну, чего тебе?!

Ронский заискивающе вилял хвостом.

— Пошел на фиг!

Он и не думал уходить — смотрел влюбленными глазами и молча боготворил: «Мама, писать очень хочется... Пойдем гулять, а?»

У него, у засранца, жизнь продолжалась. Пришлось идти.

Вернувшись с улицы, я хотела накатать целую поэму, но потом раздумала. Совесть надо иметь: у меня есть любимый мужчина, любимая работа и любимые деньги. К тому же скоро выйдет моя книжка, и все будут меня почитать и перечитывать.

А Габриэля еще родим. Какие наши годы? Надо только как следует настроиться и поговорить с подсознанием. Оно мне поможет; оно ведь — Бог.

Мы с Полом решили, что нам надо переехать. На прошлой неделе ходили на разведку в Лагуна-Бич: прелестный городок на склонах гор, голубой океан, акварельное небо. Купим дом: для Пола там будет вид с высоты птичьего полета, для меня — терраса с плющом, для Ронского — кусты для описывания.

Я уже нашла агента по недвижимости и поручила ему продать мою усадьбу. Жалко, конечно, расставаться, но мне нужно что-то поменять в своей жизни.

Вчера в газон воткнули знак «Продается». Соседи подходят — интересуются. Осталось придать дому товарный вид.

Когда я начала прибираться в медицинском шкафчике в ванной, он взял и вывалился из стены. В нише лежала стопка пожелтевших писем и портрет какого-то мужика в рамке.

Кажется, бывшая хозяйка моего дома вела двойную жизнь. Все подробности — в новом дневнике. А я поехала в отпуск — лечить душу апельсинами.

Вечером:

Леся сказала, что тому мальчику из России, с заячьей губой, сделали операцию. У него все хорошо.

Вот оно — счастье.

Официальный сайт Эльвиры Барякиной: www.baryakina.com

Блог: <http://Agent-marge.livejournal.com>